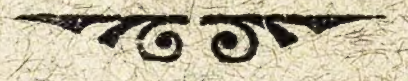
П. Ковган

Записки Неуча.

Том II

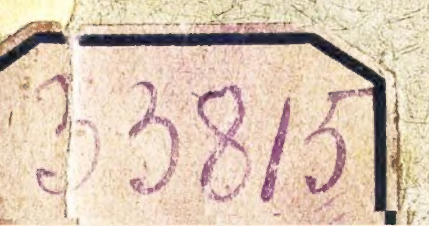
В шести частях.

Издательство
„Вольное казачество".

Харбин.
1927 г.

П. Ковган.

Записки Неуча.

Том II

В шести частях.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО“

ХАРБИН.

1927 г.

Предисловіе.

Во втором томѣ „Записок неуча" я продолжаю печальную эпопею добровольческой арміи и, как очевидец и участник, даю ряд картин, полных крови и ужаса, послѣдовавших за крахом бѣлаго движенія на югѣ Россіи.

Мое правдивое, хотя и безыскуственное, повѣствованіе пусть заставит читателя сдѣлать выводы и составить заключеніе о всей той массѣ мерзости, предательства и позора, свидѣтелем чего мнѣ пришлось быть.

Зная гнусные поступки разных дворян и баронов во время наивысшаго напряженія борьбы за Родину, я не могу не возмущаться теперь, когда эти же дворяне и бароны кричат о своем „патріотизмѣ" и снова собираются „спасать" Россію... чтобы вернуть себѣ безпечальное житье за счет того народа, который эти господа презирают и ненавидят.

Поэтому, быть может, „Записки неуча" многим покажутся слишком рѣзкими и многіе начнут меня обвинять в преувеличеніи и демагогіи.

Я к этому готов и всѣ нападки приму спокойно, ибо совѣсть моя чиста и описываю я только факты, как они прошли перед моими глазами.

Не моя вина, что эти факты слишком неприглядны и вскрывают всю низость и подлость так называемой интеллигенцiи и высшаго сословiя“—дворянства.

И я твердо вѣрю, что мое правдивое сказанiе будет по достоинству оцѣнено всѣми обиженными и обездоленными русскими людьми.

А до остальных мнѣ нѣт дѣла.

Автор.

„Неуч“ Прокофій Степанович Ковган.

Чатьь 1.

Крым при Врангелѣ.

Новороссійскія передряги.

Послѣдним этапом добровольческой арміи и ея бездарнаго водителя был г. Новороссійск.

Здѣсь, на берегу моря, сгрудились всѣ: деникинская армія, три казачьих арміи, семьи военных, чиновники и гражданскіе бѣженцы с семьями и скарбом своим.

Шум, крики, плач женщин и дѣтей, сочная матерщина различнаго ранга „начальствующих"—все это создавало картину общей неразберихи и безтолочи.

Каждый стремился во что бы то ни стало скорѣе погрузиться на пароход. Кто уже погрузился,— тот считал себя как бы отрѣзанным ломтем и его не касалось, что творится на берегу.

Бросали на берегу лошадей и повозки, спѣшно таскали на перегруженные пароходы все, что можно было прихватить „на всякій случай": мануфактуру, обувь, вина, шоколад, табак и проч.

Части грузились на пароходы в хаотическом безпорядкѣ и одна часть, погрузившись, не пускала на пароход другую часть

Части добровольческой арміи особенно враждебно относились к Кубанцам. Такое отношеніе явилось результатом увѣреній Деникина и его генералов в том, что яко бы кубанцы виновны в пораженіях и развалѣ добровольческой арміи.

Опасаясь, что казаки смогут, переправившись в Крым, возстановить фронт, и начать тѣснить большевиков без его, Деникина, „водительства“, сей „патріот“ рѣшил от казаков избавиться.

Как он рѣшил, так и сдѣлал: погрузив жалкие остатки своей арміи на пароходы, Деникин армію трех восточных войск бросил на произвол судьбы и она почти вся погибла в дебрях гор от голода и лишеній.

Командующій Донской добровольческой арміей ген. Сидорин прямо и открыто, в печати, обвиняет Деникина в измѣнѣ казачеству и в предательствѣ тѣх, кто честно и самоотверженно боролся против общаго врага и жертвовал всѣм...

Из Новороссійска в Керчь.

Видя яно враждебное отношеніе деникинцев к нам, кубанцам, я рѣшил поскорѣе выбраться из новороссійскаго хаоса и анархіи, тѣм болѣе, что об организаціи какой либо защиты города или противодѣйствія большевикам думать было нечего: всѣ потеряли голову и каждый заботился только о своем спасеніи.

Бросив своих лошадей и экипаж на берегу, я с семейством погрузился на баржу с каменным углем, пришвартованную к пароходу „Дооб“.

12 марта вечером „Дооб“, имѣя на буксирѣ нашу баржу, вышел в море.

В это время стоявшіе на рейдѣ иностранные крейсера открыли орудійный огонь по красным, которые подходили к Новороссійску.

На берегу еще метались кучки военных, ожидая транспортных судов; но судов не было и вся эта масса, потерявшая голову, двинулась по побережью на Туапсе и дальше.

А многіе бѣженцы, все еще надѣявшіеся на прибытіе судов, стояли на берегу, вперив грустные взоры вдаль... но суда не шли...

Ночь 13-го марта мы шли к Крымским берегам; на морѣ был сильный шторм и качка, баржу нашу качало, кувыркало и переворачивало. Обитатели баржи как „черти“: только одни зубы блестѣли; от сильной качки почти всѣ валялись на днѣ баржи, в углѣ, без сознанія.

При полной ночной темнотѣ и штормѣ не было возможности установить, идем мы или стоим на одном мѣстѣ, а если идем, то куда?

И вдруг тревога: обнаружили, что наша баржа от „Дооба“ оторвалась и качается в морских волнах как щепка. Никто ничего не мог понять,—гдѣ мы, гдѣ „Дооб“? Нашу баржу хлестала и гнала морская волна в неизвѣстном направленіи, это было ясно всѣм! „Дооб“ ушел своим рейсом. На баржѣ под-

нялся шум и ругань, дѣти и женщины плакали. Рѣшили бросить якорь, бросили, но конца якорной цѣпи к баржѣ не прикрѣпили и якорь с цѣпью ушел в морскую пучину. Послѣднее средство спасенія ушло. Сигналов никаких нѣт. Открыли стрѣльбу из винтовок вверх и на эту тревогу „Дооб" дал гудок и пошел спасать баржу. Долго „Дообу" пришлось вертѣться, пока счалили оторванный канат. Гудок и снова пошли к берегам Крыма. Обитатели баржи торжествовали. А часа в 3 ночи снова тревога, снова стрѣльба, но уже „Дооб" не отвѣчал. Наша баржа вторично оторвалась от „Дооба" и болталась в морских волнах, как соломинка. Волна нашу баржу постепенно гнала к берегам Кубанской области, занятой красными. Поднялась паника, люди метались по палубѣ баржи, кричали, но были безсильны что либо предпринять. Приходилось покориться судьбѣ и смиренно ждать своей участи.

Говорят, что казак не без счастья, а Бог не без милости, — судьбѣ было угодно нас спасти. К утру шторм стих, рано утром мы слышали гудки,—это катер, высланный из Керчи, искал нас. Открыли стрѣльбу из винтовок; на выстрѣлы катер подошел, взял нас на буксир и мы были спасены. 13-го марта в 10 часов утра мы высадились в Керчи, измученные и болѣзненные, всѣ черные, измазанные угольной пылью до неузнавае-

мости. Имѣвшіяся при нас вещи испачканы углем и превратились в негодность. От морской болѣзни голова кружилась и ощущались страшныя боли и тошнота. Из моего семейства бодрствовал единственный сын Николай 4 лѣт, а остальные были больны.

Приключенія в Керчи.

Керчь была переполнена войсками и бѣженцами. Отыскать временную квартиру было невозможно, а в гостинницах и меблированных комнатах можно останавливаться только с разрѣшенія коменданта гор. Керчи. Пришлось обратиться к коменданту. Комендант разрѣшил остановиться в меблированных комнатах на трое суток.

Меблированныя комнаты были заняты военными, преимущественно офицерами добрарміи. Мѣст и кроватей свободных не было; вещи свои мы свалили в углу комнаты, а сами с дѣтишками усѣлись на вещах. Один из офицеров подошел и с саркастической улыбкой спросил: „ну что, бросили фронт, а теперь бѣжите? и добавил: „я бы вас всѣх Кубанцев перевѣшал“. Это говорил офицер, видѣвшій у меня на груди орден Корниловскаго ледяного похода. Орден, говорящій о том, что в то время, когда мы—горсть героев—сражались с большевиками,—этот офицер держал нейтралитет, выжидал, чья возьмет.

Этот глупый, но выхоленный, круглолицый и в мундирѣ с иголочки офицер считал, что Крым, мол, не Кубань, что здѣсь хозяева они и добавил: „нас по станицам ваши казачки гнали вон со дворов и избивали палками, а мы тут вам покажем!"

—Да, я знаю что вас Кубанскія казачки гнали вон и избивали, но всего этого мало: нужно было вас убивать. Вы обвиняете нас, Кубанцев, что мы фронт бросили? Стыдитесь! Посмотрите на карту Россіи и вы убѣдитесь в том, что когда добрармія была под Орлом, громадная территорія, освобожденная от большевиков, должна была дать армію, которая в казачьих частях не нуждалась бы защищаться от красной арміи. Но бѣда в том, что с продвиженіем вперед добрармія не увеличивалась и занимаемыя губерніи увеличивали армію большевиков: всѣ бѣжали от ваших порок к большевикам. Кромѣ того, вы в своем безсиліи и злости начали вѣшать и пороть Кубань, и когда Кубанцы бросили фронт, то у вас арміи не было, а были громадныя разбухшія тыловыя, совершенно не нужныя, учрежденія, громоздившіяся в городах, на станціях и в деревнях, занимаясь пьянством и развратом. Вас казачки били именно потому, что вы, трусы, жирные как свиньи, громадной толпой, друг друга давя, бѣжали от большевиков. Стыдитесь! А теперь вы волнуетесь, вас злит то, что приходится брать винтовку и идти защищаться, и

вѣроятно жалѣете о том, чсо в 18 году пошли к Деникину, так как красные теперь побѣждают. Не жалѣйте: еще перелетите и перекраситесь нѣсколько раз.

Все же я с семейством ютился в углу комнаты около дверей, а офицеры занимали шикарныя кровати и ни один не имѣл деликатности предложить свою кроват для жены и дѣтей, хотя бы из приличія, нѣт! Проходили в дверь и обратно, топтали ногами наши вещи, злобно посматривали и не закрывали дверей, в которыя страшно сквозило. Это ли спайка и единеніе для борьбы с общим врагом—большевиками?

На второй день я и семейство поѣздом уѣхали через Симферополь и Севастополь в гор. Балаклаву.

Из Керчи в Балаклаву.

Балаклава курортный маленькій городок, расположенный в глубоком ущельи на южном берегу Чернаго моря, с великолѣпной глубокой бухтой, Его окружают высокія заросшія лѣсом и кустарником горы. По спускам и отлогам этих гор всюду раскинуты громадные виноградники. Около самой бухты и далеко по откосам гор громоздятся великолѣпныя, красивой архитектуры, зданія дач и вилл. У самаго входа в бухту, с великолѣпным видом на море,—дворец Кн. Ап-

раксина. Для пріѣзжих великолѣпныя гостинницы: „Россія“ и „Оттель“. В городѣ имѣлась громадная и богатая городская библіотека, городская гимназія и маленькая церковь. Коренное населеніе—греки-рыбаки, а из пріѣзжих большинство—русская интеллигенція и аристократія. Рабочих было мало, т. к. ни фабрик, ни заводов здѣсь не было, за исключеніем консервной фабрики „Форель“ да ликерно-виннаго завода Шитта.

В старое время Балаклава на лѣто оживала, жизнь бурлила, клокотала и била ключем, а на зиму замирала; торговли в городѣ почти не было и Балаклава жила Севастополем. Путь сообщенія единственный: шоссейная дорога на Севастополь и Ялту, сообщеніе на автомобилях и лошадях.

Балаклава тихій и спокойный для отдыхающих город; в старое доброе время, говорят, здѣсь была „тишь и гладь, да Божья благодать“.

В дни революціи, а особенно в гражданскую войну, в Крым со всѣх концов Россіи пришла масса бѣженцев всѣх рангов, чинов и классов, а также убѣжденій, взглядов и профессій. Балаклава радушно принимала всѣх.

Здѣсь, в Балаклавѣ, я сдѣлался невольным свидѣтелем уголовно-политически-романическаго эпизода с блестящим представителем родовой и финансовой аристократіи—бароном Штейнгелем,

Этот эпизод настолько характерен для переживаемой эпохи, дает настолько яркую картину нравственнаго разложенія „высших классов“,—что на нем я остановлюсь подробнѣе и постараюсь описать во всей его неприглядной красотѣ.

Похожденія Ваня Штейнгеля.

1. Кто он и откуда.

Отец нашего „героя“—барон М. В. Штейнгель был извѣстным кіевским милліонером, владѣл нѣсколькими сахарными заводами, имѣл в своем портфелѣ изрядное количество акцій богатѣйших желѣзных дорог и обладал чудеснѣйшим имѣніем на Кавказском побережьи вблизи Туапсе. Имѣніе это слыло лучшим по культурѣ винодѣлія. Называлось оно „Круглик“.

К моменту моего разсказа вся семья Штейнгель состояла из четырех лиц: стараго барона, почти уже дряхлаго и болѣзненнаго старика, его жены—совершенно больной и безпомощной женщины, молодого барона Ивана Максимовича и повара Дмитрія Артемовича Нестеровскаго.

К семейству баронов Штейнгель я причислил повара, ибо он, дѣйствительно, считался своим, т. к. прослужил баронскому семейству35 лѣт и пользовался со стороны ба-

рона полным довѣріем и уваженіем.

К числу домашних надо еще причислить сестру милосердія, которая все время ухаживала за больной старухой баронессой.

Ваня Штейнгель—единственный сын барона, естественно, рос баловнем и пользовался всѣми благами жизни.

Был он в университетѣ, котораго не окончил. В великой войнѣ он участія не принимал, т. к. не хотѣл проливать свою баронскую кровь на полях сраженій рядом с мужицкою кровью.

Каким-то образом за большія деньги Штейнгель оказался „нейтральным“ подданным—гражданином Швейцаріи.

Его отец наживал богатства в Россіи, эксплоатировал труд русских рабочих и крестьян, и тогда считал и называл себя русским. Когда же настала пора хотя чѣм нибудь отплатить Россіи и русскому народу за их добро, то Штейнгели превратились в „нейтральных“, предоставив защиту Россіи мужику и рабочему, который лил на фронтѣ потоки крови, дабы Штейнгели могли в безопасности жить в своих имѣніях и веселиться на курортах.

К гражданской войнѣ у молодого Штейнгеля было такое же отношеніе, как и к германской: он жил в полное свое удовольствіе под защитой доблестных „освободителей“...

Этот здоровый и упитанный лоботряс ничего не признавал, кромѣ своих прихотей и похотей.

И сколько таких Штейнгелей уродливым наростом сидѣли на шеѣ рабочаго и крестьянина!

2. Пир во время чумы.

Когда стало небезопасно оставаться в имѣніи „Круглик", Штейнгели перебрались в Севастополь, гдe и остановились в шикарной гостинницѣ „Киста". Так как шумный и переполненный до отказа Севастополь не мог успокаивающе дѣйствовать на больные нервы стариков, то барон и баронесса с сестрой милосердія переѣхали в тихую Балаклаву, а сын Ваня и повар остались в Севастополѣ в гостинницѣ „Киста".

В тѣ дни Севастополь являл из себя пеструю и красочную картину.

Ставка Главнокомандующаго генерала Врангеля и многочисленные штабы и учрежденія господствовали над городом. Сотни и тысячи выхоленных, упитанных и надушенных штабных „фазанов" и различных „прикомандированных" и „состоящих" рѣзко выдѣлялись в массѣ гражданских бѣженцев, заполнивших всѣ жилые норы Севастополя.

Набережная днем и ночью наполнялась нарядной публикой, гремѣла музыка, разда-

вался мелодичный женскій смѣх и громкій говор разношерстной толпы.

Всякаго рода шантаны и кабаки были переполнены. Вино лилось рѣкой и в одну ночь прокучивались цѣлыя состоянія. Деньгами расшвыривали направо и налѣво, не заботясь о завтрашнем днѣ.

Россія изнемогала в гражданской войнѣ, на безчисленных фронтах лилась кровь, богатѣйшая страна превращалась в пустыню, народ постепенно дичал и звѣрѣл, а в Севастополѣ думали только о весельи, да еще о том, гдѣ и как выгоднѣе „спекульнуть" на нищетѣ и отчаяніи народном.

Русскія бумажныя деньги спѣшно обмѣнивались на золото, на брилліанты и мѣха, на иностранную валюту. Вслѣдствіе этого покупательная цѣна кредиток понижалась не только с каждым днем, но и с каждым часом.

Кто же это дѣлал? Кто пинал ногой изнемогающую в муках Родину?

Дѣлали это не простые, темные и необразованные люди,—нѣт—они боролись там, на фронтах, проливая кровь во имя бѣлой или красной идеи. Устраивали этот чудовищный „пир во время чумы" тѣ, кто сотни лѣт стоял во главѣ государства, кто считал и считает себя опорой и солью земли: различные титулованные и не титулованные дворяне, крупные промышленники и фабри-

канты, „именитое“ купечество и прочая дрянная накипь.

Всѣ они справляли свой вѣчный праздник, сидя в безопасности под защитой обманутых ими крестьян и рабочих. Всѣ они лелѣяли надежду, что „кто-то“ побѣдит красных, „кто-то“ вернет им помѣстья, фабрики и заводы и „кто-то“ возмѣстит всѣ их убытки и потери и вернет их к сытой, привольной и бездѣльной жизни!

Так они „защищали и спасали“ Родину! А теперь эти господа с ожесточенiем бьют себя в грудь и во всю глотку вопят о своей любви к Родинѣ, о своем „патрiотизмѣ“ и еще о многих красивых и высоких понятiях!

Эти паразиты готовы были биться с красными до послѣдней капли крови, но не своей, а чужой. И в то же время они запасались заграничными паспортами и визами, готовые в любой момент покинуть „горячо любимую Родину“...

3. Времена мѣняются.

В доброе старое время господствовало убѣжденiе, что всякаго рода проявленiя низменных страстей и пороков являются принадлежностью простого народа. Вором, грабителем, мелким жуликом мог быть только простой человѣк. Капиталист, аристократ, ин-

теллигент с брезгливым презрѣніем говорил о бѣднякѣ, укравшем с прилавка хлѣб или со двора бѣлье. Эти привиллегированныя сословія если и крали и мошенничали, то дѣлали это в крупном масштабѣ и их ворами и мошенниками никто не называл, а называли их „ловкими дѣльцами“.

Украдет какой нибудь директор банка милліон и пустит по міру тысячи довѣрчивых кліентов,—развѣ он вор? Нѣт—он просто ловкій и умный дѣлец.

А какой нибудь высокопоставленный опекун в генеральских чинах растратит подопечное имущество и обездолит ввѣренных ему богатых сирот,—развѣ он мошенник? Нѣт—он просто неопытный в дѣлах и немного легкомысленный человѣк...

В тѣ времена князья, графы и бароны носовых платков не крали и потому их ворами называть было нельзя, и никто бы вам не повѣрил, если бы вы назвали какого нибудь барона вором. Вас назвали бы сумасшедшим или клеветником и вам не поздоровилось бы!

Но вот пришла революція и многих аристократов и капиталистов лишила почти всего: вмѣсто десятков тысяч они могли теперь проживать только сотни рублей.

Ясно, что вся эта публика почувствовала себя страшно бѣдной, почти нищей. А жить хотѣлось по прежнему, не отказывая себѣ ни в чем.

Вот тут то и развернулись всѣ воровскіе и грабительскіе таланты знатных аферистов и проходимцев, получивших образованіе в лицеях и воспитаніе в аристократических салонах.

Стоило только поставить этих надушенных и выхоленных бар и барчат в условія трудовой жизни, как почти всѣ они оказались никуда негодным хламом и способности свои проявили только в воровствѣ, обманѣ и наглых аферах...

Времена мѣняются, а с ними мѣняются и люди. Стоявшіе еще вчера на верхушкѣ общественной лѣстницы господа—сегодня опустились прямо в грязь преступнаго міра.

3. Ваня Штейнгель и его друзья.

Однажды Ваня, гуляя по Севастополю, повстрѣчался со старым знакомым по Туапсе и имѣнію „Круглик,“—с бывшим Начальником отдѣленія Госбанка Н... Друзья обнялись и долго лобызали друг друга. Сойдя с тротуара в сторону, они оживленно разспрашивали друг друга о прошлом, пережитом, о настоящем и будущем.

Разговор зашел далеко и коснулся обстоятельств, о которых на улицѣ Севастополя говорить было рискованно, а потому друзья сѣли в фаетон и поѣхали на квартиру Н..., гдѣ было совершенно безопасно.

По бѣдности, он квартировал на окраинѣ города и занимал комнату с кухней и прихожей. Семья у него была небольшая: жена и дочь лѣт 12. Пріѣзд Вани Штейнгеля вызвал радостное настроеніе, особенно когда Ваня заявил, что вмѣстѣ с ними поѣдет за границу.

Разговоры и разспросы затянулись почти до вечера. Пріятели больше всего говорили о поѣздкѣ за границу, о тамошних дѣлах, о том, как лучше себя обезпечить и какой валютой?

Хозяин квартиры, растроганный и расчувствовавшійся от любезности своего гостя, открыл чемодан и из шкатулки высыпал на стол свои старыя сбереженія и недавно на биржѣ пріобрѣтенные: золотыя монетки, кольца, брошки с алмазами и брилліантами, брилліантовыя серьги и т. д.

Разсматривая каждую вещь в отдѣльности, производили оцѣнку и Ваня, выдавая себя за знатока, авторитетно расцѣнивал все на иностранную валюту.

Тут же пріятели рѣшили каждый день в опредѣленный час встрѣчаться на Севастопольской биржѣ и совмѣстно скупать за бумажныя русскія деньги цѣнности и постепенно готовиться к отъѣзду за границу. Своим убѣжищем избрали Берлин, т. к. Ваня обладал нѣмецким языком в совершенствѣ.

Новое знакомство Вани.

Вечером пріятели пили чай, когда пришла близко знакомая этому семейству вдова генеральша Н. Она потеряла мужа на гражданской войнѣ и тоже собиралась ѣхать за границу. Ей представили молодого барона Штейнгеля, кіевскаго сахарозаводчика-милліонера, и добавили, что он тоже собирается ѣхать за границу. Генеральша была чрезвычайно довольна новым знакомством. Чай затянулся до поздней ночи, т. к. собравшіеся вели разговор на жгучія темы момента: гово рили о политикѣ, о экономикѣ, ругали всѣх и все.

Обвиняли и ругали всѣх, но только не себя. Ругали Главнокомандующаго Генерала Врангеля за то, что он очень сурово и строго расправляется с офицерами и генералами.

А нужно сказать, что нѣсколько дней тому назад ген. Врангель утвердил приговор полевого суда и два офицера были повѣшены в Севастополѣ на телеграфных столбах с надписями на груди: „за налеты и грабежи".

Эти офицеры верстах в 7—8 от Севастополя остановили шедшій с пассажирами из Ялты в Севастополь автомобиль и, угрожая револьверами, потребовали денег, а когда пассажиры заявили, что денег нѣт, то одному из пассажиров прострѣлили щеку. Пуля попала в рот и вышла в щеку. Их обвинили и приговорили к смертной казни.

Этот случай поднял шумиху. Особенно заговорила наша интеллигенція, демократія, бюрократія, аристократія, чиновники и офицерство. Всѣ вопили о том, что это недопустимо и очень дико—казнить тѣх, которых так безмилосердно убивают большевики. Зато рабочіе и крестьяне были довольны, одобряли генер. Врангеля и говорили, что еслибы генер. Деникин примѣнял подобныя мѣры к офицерам и генералам, то Москва была бы давно взята добрарміей.

За чаем наша компанія вела разговор на эту же тему: ругали генер. Врангеля, одобряли генер. Деникина, особенно его правителей. Говорили, что генерал Врангель без авторитета, что спасти Россію может только „авторитет" с титулом и лицо преклонных лѣт. Кто же согласится подчиняться не знатному и молодому генералу? А строгости кому нужны? Всѣ бѣгут за границу. Пусть Врангель с крестьянами и рабочими сидит в Крыму.

Из присутствуюших никто в защиту генер. Врангеля не говорил ни слова.

Когда гости расходились, была поздняя ночь и барон Штейнгель предложил свои услуги проводить генеральшу на квартиру, на что послѣдняя охотно согласилась.

Генеральша в сопровожденіи своего кавалера благополучно добралась до квартиры. Жила одна и занимала одну комнату и прихожую с парадным ходом. В прихожей генеральша сняла верхнее платье, поблагодарила

своего кавалера, кавалер чмокнул ручку, которую ему с особым шиком поднесли к губам и исчез в темнотѣ.

4. Пропавшее боа.

По уходѣ кавалера генеральша, заперев дверь, улеглась спать. Послѣ новаго знакомства и пріятных разговоров генеральша долго не могла уснуть, и ворочалась с боку на бок. Она восхищалась молодым бароном, особенно его воспитанностью и образованностью. Ей чудилось, что это будущій геній, это будущій столп, на котором будет держаться Россія. Генеральша радовалась, что наконец она обрѣла себѣ спутника за границу, на ко тораго можно вполнѣ положиться и при нуждѣ имѣть от него поддержку. В таком приподнятом настроеніи генеральша уснула.

Проснулась она утром позже обыкновен наго, привела себя в порядок, торопясь пить чай, и идти в город по разным учрежденіям хлопотать о безплатном проѣздѣ за границу. Особенно теперь она торопилась, чтобы не отстать от вчерашняго общества, ибо у них все готово, а если они и не ѣдут, так только потому, что еще на фронтѣ положеніе крѣпкое, есть возможность без риска для себя еще пожить в Севастополѣ и поиграть на биржѣ.

В отличном настроеніи духа генеральша собралась уходить в город, но при выходѣ настроеніе сразу было испорчено: в прихожей не оказалось ея любимаго боа.

Единственная парадная дверь была заперта, а на вѣшалкѣ кромѣ боа ничего не пропало. Енотовая покойника мужа шуба, каракулевое пальто и др. вещи висѣли на своем мѣстѣ.

Генеральша пришла в ужас и в отчаяніи побѣжала к знакомым, гдѣ вмѣсто привѣтствія пустилась их бранить и разносить в пух и прах за то, что они вчера за чашкой чая познакомили ее с каким-то вором и послѣдній ее обворовал. Нервная дама требовала немедленно отыскать вора и возвратить ей боа, в противном случаѣ она устроит скандал и вызовет полицію.

Начальник отд. Госбанка Н. и его семья растерялись, начали креститься и, вытаращив глаза на генеральшу, только повторяли: „Господи, Іисусе Христе"...

Наконец Н. дрожащим голосом, заикаясь, проговорил: „Госсссподь с вами! Успокойтесь! Присядьте!"

Генеральша не унималась и требовала принятія немедленных мѣр. Послѣ долгих просьб, она усѣлась и разсказала подробно о случившемся. Н. и его семейство просили и умоляли не дѣлать скандала и клялись всѣми богами, что этого быть не могло.

Затѣм они упрашивали о баронѣ Штейнгелѣ нигдѣ ни слова не говорить, потому что барон свѣтлѣйшая личность и что такого оскорбленія ни он, ни его старик отец не перенесут. Словом они доказали, что боа украл кто-то, но не барон; да и сама генеральша пришла к тому, что барон Штейнгель вором быть не мог, извинилась и, в свою очередь, просила об этом никому не говорить. Ей даже стало совѣстно: если бы барон был простой человѣк, возможно допустить воровство, а высококультурный и просвѣщенный человѣк никогда на это не способен.

Уходя, генеральша дала честное слово никому о баронѣ Штейнгелѣ не говорить.

5. Дамская болтливость.

Как генеральша себя не успокаивала, и со всѣми доводами г. Н. была вполнѣ согласна, но факт оставался фактом: боа было уворовано, слѣдовательно вор был.

Ей не давало покою еще и то, что как же это случилось: в квартирѣ никого чужого не было, дверь на запорѣ и всѣ вещи, за исключеніем боа, цѣлы. Вѣдь всякій забравшійся в квартиру вор постарался бы забрать всѣ болѣе цѣнныя вещи и вдруг взял одно боа. Как эго могло случиться?

Никак не могла додуматься дамочка до разрѣшенія загадки и это ее мучило и не

давало покою.

А главное, она не могла об этом говорить, т. к. при разговорѣ приходилось назвать провожавшаго ее кавалера.

Так генеральша мучилась и томилась и никому о случившемся не говорила нѣсколько дней. Но все же ей хотѣлось хоть кому нибудь излить свое огорченіе и душу.

Не выдержала, наконец, дамочка и пришедшему ее навѣстить знакомому офицеру из контр-развѣдки, под честное слово никому не проболтаться, сообщила о пропажѣ и всѣ ея подробности.

Офицер заявил, что вор не кто иной, как провожавшій ее барон Ш. При этом контр-развѣдчик добавил,что эту тайну он никому не сообщит и только когда обнаружится уворованное боа, тогда дѣло будет предано гласности.

Надо имѣть в виду, что контр-развѣдка помѣщалась в гостинницѣ „Киста" и поэтому не трудно было устроить слѣжку за бароном Ш.

Офицер чмокнул ручку генеральши, откозырнул, звякнул шпорами и ушел.

6. Подозрѣнія вѣрнаго слуги.

Ваня по временам наѣзжал в Балаклаву навѣстить стариков, а в Севастополѣ бѣгал по комиссіонным магазинам и знакомым с

дѣловым видом. Знакомые бывали и у него. Один только вѣрный слуга—повар Д. А. Нестеровскій сидѣл в номерѣ гостинницы безвыходно.

Старый барон, уѣзжая в Балаклаву, строго на строго приказывал повару смотрѣть за „Ваней" и о замѣченном доносить ему в Балаклаву.

Но что мог сдѣлать слуга с 22-хлѣтним Ваней? Слуга был безсилен, да и „Ваня" был с такими увертками, что ни в чем его не обвинишь, ни в чем его не уловишь. Ваню особенно трудно было изловить, ибо он никогда в жизни никому правды не говорил а врал так деликатно и ловко, что другой и правды так не разскажет.

Повар Д. А. человѣк был набожный, ибо происходил из духовной семьи. Утром, умывшись, а вечером ложась спать, обязательно молился Богу, а его барин никогда не молился и даже при видѣ молящагося повара смѣялся. Поэтому повар становился на молитву тогда, когда „барин" уходил из номера.

Повар Д. А. видѣл, что молодой барин приносил и уносил какія-то вещи, но чьи они и почему именно он их тащит—этого Д. А. никак добиться не мог. Ваня на вопросы слуги отвѣчал, что вещи эти знакомых, которые очень нуждаются и его просили продать.

Однажды, в отсутствіи барина, повар перебирал бѣлье и на днѣ чемодана неожиданно обнаружил золотыя монетки: русскія, французскія, англійскія и др. Старик оторопѣл, ибо эта находка его поразила, т. к. он знал, что при молодом баринѣ никаких цѣнностей и золота нѣт. Ясно, что это чужое, но как и почему оно здѣсь, в чемоданѣ? Подозрѣвать, что барин украл не было основанія и слуга рѣшил вложить все на мѣсто и ждать прихода Вани.

Приход Вани ничего новаго не дал, т. к. Ваня объяснил, что это вещи знакомых, данныя ему для продажи, на чем он зарабатывает 20%. Слугѣ ничего не оставалось, как принять это к свѣдѣнію и вопрос считать исчерпанным.

Слуга пробовал было написать старому барону в Балаклаву с просьбой спѣшно перевести Ваню и его туда, но письмо успѣха не имѣло, а молодой барон, побывав в Балаклавѣ, сдѣлал большой нагоняй слугѣ за то, что он смѣл писать старому барону о переводѣ их в Балаклаву.

---

7. Загадочный случай в квартирѣ Н.

Прекрасный солнечный весенній крымскій день очаровывал своей красотой, щебетаніем птичек, пѣніем жаворонка, благоуханіем ранних цвѣтов, порханіем по изумрудной травкѣ ба-

бочек. Природа ласкала и манила всякое живое существо. Дѣти и взрослые бросали жилье и шли на простор, обыкновенно оставляя окна и двери на распашку. Жена и дочь г. Н. послѣ утренняго чая, распахнув двери, вышли во двор. В квартирѣ остался один б. начальник Госбанка в Туапсе Н.

Его особенно не занимало и не манило ни весеннее крымское утро, ни щебетаніе птичек, ни пѣніе жаворонка: он сидѣл около стола с карандашем в руках и чертил на бумагѣ какія то цифры с множеством нулей. Производил дѣленіе, потом множил, а потом опять дѣлил.

Предполагался скорый отъѣзд за границу, все было готово, остатки и отчетннсть Туапсинскаго банка сданы в Госказначейство, виза на руках, лишнія вещи распроданы и остановка только за пароходом. Не торопясь можно укладывать вещи, затѣм распроститься со знакомыми и, до свиданья Матушка Россія! Бог знает, когда вновь придется ступить ногой на родную землю.

Так он мыслил в одиночествѣ, сидя в комнатѣ. Его занимала и волновала будущая неизвѣстность—то, что ожидает его и семью впереди. Вѣдь за границей не дома, кругом все чужое......

Наконец Н. очнулся, встал и приступил к дѣлу: ему необходимо было еще раз все пересмотрѣть. Собираясь в далекую дорогу за границу без своих близких знакомых, т.к.

баронъ Штейнгель—самый близкій и самый вѣрный—пока остается в Крыму до осени, ибо его задерживают дѣла, а ожидать его для Н. разорительно и утомительно,—поэтому Н. рѣшил всѣ цѣнности и сбереженія припрятать подальше, т. к. в дорогѣ все может случиться, а, не дай Бог, несчастье—обворуют: тогда хоть в море бросайся.

С такими мыслями он подошел к чемодану, на днѣ котораго аккуратно, в свертках, были уложены золотыя монетки, о которых знала только его семья да самый близкій знакомый барон Штейнгель.

Спокойно, не торопясь, вытащил Н. чемодан из под кровати, отер пыль, поставил на полу подлѣ кровати, сам поудобнѣе усѣлся на кровати, открыл чемодан, заглянул... и в ужасѣ бросил чемодан... Протер глаза, запустил в чемодан руку—пусто!

Его монеток не было! Бросил Н. чемодан и отскочил в сторону. Голова его кружилась, сильно стучало в висках, ноги и руки похолодѣли...

Он бросился к шкафу, гдѣ стояла шкатулка с алмазами и брилліантами, отворил дверцу шкафа: шкатулка стояла на своем мѣстѣ. Он облегченно вздохнул, в надеждѣ, что еще не все пропало: может быть и монетки окажутся в шкатулкѣ.

Но стоило ему только взять шкатулку в руки, как он почувствовал, что и шкатулка пуста. Держа в руках шкатулку, он боялся

ее открыть, т. к. потеря содержимаго шкатулки приговаривала его и семейство к голодной смерти.

Руки у несчастнаго дрожали, в глазах мигали желтозеленые огоньки; ему сдѣлалось дурно. Хотѣлось крикнуть о помощи, но не хватило сил и, лишившись сознанія, он со стоном рухнул на пол, выронив шкатулку. При паденіи она открылась.

В комнатѣ воцарилась полная тишина. Эту тишину нарушила случайно вбѣжавшая в квартиру дочурка. В испугѣ она подняла крик; на крик вбѣжала жена и нѣсколько сосѣдей. Вбѣжавшим представилась картина несомнѣннаго грабежа.

Прибывшая полиція сразу установила, что злоумышленники отравили Н. и ограбили его, т. к среди комнаты лежал раскрытый пустой чемодан, тут же на полу лежала раскрытая пустая шкатулка и был открыт шкаф.

Парадная дверь и комнаты тоже на рас пашку, слѣдовательно всѣ улики на лицо: грабеж и отравленіе. Оставалось только поймать преступников.

Прибывшій доктор не мог привести Н. в сознаніе: его поразил паралич. В квартирѣ был плач и крики: на несчастное семейство обрушилось сразу два удара: ограбленіе и опасность потери любимаго отца и мужа.

Вся полиція была поставлена на ноги, обшарили всѣ притоны, многих арестовали в разных раіонах города, но преступников не

было и всѣ усилія полиціи желательных результатов не дали.

Агенты полиціи то и дѣло приходили, осматривали квартиру, опрашиввли, справлялись о здоровьи пострадавшаго и уходили.

Доктор осмотрѣл пострадавшаго и констатировал, что на поверхности тѣла никаких слѣдов насилія не оказалось, признаков отравленія тоже не обнаружено, но тѣм не менѣе, жизнь его была в опасности и всѣ средства возвратить сознаніе не давали желательных результатов.

Полиція опасалась, что с наступленіем смерти Н. преступники не будут обнаружены, т. к. только показанія самого пострадавшаго могли бы дать матеріал для обнаруженія преступников.

По этому случаю севастопольскія газеты исписали цѣлые столбцы, заполняли цѣлыя страницы, освѣщая факт и, по обыкновенію, давали тенденціозныя сообщенія и по предположеніям описывали всякаго рода подробности, фантастически преувеличенныя.

Кромѣ газетных сообщеній, по городу ходило множество разнородных слухов, передаваемых шопотом под большим секретом: все сводилось к тому, что это работают большевики и бѣднота; и опять шопотом ругали Главнокомандующаго за попустительство и непринятіе рѣшительных мѣр против бѣдноты, вплоть до разстрѣлов.

8. Врангель во всем виноват.

На второй день, рано утром, с газетой в рукѣ, запыхавшись, вбѣжала в квартиру лежавшаго в безсознательном состояніи г. Н. знакомая нам генеральша, у которой не так давно было похищено боа. Она о случившемся узнала только утром из газеты, и потому с газетой в рукѣ поспѣшила навѣстить и лично удостовѣриться в правдивости газетных сообщеній, т. к. в день ужаснаго случяя она была у них на утреннем чаѣ и вела разговор о скором отъѣздѣ за границу, а затѣм случилось это несчастіе.

Генеральша вся дрожала, она не могла говорить и когда ей подробно разсказали об ограбленіи, она, качая головой, сказала: „мы попали в заколдованное кольцо, выхода из положенія нѣт: грабят из под замка, грабят днем и калѣчат людей, и все безнаказанно и виновных нѣт! Вот результаты политики генерала Врангеля: он только и знает, что вѣшает офицеров и увольняет генералов, а сколько под его крылышком развелось жуликов и аферистов? Бѣднота и бродяжій люд зашевелились, а генерал и офицер их трогать не смѣй: как что, так и орут во всю глотку и стращают тѣм, что они прямо к Главнокомандующему пойдут. Жизни нѣт! Распущенность невѣроятная. Это—большевики справа! Скорѣй надо ѣхать за границу. Довольно здѣсь дрожать за свою голову и

кошелек! Будучи в городѣ, вчера случайно повстрѣчалась с нашим знакомым бароном И. Штейнгелем. Ах! какой он милый, воспитанный, предупредителен, вѣжлив, элегантен, с большими познаніями, с широким кругозором. Он тоже вполнѣ раздѣляет наше мнѣніе и говорит, что в армію к Врангелю никто из старых знатных генералов идти не хочет и не пойдет, ибо не застрахован от того, что его завтра не повѣсят на телеграфном столбѣ с надписью „за измѣну и предательство“, или „пьянство“. Нѣт! Надо спѣшно все ликвидировать и удирать заграницу. Для нас добрармія интерес потеряла, т. к. она защищает интересы исключительно крестьян и рабочих,—ну и пусть ему служит эта темная невѣжественная сила, а мы умываем руки“.

Кто-то из присутствующих, кажется сосѣд желѣзнодорожник, выслушав монолог генеральши, стал защищать генер. Врангеля, но ему не дали говорить и всѣ в один голос завопили. А толстый и жирный, как свинья, с большим животом, с двухбортной, в палец толщиной, часовой золотой цѣпью на животѣ, домовладѣлец разразился руганью по адресу генер. Врангеля и его правительства за приказы, устанавливающіе предѣльную плату за квартиры и таким образом лишившіе домовладѣльцев права грабить квартирантов по собственному их усмотрѣнію.

Положеніе Россіи этого толстопуза-домовладѣльца совсѣм не интересовало. Он тут

разсказал, что у него в Севастополѣ имущество, в старое время дававшее 700—800 руб. дохода в мѣсяц, а теперь вот эти Врангели урѣзали, совсѣм жить не на что, а тут бѣшеные расходы: придется совсѣм разориться.

Врангель объявил мобилизацію и оба сына домопупа как раз подходили по годам. Что дѣлать? Они поступили просто: в лѣс к зеленым ушли! Вот и пришлось папашѣ расходовать на их содержаніе рублей 300 в мѣсяц золотом.

Конечно, идти в армію им было нечего: у них земли нѣт, защищать нечего, земля им не нужна и отвоевывать тоже ничего не нужно.

—Обойдемся без земли. Властвовать мы не собираемся, значит нам безразлично, чья бы власть не была, да и дѣтей то у меня всего на всего двоечко. Упаси Господи, искалѣчат или убьют. Как можно, за что? Да им всего навсего в пост минуло—25 и 26 лѣт, они вѣдь еще и не жили и я их берегу как два глаза во лбу. На германскую войну, было, совсѣм забрали, но кой-как, с большими трудностями и страшными расходами, освободил и устроил им подданство нейтральной державы Швейцаріи. Мы всегда против кровопролитія, смертных казней и против войны. Нам все равно кто: красные или бѣлые; лишь-бы „мир, да гладь, да Божья благодать“. Мы не из жадных, на чужое не

заримся, живем собственным трудом и на собственныя деньги и держим спокон вѣку нейтралитет.“

Такими гнусностями закончил бесѣду домопуп и возраженій не встрѣтил. Очевидно вся компанія была на его сторонѣ.

9. Контр-развѣдка за работой.

Офицер контр-развѣдки от знакомой генеральши пошел прямо в штаб контр-развѣдки, помѣщающійся в гостинницѣ „Киста“, доложил кому слѣдует, и была установлена строгая слѣжка за номером гостин. „Киста“, в котором жил И. Штейнгель и за самим бароном.

Агенты слѣдовали за Ваней по пятам; тѣ мѣста, гдѣ он бывал, тоже охранялись агентами и таким образом агентура с своих глаз не спускала барона и всѣ мѣста гдѣ он бывал. Все, что он дѣлал, выяснялось и регистрировалось: заданіе агентуры было отыскать боа.

Первое время не давало результатов; проходили дни и ночи и агенты ничего выяснить не могли.

Наконец замѣтили, что барон Штейнгель, выходя из комиссіоннаго магазина, нес какую то ношу под мышкой лѣвой руки, быстрой походкой прошел прямо в гостинницу „Киста“ и, войдя в прихожую гостинницы, вынул

из под мышки ношу, развернул, деликатно стряхнул, расправил и передал швейцару, прося повѣсить на видном мѣстѣ в прихожей с надписью на картонкѣ: „за отъѣздом за границу спѣшно продается“, цѣну шепнул швейцару на ухо и сам скрылся в занимаемый номер. Швейцар лѣниво осмотрѣл боа и почмокал губами, предвидя хорошій заработок, т. к. боа было очень хорошаго достоинства из дорогого мѣха. Оно было вывѣшено швейцаром на видном мѣстѣ.

В то время это было обычным явленіем: всюду, гдѣ только люди жили, там и распродавались, особенно бѣженцы с сѣвера.

Покупателей на боа ждать долго не пришлось, т. к. спекулянты, особенно еврейчики, бѣгали и шныряли всюду и за безцѣнок закупали мѣха, золото, серебро, драгоцѣнные камни и др. цѣнности и все сплавляли за границу.

На вывѣшенное боа сразу набросились, вертѣли во всѣ стороны, что то гаркали на жидовском жаргонѣ и все приставали торговаться к швейцару. Швейцар отнѣкивался и твердил, что владѣлец назначил столько-то, а ему проценты отдѣльно. Наконец еврейчики со швейцаром уговорились о процентах и рѣшили лично торговаться с владѣльцем, а потому, держа в руках боа, всѣ гуськом за швейцаром пошли к номеру барона Штейнгель.

На доклад швейцара барон отвѣтил, что в номерѣ покупателей он не принимает и желающіе купить через четверть часа могут с ним говорить в прихожей гостинницы.

Агенты контр-развѣдки, переодѣтые в штатское, были тут-же; всѣ выходы и входы гостинницы были заняты агентами, а начальник контр-развѣдки расхаживал нервной походкой по прихожей, как видно в ожиданіи появленія в прихожей мнимаго владѣльца боа. Через четверть часа барон быстрой походкой из номера направился по узкому корридору к прихожей и, не дойдя нѣскольких шагов до прихожей, остановился, повернул обратно и быстро исчез. Швейцар гостинницы с боа в рукѣ, желая ускорить продажу и получить %%, на рысцах догнал Ваню, но барон, не оборачиваясь, что-то буркнул и исчез. Возвратившійся швейцар, конфузясь, нерѣшительным голосом заявил, что барон погнал его с боа ко всѣм чертям и добавил, что он не хозяин этого боа, просил больше к нему не приставать и обозвал нахалом.

10. Арест Вани.

Ваня, по своей проницательности, завидя начальника контр—развѣдки, сразу все разгадал и бѣжал. Улики были на лицо. Агенты контр—развѣдки, забрав боа, направились прямо в номер барона, но его в номерѣ не

оказалось и на вопрос слуга отвѣтил, что „барин“ только что ушел и велѣл ждать его возвращенія.

Прошло томительных четверть часа, но барон не возвращался. Рѣшили искать, но всѣ поиски оказались безрезультатными. Обшарили всю гостинницу, а барона не оказалось. Контр—развѣдка была поражена: всѣ выходы и входы заняты и снаружи стояла охрана, а барон безслѣдно исчез. Куда барон мог проскользнуть и удрать?

Наконец простая случайность выдала барона. Уборщица нѣсколько раз пыталась войти в дамскую уборную, но дверь была заперта и на ея стук никто не отвѣчал, а когда она ключем открыла дверь уборной, то шарахнулась в сторону от неожиданности, так как на женском сидѣньи возсѣдал его сіятельство барон И. М. Штейнгель, во фракѣ, при галстукѣ и манжетах.

Барон был совершенно спокоен и мимикой поманил к себѣ в уборную уборщицу, желая освѣдомиться о положеніи дѣл в гостинницѣ. Держа в лѣвой рукѣ „Керенку“ в 1000 руб., он только успѣл открыть рот и скороговоркой что-то сказать, суя „Керенку“ в руку уборщицы, как агент контр—развѣдки, направив на него дуло нагана, произнес: „руки вверх!“ „встать!“ „вперед, шагом мраш!“ „на-лѣво! „на-право!“ „стой!“ и барон с поднятыми вверх руками стоял в занимаемом им номерѣ.

Первым дѣлом он был обыскан, но карманы были совершенно пусты, за исключеніем „Керенок“, да в боковом карманѣ два документа на имя барона И. М. Штейнгеля: один документ выдан за подписью Предводителя Кіевскаго Губернскаго дворянства в том, что И. М. Штейнгель родился в гор. Кіевѣ от барона М. В. Штейнгеля тогда-то, записан по книгѣ под № таким-то, страница такая то и состоит дворянином Кіевской губерніи; второй документ выдан от Швейцарскаго консула в Кіевѣ и говорит о том, что И. М. Штейнгель есть швейцарско-подданный, проживающій в Россіи и пользуется покровительством законов Швейцарской республики.

На вопрос, который из двух документов он считает настоящим, Ваня заявил категорическій протест против насилія контр—развѣдки и требовал немедленно пригласить Швейцарскаго консула, т. к. он подданный Швейцаріи.

Вѣжливо, в мягкой формѣ, ему обѣщали просьбу исполнить.

На вопрос, чье боа он поручал продавать швейцару,—Ваня заявил что никакого боа швейцару для продажи он не давал и знать ничего не знает.

Производя обыск, на днѣ чемодана нашли золотыя монетки, квитанціи нѣскольких комиссіонных магазинов Севастополя и двѣ квитанціи комиссіоннаго магазина гор. Бала-

клавы, но всѣ квитанціи были на имя других лиц: нѣсколько на имя повара—слуги Д. А. Нестеровскаго, но ни одной на имя барона.

На вопрос, -чьи это вещи и квитанціи, Ш-ль заявил, что вещи и квитанціи принадлежат повару Д. Нестеровскому; повар, услыхав клевету своего барина, плакал, совѣстил его и стращал его Богом, но барин спокойно, рѣзким голосом, твердил: — „подлецы! вам платят жалованье, вас содержат, а вы еще воруете, да господ своих срамите! Срамота какая!“

На этих словах его прервал агент предложеніем:—раздѣньтесь.

—Как раздѣться, я не подчиняюсь вашим требованіям! Я требую Швейцарскаго консула, вы меня оскорбляете! Я—барон—дворянин, нѣт, нѣт!

Но тут контр-развѣдчик казак Забѣгайло познакомил барона с нагайкой Кубанскаго Казачьяго Войска и барон присмирѣл и мигом раздѣлся.

Тщательный обыск не дал ничего новаго. Барона осмотрѣли всего: под мышками, между ног, во рту, в кудрях волос, но послѣдняя, самая трудная операція, дала блестящіе результаты.

Поставили барона на корачки и тут один из агентов, имѣвшій многолѣтнюю практику, увидав торчавшій из нѣкоего мѣста пук волос, воскликнул:—браво! в несгораемом

шкапу барона клад! и немедленно, без помощи хирургических приборов и хлороформа, агенты приступили к операціи,—посредством собственных пальцев, но извлечь „клад“ было трудно, т. к. „паціент“ зажимал его мышцами. Послышалась команда: „за глотку“ и операція мигом была закончена: вынули из самаго неподходящаго мѣста сверток бумаги, обмотанный собственными барона Ш-ля волосами.

Когда вскрыли сверток, то там оказалось брилліантовое кольцо. Как выяснилось, это кольцо наканунѣ было уворовано г. Ш-лем в одном из комиссіонных магазинов.

Тут Ш-ль спохватился, что его отказ от цѣнностей может его погубить и потому барон, одѣваясь, заявил:—„золото и кольцо принадлежат мнѣ, вещи по квитанціям мои, выписывая квитанціи на чужую фамилію, дѣлал это с цѣлью, из боязни грабителей и аферистов, единственно от чего отказываюсь— это от боа“.

Контр—развѣдка охотно повѣрила барону, так как полагали, что у милліонера— сахарозаводчика драгоцѣнности должны быть и если бы не злосчастное боа, то никогда бы они не рискнули задержать вещи и самого барона.

Барон хорошо понимал, что прямых улик нѣт никаких, все обработано чисто, да еще и бывшій владѣлец цѣнностей, по газетным свѣдѣніям, находится в безсознательном со-

стояніи, и пожалуй умрет. Розыск же введен в заблужденіе и считает случай с Н. дневным грабежом с отравленіем какими-то газами.

Одно, что может попутать—это проклятое боа. Так барон разсуждал, но его мысли были прерваны казаком Забѣгайло, по кличкѣ контр—развѣдки „Богомазов".

Забѣгайло, обращаясь к барону, сказал:—„Ваша свѣтлость, г. барон, Кіевскій, Ростовскій, Одесскій и Мюнхенскій золотопромышленник, мѣховшик, бриллiантщик и пр. и пр., разрѣшите одѣть на вас боа" и, не спѣша, наложил барону боа на шею; барон вытянулся и стоял без протеста и возраженій.

10. Встрѣча генеральши со своим „кавалером".

Как только контр–развѣдка извлекла барона из дамской уборной, немедленно командировали агента на квартиру генеральши сообщить о находкѣ боа и просить немедленно прибыть в гостинницу „Киста" для опознанія вещи.

Генеральша была сильно переутомлена и разстроена несчастьем ея близких знакомых, откуда она только что возвратилась, но сообщеніе о находкѣ ея пропавшаго боа ее ободрило и она помчалась в гостинницу „Киста".

По дорогѣ генеральша посматривала по сторонам в надеждѣ увидать своего знакомаго и пріятеля барона Штейнгеля, с цѣлью просить его проводить ее в гостинницу „Киста“ и обратно на квартиру. Но своего пріятеля генеральша так и не повстрѣчала и без его помощи еле добралась до гостинницы, медленной походкой ступая по полутемному коридору, отыскивая нужный номер.

На ея стук дверь отворилась, знакомый офицер—агент контр-развѣдки, с радостной улыбкой подошел, осторожно чмокнул красивую ручку генеральши и отрапортовал:— „Имѣю честь представить вам ваше боа и похитителя его—барона Ш-ля.

Генеральша ахнула при видѣ барона в ея боа, остолбенѣла, а затѣм с ней сдѣлалось дурно и она, охая, опустилась в стоявшее подлѣ нея мягкое кресло, и закрыв обѣими руками лицо, зарыдала . . . . . .

Затѣм, очнувшись, генеральша подошла к барону и начала его отчитывать: „Ах ты, хам проклятый! вор ты окаянный! мерзавец! Я еще вчера с тобой, мерзавец, совѣтовалась, а сегодня, идучи сюда, старалась повстрѣчаться с тобой и сообщить радостную вѣсть о том, что пропавшее боа отыскали.“

Потом дрожащими руками сдернула боа с барона и со словами: „хулиган проклятый,“ плюнула ему в лицо, слегка поклонилась стоявшему офицеру и казаку и вышла из номера. Офицер поспѣшил ее проводить;

усадив в фаетон генеральшу и одного из своих агентов провожатым, офицер возвратился в номер.

Интересно, что барон при появленіи генеральши и при ея истерикѣ стоял совершенно спокойно и, обращаясь к генеральшѣ, говорил:—„не волнуйтесь! Здѣсь простое недоразумѣніе, контр-развѣдка введена в заблужденіе и сама не знает, что творит; не дальше как завтра они всѣ будут арестованы за такое обращеніе и униженіе моего достоинства и достоинства моих предков“.

Тут казак Забѣгайло взмахом нагайки прервал оратора. Составили протокол, агент допросил барона вторично, но барон снова подтверждал, что вещи всѣ принадлежат ему, а от боа отказался.

11. Кража в магазинѣ. Тюрьма.

Допрошенный слуга Д. А. Нестеровскій утверждал, что всѣ вещи чужія, т. к. у барона здѣсь никаких цѣнностей нѣт и не было, а если что либо и есть, то в Балаклавѣ у старика.

Показаніе слуги дало повод контр-развѣдкѣ подозрѣвать барона и в других преступленіях, а потому рѣшили расслѣдованіе продолжать.

Забрали барона и слугу и пошли по комиссіонным магазинам. Барон пытался проте-

стовать, требуя консула Швейцарской республики, но казак—укротитель прервал его и барон покорно пошел по направленію к первому комиссіонному магазину.

Не успѣли еще войти в магазин, как хозяева магазина бросились к барону, схватили его за руки и потащили к прилавку с криками:—„отдай нам брилліантовое кольцо!“

Барон сначала отнѣкивался, а потом заявил, что он брилліантовое кольцо у них купил. На вопросы контр-развѣдки владѣлец магазина разсказал слѣдующее:—„вчера этот господин принес нам на комиссію продать брилліантовое кольцо; кольцо мы приняли и пока выписывали квитанцію и вели с ним разговоры, он осматривал имѣющіеся у нас брилліантовыя кольца; как видно, при помощи ловкой работы рук, он стащил одно брилліантовое кольцо, чего мы сначала не замѣтили; получил квитанцію и вышел, а через 10 минут возвратился обратно к нам в магазин и просил вернуть ему его кольцо на 10-15 м., т. к. у него есть случайный покупатель и если он не продаст, то принесет обратно.

Получив кольцо и оставив квитанцію, он ушел и больше не возвратился, а затѣм было обнаружено, что он уворовал чужое, данное нам на комиссію, брилліантовое кольцо“.

Владѣлец указал подробныя примѣты кольца и было ясно, что кольцо, которое извлекли из неудобнаго мѣста у барона, бы-

ло то самое кольцо, которое он стащил в магазинѣ.

Агент вынул из кармана брилліантовое кольцо и вручил владѣльцам магазина, которые не находили слов благодарности за оказанную услугу.

В других магазинах он никого не обворовал и заложенныя вещи всѣ отбирались по квитанціям, до выясненія.

По окончаніи всего было подробно доложено Главнокомандующему на югѣ Россіи генералу Врангелю, который наложил резолюцію: „В тюрьму! разслѣдовать и предать суду!“

Поздно вечером барон под конвоем укротителя—казака был доставлен в Севастопольскую тюрьму, а слугу, как невиновнаго, отпустили.

В таких случаях газеты вообще усердствуют; так и в данном случаѣ: тираж повысили в пять раз, выпускали экстренныя листовки, публика раскупала на расхват, а разносчики газет горланили на всѣх перекрестках: „Арест барона Штейнгеля! Поимка вора невидимки. Подробности, отправка в тюрьму барона Штейнгеля!!!“

В газетах подробно описывались как арест и преступленіе, так и біографія и родословіе барона; в газетѣ даже был намек на отдаленное родство барона с Главнокомандующим бароном генер. Врангелем, но послѣднее было не вѣрно.

12. Ослѣпленіе.

В семьѣ начальника Туапсинскаго отд. Госбанка Н. наступило маленькое успокоеніе: лежавшій в безсознательном состояніи почти двое суток Н. встал и начал говорить, но только не помнил того, что с ним случилось и как и кто его ограбил.

Агенты уголовнаго розыска, как не допрашивали его—все было безполезно: на всѣ вопросы он отвѣчал:—„не помню."

Утром в газетѣ были напечатаны подробности ареста барона и о том, что у него обнаружили уворованное у генеральши боа и брилліантовое кольцо из комиссіоннаго магазина и что все это открыла контр—развѣдка.

Больной, обезсиленный Н. с негодованіем бросил газету, говоря:—„Вот вздор какой! Милліонер, сахарозаводчик, его отец в свитѣ Его Императорскаго Величества состоял и вдруг вор! Эти контр—развѣдчики от нечего дѣлать фабрикуют дѣла и позорят честнѣйших людей! Цвѣт и гордость Россіи!"

При послѣднем словѣ Н. стукнул кулаком по столу и добавил:—„Мало им кровушки двух повѣшенных офицеров,—гладко прошло это дѣло—давай возьмемся еще, возьмемся за титулованных! Им что: повѣсят, да еще с надписью на груди „за грабеж". Вот времена настали горькія, просто бѣги с родной земли в туретчину, к султану! Неужели об этом знает барон Врангель? Доиграется,

что контр—развѣдка сфабрикует и на него дѣло! Кто же тогда будет утверждать приговор суда!

В это время раздался звонок и вошла их знакомая генеральша. Как только она переступила порог, так и понесла их во всю за знакомство с вором и негодяем—бароном Ш-ль. Генеральша жестикулировала, плакала, кричала, но ее никто не слушал; всѣ стали кричать, силясь друг друга перекричать и в результатѣ генеральша была вытолкана из квартиры и ее обвиняли в том, что она виновница в комбинаціи обвиненія барона в воровствѣ боа.

3. Н. в штабѣ Главкома.

Еще совершенно больной Н. встал, одѣл мундир и зашагал к штабу Главнокомандующаго генерала Врангеля. Идя, он думал:—обязательно повидаюсь с генералом Врангелем и лично переговорю на счет барона. Я ему разъясню все подробно и буду просить не только об освобожденіи Ш-ля из тюрьмы, а и о привлеченіи к законной отвѣтственности всей контр—развѣдки за то, что она занимается фабрикаціей завѣдомо ложных дѣл и честных людей поэтому вѣшают и гноят в тюрьмах.—Я докажу, что этим подрывают престиж добрарміи и его власти, что многіе заслуженные генералы и

офицеры не идут к нему в армію, ибо они недовольны его законами“.

Так мысленно разсуждал Н. и тѣшил себя надеждой, что он творит великое и благое дѣло для русскаго народа и для матушки Россіи!

В штабѣ его встрѣтил молодой офицер, освѣдомился, по какому поводу пришедшій желает видѣть Главнокомандующаго, усмѣхнулся, немного сконфузился и добавил, что Главнокомандующій приказал по дѣлу барона Ш-ля никого не принимать, а всѣх посылать в контр—развѣдку, почему и г. Н. рекомендуется пройтись туда.

Проситель от неожиданности немного присѣл, медленно одѣл фуражку с кокардой и, сѣменя ногами, вышел на улицу, остановился, выругался и зашагал обратно на квартиру.

Придя домой, он семьѣ сказал, что всюду царит полный хаос и безпорядок. В штабѣ сидят мальчишки и просителей гонят вон! Никого до Главнокомандующаго не допускают и с насмѣшкой посылают в контр—развѣдку. Бѣжать и бѣжать!!!

14. Старанія родных и знакомых Вани.

Освобожденный слуга барона Д. А. Нестеровскій, несмотря на темную ночь, пѣ-

шком пошел в гор. Балаклаву. Поздней ночью он добрался до Балаклавы, разбудил стараго барона и доложил, что молодой барин сидит в Севастопольской тюрьмѣ. Это извѣстіе сильно подѣйствовало на старика барона; с ним началась истерика, он метался по номеру, рвал на себѣ волосы и немилосердно ругал слугу за то, что тот допустил до этого,—как будто бы слуга виноват, что барин проворовался. В концѣ концов рѣшили утром ѣхать в Севастополь ходатайствовать об освобожденіи Вани из тюрьмы.

Рано утром старый барон в сопровожденіи своего вѣрнаго слуги—повара, захватив с собой старика Врангеля, дальняго родственника Главнокомандующаго, и еще кой-кого из знати, на линейкѣ поѣхал в Севастополь.

В Севастополѣ эта депутація пополнилась новыми членами, среди которых было нѣсколько дам. Собравшіеся распредѣлили между собой роли и пошли к квартирѣ Главнокомандующаго. В длинном корридорѣ генерал Врангель принял депутацію, выслушал ея доводы и ссылки на то, что Ваня знатнаго рода и т. д. и категорически заявил:—„никаких высоких происхожденій, ни заслуг предков! Законы государства и безпристрастный суд рѣшат дѣло. Прошу удалиться"...

Знатная орава затопала ногами по длинному корридору, безмолствуя из боязни. Выйдя на улицу и зайдя в глухой переулок,

наши депутаты начали ругать генер. Врангеля за то, что по их мнѣнію он творит беззаконіе и потворствует развратной молодежи уничтожать родовитых людей, на которых зиждется благополучіе всего русскаго народа.

Идти в контр—развѣдку всѣ отказались и разошлись. Один старый барон в сопровожденіи слуги пошел в контр—развѣдку, гдѣ их приняли любезно и вѣжливо, выслушали просьбу старика, в вѣжливой формѣ заявили, что к великому сожалѣнію помочь ничѣм не могут, и совѣтовали обратиться к тюремной администраціи и прокуратурѣ. Спрошенный о вещах, старый барон заявил, что никаких вещей при сынѣ не было.

15. Загадочный случай разгадан.

Бывшій начальник Туапсинскаго отдѣл. Госбанка Н. стал постепенно припоминать прошлое, а потом он разсказал то, чего никто не ожидал: он разсказал о том, что вещей ни в чемоданѣ, ни в шкатулкѣ не было и кто их уворовал и когда—неизвѣстно. С ним сдѣлалось дурно именно послѣ того, как он обнаружил пропажу вещей.

—Слѣдовательно у вас вещей никто не отнимал, спросил агент розыска?

—Да их уже не было.

Услышав это, всѣ ахнули; агент задумался, а потом добавил:—случись с вами

смерть, все умерло-бы, так как всѣ признаки говорят за то, что грабеж совершен в момент лишенія вас чувств и насильственный, а в самом дѣлѣ воровство произошло гораздо раньше,—значит и ход дѣла совершенно другой.

Атент вновь опросил о пропавших вещах, записав точно всѣх знакомых, кто ходил на квартиру. При опросѣ случайно было названо имя барона Штейнгеля.

Агент спросил:—тот, что в тюрьмѣ?

—Да.

При этом семья Н. стала умолять агента, чтобы он вычеркнул из списка имя этого честнѣйшаго господина, дабы не нанести ему обиды, так как в тюрьму его посадили по злобѣ и он там сильно страдает.

Но агент был неумолим, поспѣшно распростился и быстрыми шагами вышел.

Послѣ ухода агента семейство страшно жалѣло о том, что по недоразумѣнію, взболтнули о баронѣ и агент записал его в список подозрительных.—Мало того, что невиннаго посадили в тюрьму, а еще, чего добраго, признают барона вором наших вещей!

Охали, что вот так необдуманно ляпнешь языком, а потом, смотришь, в тюрьму упекут. Только себя тѣм и тѣшили, что завтра всѣ пойдут в тюрьму, понесут Ванѣ передачу—обѣд и перемѣнное бѣлье. Всѣ с нетерпѣніем ждали заВтрашняго утра.

Поздно вечером агент розыска заявил, что вещи розысканы и хранятся в контр—развѣдкѣ и что похититель вещей, барон Штейнгель, в данное время находится в тюрьмѣ.

От неожиданности всѣ ахнули и были поражены тѣм, что вышло все так, как они говорили: говорили, что обвинят барона—так и вышло.

Агент вручил повѣстку для обязательной явки к 10 ч. утра в штаб контр—развѣдки, поклонился и ушел.

---

15. Н. в контр—развѣдкѣ.

Вы не можете себѣ представить, сколько проклятій было послано контр—развѣдкѣ и высшему начальству. Повѣстка была порвана в клочья и рѣшено в контр—развѣдку не идти, а лучше пойти в тюрьму на свиданіе к барону и сообщить ему о том, что контр—развѣдка замышляет в отношеніи его и приписывает ему ограбленіе квартиры.

На утро всѣ встали раньше обыкновеннаго и вновь стали обсуждать вчерашній вопрос—идти им или не идти. Жена настаивала на том, чтобы Н. пошел в контр—развѣдку пораньше, а к 12 часам всѣ пойдут к Ванѣ, а то страшно: не пойдешь по вызову—возьмут да арестуют. Рѣшили идти.

Ровно в 10 ч. утра Н. был в штабѣ контр—развѣдки. Начальник любезно пригласил его в свой кабинет, долго говорил о разных вещах и только в половинѣ двѣнадцатаго приступил к дѣлу.

Спрошенный о том, кого он подозрѣвает в воровствѣ своих вешей, Н. категорически заявил, что никого не подозрѣвает. Тогда начальник контр—развѣдки показал его вещи, при видѣ которых Н. растерялся от неожиданности и дрожащим голосом произнес—„собственныя мои вещи“.

Начальник положил всѣ вещи на письменный стол и произнес:—„знайте, что злодѣй, укравшій ваши вещи, сидит в тюрьмѣ и имя его—барон И. М. Штейнгель!“

Но и тут Н. не убѣдился и начал просить начальника о пощадѣ Вани, увѣряя, что это ошибка и в тюрьму посадили барона напрасно.

Может быть Н. говорил бы больше, но начальник прервал его, заявив, что закон выше личности, а преступникам пощады нѣт.

Чтобы окончательно убѣдить Н. в том, что его близкій знакомый барон Ш-ль вор—рецидивист и авантюрист,—начальник просил выслушать внимательно сообщеніе о том, чѣм обладает агентура в данный момент.

16. Разсказ начальника контр—развѣдки.

Начальник контр—развѣдки высказал ошеломленному Н. приблизительно слѣдующее:

— Вы увидите свою неправоту в защитѣ явнаго преступника,—преступника с высшим образованіем, преступника неуловимаго, имѣющаго тысячу уверток.

Он дѣйствует так обдуманно и ловко, что для агентуры всѣ карты смѣшались и к тому же он имѣет прикрышку—титул барона.

Эта прикрышка и есть „шапка невидимка", под которой можно было безнаказанно дѣлать что угодно и всѣ его преступленія были неуловимы для администраціи и прокуратуры.

Кто мог рисковать заглянуть под эту „шапку невидимку"? Как можно было попросить дать объясненіе и погнать вон? Да вы от них не отвязались бы: весь валежник, вся старая дряхлая орава потянется по министерствам, зашавкает, засюсюкает со всѣх переулков, тоже из под „невидимок", и каждый осел вас лягнет своим копытом!

Благодаря только нашему мужественному патріоту Главнокомандующему генералу Врангелю мы заглядываем под „невидимки", снимаем их и выворачиваем наизнанку, дабы всѣ видѣли и знали, что кроется под этим

покрываломъ, которое въ свое время было чисто и сіяло бѣлизной.

Пусть знают, что человѣка нужно разсматривать не по происхожденію, а по дѣлам и в зависимости от этого отдавать ему и честь.

Наше дворянство выродилось и превратилось в нравственных уродов, стало жить развратно, его главныя занятія карты и кутежи.

О Россіи и родинѣ они никогда не думают. Мелкое чиновничество и офицерство было от них тоже в сторонѣ, ибо эти „невидимки“ их чуждались, ими пренебрегали; даже в учебных заведеніях было негласное подраздѣленіе и преподаватели относились не ко всѣм одинаково: дѣти с „невидимками“ всегда пользовались снисходительностью и милостями, а дѣти из простонародія всегда были в опалѣ.

И вот эти дѣти возмужали, но у них сохранилась та ненависть, которую в них воспитали „невидимки“. Всѣ вышедшіе из простого народа ненавидят этих „невидимок“ всѣми фибрами души и эта ненависть к паразитам должна быть в каждом порядочном человѣкѣ.

Посмотрите на вашего пріятеля, барона: он вполнѣ здоров, молод, обладает милліонами, сахарозаводчик—казалось бы ему первому надо идти в армію для борьбы с большевиками, идти защищать свои богатства.

А он покупает документы о подданствѣ Швейцаріи и благоденствует за спиной бѣдноты, за спиной его рабочих, которым он не доплачивал трудовых заработанных копеек.

Этот рабочій идет на разстрѣл, защищать и спасать имущество барона Ш-ля для того, чтобы Ш-ль потом жил и благоденствовал, для того, чтобы он бездѣльничал и развратничал, жил потом и кровью этого рабочаго.

А если этого рабочаго убивают, то его семья—дѣти обречены на голодную смерть. И все же рабочаго, уклоняющагося от мобилизаціи, разстрѣливают, а эти паразиты остаются безнаказанными, ибо у них есть шапки „невидимки“.

И к тому же они занимаются воровством.

17. Наконец прозрѣл!

Дальше начальник продолжал:—Вот интересный случай с ограбленіем вашей квартиры. Это было так остроумно и ловко, что вы никогда бы не рѣшились думать о том, что вас ограбил барон. Его попутало боа и к его несчастью вы выздоровѣли. Случись с вами смерть,—ваши вещи остались бы навсегда у барона.

Ограбленіе вашей квартиры бароном было совершено так:

—Вы помните случай, когда вас барон пригласил в гости, в условленный час? И когда вы с женой пришли в гостинницу „Киста“, то в номерѣ барона не было, а его слуга вам доложил, что „барин“ просил минуточку обождать его?

—Помню, помню!

—А помните, когда через 15-20 минут ожиданія барон прибыл, разсыпался перед вами мелким бѣсом, принес тысячу извиненій и добавил, что он очень сожалѣл о том, что не застал вас на квартирѣ, т. к. забѣжал к вам с намѣреніем захватить вас и вмѣстѣ проѣхать в гостин. „Киста“?

—Помню, помню!

—Хорошо, что вы помните. Барон на этом приглашеніи построил план ограбленія вашей квартиры.

Он в условленные часы из укромнаго уголка наблюдал за вашей квартирой и только вы ушли,—зашел, как он вам объяснял, „по дорогѣ“.

Ваша дочурка его приняла. Освѣдомившись о вашем уходѣ, он попросил напиться воды и дочурка, ничего не подозрѣвая, вышла во другую комнату взять воду, оставив барона в комнатѣ одного.

В этот момент барон взял ваши цѣнности из чемодана и шкатулки, т. к. ни шкаф, ни чемодан не были заперты.

Когда дочурка возвратилась, барон выпил воду, поблагодарил, простился и поспѣшно ретировался.

С момента ограбленія вашей квартиры прошло около 8-9 суток и вы не знали, что вас ограбили. Когда вы обнаружили пропажу своих вещей, с вами случился обморок и вы в безсознательном состояніи пробыли около двух суток.

Если бы вы умерли, не приходя в себя, вора мы бы вѣроятно не розыскали, потому что в то время, когда с вами случился обморок и ограбленіе квартиры, за бароном по пятам ходили наши агенты и он даже в тот день не был в раіонѣ вашей квартиры,—слѣдовательно все было бы шито-крыто, и только ваш разсказ дал возможность уличить барона в ограбленіи.

Пострадавшій Н. выслушал с глубоким волненіем полутора-часовую лекцію начальника контр—развѣдки. В это время он переживал и горе и радость. Когда же были сказаны подробности приглашенія и „гостепріимства“ Ш-ля и подробности ограбленія его квартиры, он со всѣми доводами вполнѣ согласился, встал, взял свои вещи, со слезами на глазах благодарил начальника контр—развѣдки за преданность дѣлу и правдивость, простился и ушел.

Придя домой, конечно, не пошли к узнику Ванѣ, а поспѣшно собрались и уѣхали за границу.

Долгое, долгое время будут эти люди помнить свое знакомство с бароном!

---

18. Конец печальпой повѣсти.

Под залог большой суммы денег барона Ш-ля из тюрьмы освободили и сдали на поруки отцу и Ваня очутился на свободѣ.

В Балаклавѣ он занимает два больших номера в гостинницѣ „Россія,“ содержит штат служащих, живет припѣваючи, нужды нѣт, денег вдоволь.

Ему нѣт надобности искать работу и зарабатывать в потѣ лица на хлѣб, как это случилось с другими бѣженцами, которые за кусок хлѣба шли работать на поденщину и сдѣльно. Утром и вечером повар подавал на стол серебрянный в пуд вѣсу самовар и бароны спокойно, со вкусом, пили чай, затѣм во время обѣдали, пили кофе и вели разговор о том, что люди на фронтѣ изнывают в непосильной борьбѣ с большевиками, умирают за благо Родины и собственной грудью защищают подступы к Крыму от красных полчищ...

При разговорѣ с бароном на тему о его будущем судебном процессѣ, он усмѣхался и говорил:-„это случится тогда, когда рак свистнет“.

При этом он приводил такіе доводы: сами потерпѣвшіе уѣхали за границу и это

стоило папѣ больших денег. Свидѣтелям дано тоже. Суд может быть только по их возвращеніи в Россію, а это случится не особенно скоро. Ясно, что барон Ш-ль наказанія по суду уже избѣжал. И правы были тѣ, что говорили рабочим и крестьянам:— „ворон ворону глаз не выклюет“.

Попадись рабочій или крестьянин—за пустяки сгніет в тюрьмѣ, а бароны и всякая знать воруют и грабят безнаказанно.

Большевицкіе агитаторы использовали дѣло барона Ш-ля для агитаціи среди народных масс полностью, чѣм значительно подорвали работу генер. Врангеля...

Перед приходом красных в Крым и перед своей смертью старый барон М. В. Штейнгель, не желая обижать своего пожизненнаго слугу—повара Д. А. Нестеровскаго, который 36 лѣт прослужил барону вѣрой и правдой, при составленіи духовнаго завѣщанія у мѣстнаго нотаріуса на свое имущество, распредѣлил его так:—„пожизненному и вѣрному слугѣ Д. Н. Нестеровскому от капиталов шестую часть и от движимаго и недвижимаго имущества седьмую часть“.

Остальное имущество было завѣщано единственному сыну барона Ивану Максимовичу Штейнгелю.

Но по настоянію Вани в завѣщаніи было оговорено, что если Д. А. Нестеровскій умрет до утверждения судом завѣщанія, то его доля цѣликом переходит барону Ш-лю.

Часть 2.

Красный террор.

Послѣ Врангеля.

Осенью 1920 года Добровольческая армія под командой генерала Врангеля эвакуировала Крым и с этого времени для бѣженцев наступил самый критическій момент.

В Крыму были созадны спеціальные отряды, которые днем и по ночам дѣлали облавы, вылавливали бѣженцев и убивали их. Для разстрѣла достаточно было улики, что вы бѣженец послѣ 1917 года, а раз бѣженец во время революціи—значит бѣлый-антибольшевик, значит в расход его. Так карался бѣженец представителями народа—„че-кой“.

До вступленія красных, за трое суток, на набережной на балконѣ второго этажа в квартирѣ одного жида доктора развивался красный флаг и уже было опубликовано, что в Балаклавѣ власть перешла к ревкомитету, предсѣдателем котораго и комендантом города и окрестностей Балаклавы является этот самый доктор.

По уходѣ арміи ген. Врангеля, я и мое семейство оставались в Крыму, в Балаклавѣ.

Публика здѣсь собралась самая что ни на есть разношерстная и разнокалиберная. Здѣсь пріютились: аристократы, бюрократы, интеллигенты, профессіоналы, пролетаріат, проходимцы, жулики, жиды, артисты, лодыри, труженники и даже пѣвец Собинов.

За малочисленностью коренного населенія, в Балаклавѣ бѣженцам никакого спасенія

от „че-ка“ не было: всѣх бѣженцев наперечет знали, а уѣхать из Балаклавы, особенно с семейством, не было никакой возможности, т. к. по всѣх дорогам, проходам и перекресткам стояли посты от „че-ка“ и всѣх ѣдущих или идущих, не имѣющих от мѣстной „че-ка“ пропусков, арестовывали, обыскивали и, судя по внѣшности,—одних отправляли в „че-ка“, а других отводили в ближайшее ущелье и разстрѣливали.

Положеніе создалось такое, что искать средств спасенія можно было только в самой Балаклавѣ.

Красные в Балаклавѣ.

Красная 46 дивизія вступила в Балаклаву спустя трое суток послѣ ухода арміи Врангеля. Трое суток в Балаклавѣ власть отсутствовала и Врангелевцы спокойно, не спѣша, погрузились и отплыли в море.

Красные «герои» появились ровно через трое суток. Было занятно и смѣшно, как эта красная рвань занимала Балаклаву. Красное командованіе, несмотря на то, что мѣстные большевики во главѣ с доктором жидом трое суток ожидали за городом прихода „своих“, начало нѣчто в родѣ наступленія и готовилось штурмовать Балаклаву.

Вся эта оборванная „рать“ была перегружена до отказа. Эти „герои“ потому и

пришли позже на трое суток, что, ворвавшись в багатѣйшій не разоренный благодатный Крым, принялись грабить его.

Россію они до тла разграбили в 1918 году и к 1920 году в Россіи уже грабить было нечего, а Крымскій полуостров до 1920 года был в руках бѣлых и от разграбленія уцѣлѣл.

Красные, перейдя Перекоп, все и всѣх начали грабить и разорять и когда они дошли до южнаго побережья, то были всѣ перегружены награбленным.

Они тащили с собой все; цѣлые вьюки, ковры, одежду, мѣха, подушки, цѣнности и даже мебель.

При появленіи этих грабителей с отвратительными рожами, жители Балаклавы попрятались в свои квартиры, запирая дверь на запор. Их встрѣчали только отбросы общества, хулиганье и кучка жидов с жидовками. Я видѣл, как старуха жидовка Каплан шла в группѣ встрѣчавших с красным флагом в руках и цвѣтами. Подошла вплотную к командиру дивизіи и привѣтствовала его на своем картавом полу-жаргонѣ, низко ему кланялась, благодарила красную армію от имени Балаклавы за освобожденіе от „вѣкового гнета“, поздравляла красных с „побѣдой“ и высказывала надежду, что красная рать приложит всѣ усилія к искорененію и уничтоженію остатков укрывающихся здѣсь бѣлогвардейцев и их прихвостней и что в этой работѣ

красная армія будет не одинока, т. к.—мы всѣ, наш народ, с вами и мы от мала до велика будем сотрудничать и работать с вами...

Командир бригады, выслушав это „привѣтствіе“ от Балаклавы, обратился к своим красноармейцам со слѣдующими словами:

—Товаррррищи! Вы слышали, как народ нас со слезами на глазах встрѣчает! Нас привѣтствуют! Этот народ с нами! Постараемся исполнить их желаніе! Товаррищи, приступаем к дѣлу! Бей буржуев, бѣлогвардейцев, спекулянтов, домовладѣльцев! Ура!“ Затѣм с криками красные набросились на красивыя дачи и дома, ломали двери и окна и грабили. По городу трещала одиночная ружейная стрѣльба, были слышны крики насилуемых женщин, взывающих о помощи, но никто не выходил из квартир. В городѣ творилось что-то ужасное: по улицам бродили группы пьяных вооруженных, которые открывали стрѣльбу даже по окнам, гдѣ зажигался свѣт. Это продолжалось всю ночь до утра и кто уцѣлѣл, тот благодарил Бога, т. к. за эту первую ночь была масса разстрѣлов и изнасиловано много женщин и дѣвушек.

Единственным наблюдителем всего был я! Ходил я всюду по городу до ночи, а ночью стоял на балконѣ второго этажа своей квартиры и наблюдал, что творилось. Красные набросились грабить, а когда добрались до подвалов крымских виноградных вин, то

принялись пить и через полчаса вся пришедшая бригада ходила по городу пьяной и творила всевозможные ужасы. Убивали мужчин, насиловали женщин и дѣвушек, а потом и их убивали.

„Укрѣпленіе“ Балаклавы.

Послѣ первой кошмарной ночи, на утро, эта рвань принялась за укрѣпленіе балаклавских высот, на которыя взгромоздили пушки и зарядные ящики, которые вчера были оставлены на произвол судьбы около города.

В полном смыслѣ этого слова все было брошено, потому что всѣ „воины“ приня лись за свое ремесло: грабеж и изнасилованіе женщин и дѣвиц, слѣдуя завѣтам сифилитика Ильича. Лошади с вечера до утра бродили по дачам и виноградникам в хомутах и шлеях, а двѣ лошади были брошены в запряжкѣ у орудій и ночью запутались и околѣли. Одна лошадь с хомутом, повидимому, искала воды, свалилась в колодезь и утонула.

Как потом выяснилось, многіе из красноармейцев тоже умерли от перепоя, а один с похмѣлья повѣсился на собственном ремнѣ.

Утром потащили пушку по шоссейной дорогѣ на командную высоту, но лошади до того были изнурены, что везти пушку отка-

зывались и сколько их не подпрягали—все было безрезультатно. Взяли лошадей у жителей Балаклавы, втащили пушку на вершину горы и поставили дулом на Черное море.

В Балаклавѣ по улицам бѣгали жиды и жидовки и торжественно восклицали:

—„Ой, какой командир! Ой, вей мир! из этой пушки весь мір можно убить!!!"

Это поднял гвалт тот проклятый народ, который вчера вечером встрѣчал красных разбойников.

Жители, хотя не особенно громко, но все же, смѣясь, говорили, что это дѣтская комедія и жидовская чехарда, т. к. Балаклавцы всѣ моряки и они-то знают цѣну как этому воинственному сброду, так и их пушкѣ на вершинѣ горы, совершенно открытой с моря.

Первая ночь пребыванія красных произвела страшное впечатлѣніе на обитателей Балаклавы: населеніе было подавлено и тѣ, кто еще вчера имѣл надежду и успокаивал себя, теперь окончательно были убиты горем и безнадежностью. Увидали, что за одну ночь краснаго террора многих и многих не стало; одних разстрѣляли, других вывезли в море на рыбачьей лодкѣ и с привязанным камнем к шеѣ бросили в море. А сколько за одну ночь изнасиловали женщин и дѣвиц?

И одному Богу извѣстно, сколько времени эти разбойники и убійцы еще будут убивать и насиловать, т. к., по заявленію командира бригады,—это еще только начало,

а полная плановая работа по чисткѣ Балаклавы от чуждаго элемета развернется в ближайшее время, под личным наблюденіем т. Мозеля, который на днях прибывает в Балаклаву.

Аристократы роднятся с чекистами.

Командир бригады 46 дивизіи занял квартиру на шикарной дачѣ моего сосѣда через улицу, фамиліи котораго я не помню. Это—бывшіе аристократы из Питера.

Они занимали шикарную дачу с хорошим піанино. Семья состояла из мужа, жены и единственной дочери. Дочь образованная, хорошо играла на піанино, молодая, лѣт 18, с познаніями в искусствѣ.

Я припоминаю мой с ними разговор, еще при Врангелѣ, о возможности прихода красных. Боже мой, как они их ругали и проклинали!

Когда я узнал, что у них остановился головорѣз—бригадный командир, да еще требовал, чтобы их дочь играла ему на піанино, я полагал, что эта семья не в состояніи будет этого перенести и в лучшем случаѣ сбѣжит, бросив дачу, дорогую и красивую обстановку, піанино и все, лишь бы укрыться от этого типа, от застрѣльщика—чекиста, от разбойника, руки котораго липки от человѣческой крови. Так я думал...

Но как легко можно ошибиться в людях! Командир бригады—чекист через три дня дѣлается зятем хозяина дачи и мужем молодой, красивой, интеллигентной 18-лѣтней дочки.

Я не мог этому вѣрить и утверждал, что это вранье, но скоро я сам в этом убѣдился.

Однажды, в самый разгар разстрѣлов и кошмарных Балаклавских ужасов, вечером, в день кошмарнаго убійства группы в 39 человѣк—мучеников, эта семья в сопровожденіи новаго зятя шла вечером в театр. Я не выдержал, остановил сосѣда и спросил:—правда ли, что вы выдали дочку замуж?

Отвѣт был: —да, такого-то числа было вѣнчанье, т. е. не церковное, а регистрація; наша дочка в Балаклавѣ первая регестрировалась, ее поздравляло с законным браком все начальство и сам всемогущій и всесильный т. Мозель.

Затѣм они меня пригласили:—сосѣд, идем в театр, там чудныя вещи ставятся, вход безплатный, идемте!

Я вырвал свою руку и категорически отказался, говоря—не пойду! не могу я развлекаться в это проклятое кошмарное время, когда всюду плач и стон, когда безвинных людей забирают цѣлыми группами, выводят в лѣс и убивают.

Мой сосѣд, сжав кулаки, дрожащим от волненія голосом, заговорил:—„Сосѣд! Это ваши предразсудки; в старое время тоже

разстрѣливали, вѣшали, убивали и пытали, а мы ходили в театр, веселились, устраивали вечера, пировали, но эти вот красные в то время печалились. Так и теперь: одни плачут, а другіе скачут.—Мой зять разсказывает, как его товарища в 1905 г. разстрѣляли, а он скрылся; для него тогда было горе и печаль, а мы радовались. Так и теперь, когда взяли перевѣс красные: они побѣдители, они и властелины: пусть кого слѣдует и убьют, но вы не забывайте, что мы должны идти к ним, приспособляться и помогать им своей культурой, вѣдь возврата к прошлому нѣт. Слѣдовательно, если мы будем их чуждаться, они нас всѣх перебьют.

—Вот я выдал за него свою дочку; правда, человѣк он почти безграмотный, некультурный и хамоватый, но он постепенно с дочкой культивируется и посмотрите, потом он будет такой представительный, что еще в заграничные дипломаты попадет, а моя дочка знает и иностранные языки.

—Она сразу тоже ревѣла, не хотѣла за него выходить, говорила, что боится его, что у него нехорошій взгляд и от него идет запах человѣческой запекшейся крови. Но я ее уговорил, и теперь вот ничего, зять даже говорит, что как только закончим с остатками стараго режима в Крыму, поѣдем в Москву и он будет учиться; у него память хорошая и кой какіе стишки из букваря он моментально зазубрил наизусть. Это—будущая ари-

стократія Россіи, это красное дворянство, пришедшее на смѣну бѣлому дворянству...

Мои размышленія.

Мой сосѣд по дачѣ побѣжал в театр а я, как полусумасшедшій, сонной походкой на квартиру. Настроеніе было отвратительное, в головѣ стучало как в кузницѣ, ощущалась страшная боль в висках, спирало дыханіе.

Все, что я видѣл и слышал, казалось отвратительным, я ненавидѣл людей и не мог спокойно на них смотрѣть.

Придя на квартиру, я лёг на диван и ни с кѣм не разговаривал. Голова отказывалась работать и я страшно злился на самого себя за то, что я такой отсталый, что я во вред себѣ и своей семьѣ остаюсь при своих убѣжденіях, ненавижу и большевиков и соціалистов и этим обрекаю на нечеловѣческія страданія, а быть может и смерть, как себя, так жену и дѣтей. Впереди тьма и неизвѣстность, почти вся интеллигенція, аристократія, дворянство, нѣкоторые генералы и князья пошли к большевикам служить и служат им вѣрою и правдою, а я, такое ничтожество, выдѣляюсь, остаюсь непримиримым врагом и питаю надежду на сверженіе этой проклятой жидо-масонской власти.

Мысли в головѣ путались и являлось желаніе скорѣй, как можно скорѣй, покон-

чить с собой и уйти в небытіе, ибо жить и имѣть общеніе с этими мерзкими существами было противно.

Припомнил я, как перед самым приходом красных, в кооперативѣ „Согласіе“, в котором состоял и я, было собраніе части болѣе активной интеллигенціи, проживающей в городѣ Балаклавѣ, на котором обсуждался вопрос: как быть и что дѣлать с приходом красных?

Я первый высказался за то, чтобы бойкотировать эту мерзость всѣми способами и средствами, вплоть до отказа от всякой служ бы, но остальные были за то, что надо идти к красным, особенно тѣ, кто занимал должности. Я понял, что мнѣ с ними не по пути, понял и то, что большевики не одни, что к большевикам идет работать вся наша прогнившая интеллигенція, понял я и то, что у большевиков так же работают и будут работать всѣ наши спецы и, вѣроятно, духовенство, а потому гибель большевиков придет не скоро, т. к. весь аппарат государства будет работать и управляться тѣми же спецами-учеными; разница только в том, что до революціи эта мерзость притворно боготворила и славила Государя Императора, а теперь лижет пятки Лейбѣ Бронштейну, Апфельбауму и прочей рвани. Разница осталась неболь шая: раньше в офиціальных и не офиціальных бумагах эта рвань и мерзость писалась с большой буквы: Статс-Секретарь, Тайный

Совѣтник, Надворный Совѣтник, Генерал-Адъютант, Генерал от Кавалеріи, от Инфантеріи и т. д., а теперь та же рвань пишет: Пред. Чека, Товарищ, Комиссар Здравоохраненія Товарищ, Комиссар Путей Сообщенія Товарищ, и так далѣе.

Как видите, эта культурная мерзость опять пишется с большой буквы, слѣдовательно маленькія буквы по прежнему остались подчиненны и совподчиненны большим заглавным, а сами пишутся по прежнему с маленькой буквы: крестьянин, рабочій. Значит особаго измѣненія не произошло и если добавляют к слову рабочій титул „товарищ", то тоже с маленькой буквы. Затѣм „самодержец Ильичь" слово товарищ из общаго разговорнаго языка изъял и закрѣпил его только за красным дворянством и получилось нѣчто в родѣ: Ваше Величество, Ваша Свѣт лость, Ваше Благородіе, Господин и т. д., а всѣм, кто пишется с маленькой буквы, дано общее названіе: гражданин...

Посмотрим внѣшность. В мундирах тоже разница небольшая: у всѣх, кто пишется с большой буквы,—шикарные костюмы и вмѣс то погон—звѣздочки на воротникѣ, а на груди „Красное знамя",—это ордена, а красноармеец пишется с маленькой буквы и у него та же солдатская шинель, шапка и сапоги; разница только та, что похуже сдѣлано и из плохого матеріала, а на шапку вмѣсто жестяной кокарды ему налѣпили громадную

пятиконечную жидовскую звѣзду.

Крестьяне тоже остались по старому, в лаптях; разница только та, что раньше на содержаніе, на прокормленіе, воспитаніе и образованіе тѣх, кто писался и пишется с большой буквы, крестьянин платил 50—40 коп. в год, а теперь 40—50 руб., раньше крестьянин гнул спину перед бароном-помѣщиком, а теперь перед Культхозом, Совхозом, Сахаротрестом и т. д.

Словом, измѣненій особых нѣт: старая сволочь перемастилась, перекрасилась и закрѣпилась на большой буквѣ. За эту букву цѣплялись всѣ и никто не рискнул оторваться от большой и остаться при маленькой. Это не голословное заявленіе: возьмите для примѣра Генерал-Адъютанта Брусилова.

Кто большевикам наладил государственный аппарат? Кто большевикам провел денежную систему? Кто большевикам организовал красную армію? Все это сдѣлали старые сановники: Кутлеры, Брусиловы, Чичерины. Обидно слышать, когда обвиняют во всем темный народ и темную массу. Темная масса если и творила беззаконіе, то или по своей темнотѣ, или по своему непониманію, или просто потому, что ее сами правители натолкнули на зло.

Хоть на минутку поставьте себя в положеніе чернорабочаго до міровой войны: Он работал за 40 коп. в день у барона Штейнгеля. Объявлена мобилизація. Его забрали на

фронт. Под Краковом оторвало у него ногу и руку, потом в госпиталѣ его лечили, и вот он и дома без руки и ноги. А дома у него кромѣ жены да 4—6 дѣтей ничего нѣт, даже нѣт клочка земли: он крестьянин—батрак.

Вы скажете, что государство о нем печется и он обезпечен пенсіей. Да, ему в год выдадут 100 рублей, это по 8 руб. в мѣсяц, а на эти 8 руб. семья из 8—9 душ не может мѣсяц жить: ясно, что не хватит и необходимо добывать деньги для жизни. И вот защитник родины и солдат стоит с протянутой рукой в жару, дождь, вѣтер, мороз и вьюгу на углу и просит милостыню у этих толстопузых баронов, а дѣтей своих посылает к баронам в их имѣнія пасти скот и свиней. В то же время барон на войну не ходил, он оставался дома, а если и ходил, то не на фронт, гдѣ ноги и руки и головы отрывает снарядами, а служил в тылу, по части интендантской, гдѣ в кутежах с дѣвками проводил время на награбленныя в интендантствах средства. Эти господа в защиту своих богатств, имуществ, капиталов и роскошной привольной праздной жизни сами не выступали, а посылали своих обездоленных рабочих и крестьян, от которых и богатства нажили.

А когда честный солдат, защитник отечества, с оторванной рукой и ногой стоял с протянутой рукой, барин его не замѣчал и

презирал, говоря:—„пенсію получаешь!—Кромѣ того можешь быть у меня сторожем на бахчѣ, а ты, безстыдник, побираешься!

Бывали даже случаи, что раскормленные негодяи обращались в полицію с требованіем убрать назойливаго лодыря с улицы, гдѣ „барин“ ежедневно прогуливается с барынями, и бывшаго защитника родины мѣрами полиціи убирали: приходил городовой и предлагал перейти на другую, болѣе глухую улицу, дабы инвалид своей внѣшностью не вызывал непріятных чувств у гуляющих „господ“.

Со скрежетом зубов, проклиная свое отечество и родину, весь в лохмотьях, перебирается „защитник отечества“ в глухую улицу, в рабочіе кварталы и там, от своих сотоварищей, добывает себѣ пропитаніе и живет за счет своего обездоленнаго брата. Это рабочій квартал, здѣсь он не раздражает своим видом никого, ибо праздношатающихся здѣсь нѣт, но чувство состраданія к своему ближнему не угасло и проходящій рабочій или проходящая жена рабочаго от чистаго сердца дают обездоленному собрату свою трудовую копеечку.

Так в Россіи было, так и теперь есть...

Начало красной расправы.

Вторыя сутки пребыванія в Балаклавѣ красных казались вѣчностью. Устраивали облавы, ловили на улицѣ и убивали; ночами ломились в дома, забирали всѣх подозрительных по внѣшнему виду, уводили и убивали. По городу был расклеен приказ № 1, гласящій:

— Командир бригады №., он же пред. че-ка приказал: со дня опубликованія настоящаго приказа всѣм бѣженцам явиться для регистраціи в управленіе коменданта, имѣя на руках документы и т. д. Всѣ уклонившіеся от регистраціи будут разстрѣливаться на мѣстѣ, по обнаруженіи.

Я и мой брат М. С. вмѣстѣ пошли посмотрѣть и развѣдать, т. к. нам, казакам Кубанскаго Казачьяго Войска и участникам Корниловскаго ледяного похода, необходимо быть крайне осторожными.

Посмотрѣли мы на регистрацію и ушли, т. к. явка была сопряжена с большим риском. Рѣшили выждать нѣкоторое время и оказалось, что хорошо сдѣлали: всѣх зарегистрировавшихся днем, – ночью забирали, уводили и разстрѣливали.

Вслѣд за первым приказом был издан и приказ № 2—о регистраціи всѣх живущих в Балаклавѣ и ея окрестностях.

Опять вмѣстѣ с братом пошли мы на развѣдку. Около комендантскаго зданія сто-

яла большая толпа, а в самой канцеляріи была толкотня. Взяли мы анкетные листки, заполнили и подали; барышня сдѣлала помѣтку на удостовѣреніи личности, анкету передала на второй стол, там ее тоже помѣтили и передали на третій стол; здѣсь анкеты ложились в два яруса.

По временам из кабинета коменданта выходил человѣк со звѣрской рожей, забирал стопку анкет и уносил в кабинет начальства.

В кабинетѣ их разсматривали и сортировали. На анкетах подозрительных, по их мнѣнію, лиц значилось красным карандашем: „в расход". Это одно слово замѣняло все: и слѣдствіе, и суд и приговор. Жертву ночью забирали, выводили и убивали, предварительно раздѣв до гола.

Нужно было нам спасаться. Поэтому, подав анкеты, мы пошли к послѣднему столу и как только барышня положила анкеты с помѣткой в стопку, мы, пользуясь толкотней, стащили свои анкеты обратно и принесли домой. То же самое продѣлал и бывшій с нами бѣженец, московскій купец Г. А. Зацѣпин. Таким образом наших анкет и адресов в руках че-ка не было и мы пока были спасены.

А сколько довѣрчивых, ни в чем неповинных людей, погибло, особенно интеллигенціи!..

«Обмѣн паспортов».

Со мной был еще один случай, о котором разскажу. В виду того, что мои документы только компрометировали меня, а под ложных я еще не успѣл добыть, я рѣшил одурачить красных. Пошел к коменданту, притворился полудураком, вошел в канцелярію и стал разсказывать секретарю или адъютанту коменданта о том, что мнѣ необходимо получить вид на жительство в виду того, что мой документ, который я отдал мѣстной полиціи для обмѣна за истеченіем срока, с уходом генер. Врангеля эвакуировавшаяся полиція вѣроятно увезла с собой или уничтожила.

Не будь в этот момент сам комендант занят какими-то секретными и весьма срочными дѣлами, я бы больше не существовал: меня обязательно задержали бы до вечера, а вечером посадили бы на рыбачью лодку со связанными назад руками, привязали бы камень на шею и—до свиданія: отвезли бы в море и бросили на съѣденіе крабам.

Этот способ тогда очень практиковался в портовых городах красной жидо-масонской сволочью.

На мое счастье, комендант был занят, а разговаривавшій со мною его адъютант, как мнѣ показалось, своими манерами мысленно мнѣ говорит:—„поскорѣй уходи! не уйдешь —пропадешь“. Это чувство инстинктивно бы-

ло воспринято мной и я вышел из канцелярiи, обѣщаясь потом зайти, а сам стрѣлой полетѣл на квартиру.

Предчувствiе мое было вѣрно, так как тѣ, кто обращался к коменданту с подобными просьбами обмѣна паспортов, больше не возвращались обратно: их забирали и выводили в „расход“.

Как регистрировал тов. Мозель.

Долгожданный Балаклавскiй заправила пред. че-ка 46 дивизiи товар. Мозель наконец прибыл. По городу ходили разнообраз ные слухи; одни говорили, что только с при бытiем главнаго воротилы тов. Мозеля в Балаклавѣ наступит: „мир да гладь и Божья благодать“. Говорили, что тов. Мозель, руководясь Моисеевскими методами, укрощает и сокращает все; что товар. Мозель слѣдует священному писанiю и мудростям Моисея, пополненными талмудом. Это говорили евреи или жиды, как их называют мѣстные жители.

Русскiе говорили другое. Говорили, что прiѣзд Мозеля означает намѣренiе залить Балаклаву кровью человѣческой, что товар. Мозель изверг и агент мiровых жидо-масонов, помощник Троцкаго, а Троцкiй это—Моисей —мессiя, котораго еврейство ждало нѣсколько тысяч лѣт. Поэтому т. Мозель всѣх „не обрѣзанных“ будет умертвлять по примѣру

своего предка Іакова-Янкеля, пришедшаго из земли Мессопотамской в землю Ханаанскую, сдѣлавшаго жителям обрѣзаніе, а потом их перебившаго и забравшаго всѣ богатства (см. Библію: первая книга Моисея, глава 34).

С пріѣздом т. Мозеля появился знаменитый приказ № 3, гласившій:—всѣм жителям Балаклавы и ея окрестностей явиться на послѣднюю регистрацію в чрезвычайную осо бую комиссію, по фамиліям в алфавитном порядкѣ, имѣя на руках документы, когда прибыл в Крым и чѣм занимался до революціи и во время таковой. Регистрація объявляется на предмет обмѣна старых документов на совѣтскіе и выдачи особых документов на право безпрепятственнаго и безплатнаго проѣзда желающим ѣхать в центры Россіи. Уклонившихся от регистраціи ожидает разстрѣл на мѣстѣ. Приказ имѣл подпись: „Осо бо—Уполномоченный В. Ч-ка Тов. Мозель".

Для обывателей Балаклавы и тупоумной интеллигенціи появленіе чрезвычайной особой комиссіи, появленіе особо уполномоченнаго В.—Ч-ка т. Мозеля ничего особеннаго не представляло, т. к. никто даже теоретически не представлял того, что из себя представляет чрезвычайная особая комиссія и ея Особо Уполномоченный.

Когда я говорил о страшном будущем, о том что эта че-ка зальет человѣческой-кровью Балаклаву и ея окрестности, то меня подымали на смѣх, т. к. по их легкомыслен-

ному мнѣнію, до прибытія че-ка твердой власти не было, военщина творила безобразія, убійства, насилія и грабежи, а прибытіе твердой власти в лицѣ особо уполномоченнаго т. Мозеля эти кошмарные безобразія прекратит, всѣх зарегистрируют, выдадут совѣтскіе документы и право проѣзда безплатно на родину, согласно приказа № 3.

Дескать, пожалуйте: кто желает служить —служи, кто обрабатывать землю—иди на землю, кто в шахту—иди в шахту.

Я не вытерпѣл и добалил:—а вас в каменоломню, к стѣнкѣ! и наша тихая бесѣда кончилась ссорой, т. к. я их обозвал дураками. Да и как же называть их, когда эти остолопы доходили до того, что утверждали, что никого без суда разстрѣливать „не имѣют права", а только будет предавать суду, суд будет разбираться, будут наказывать и миловать. Они обвиняли меня в том, что я все преувеличиваю и навожу на всѣх страх и ужас.

Я говорил, что всѣ, идущіе на регистрацію, должны проститься с родными и приготовиться к смерти, ибо возврата из че-ка нѣт, но мои доказательства никакого успѣха не имѣли, т. к. всѣ вмѣстѣ и каждый в отдѣльности старались поскорѣе зарегистрироваться и устроиться на службу, если не здѣсь, то в Россіи.

В назначенный день и час регистрація началась. Желающих регистрироваться было

очень много: очередь тянулась на три квартала. Регистрація шла медленно, в помѣщеніе впускали по одному человѣку. К обѣду в очереди пошли споры: это алфавитная буква А из очереди выталкивала буквы Б. В. Г. Всѣ тискались к двери и давка была невѣроятная. Торопились, в надеждѣ поскорѣй зарегистрироваться и пойти домой.

Что творилось внутри че-ка.

Я с братом отправились на регистрацію для развѣдки и в первый день возвратились безрезультатно. На второй день мы вышли, когда еще на дворѣ было темно, а около дверей чека уже шла война за очередь. Часовой—чекист прикладом толкал и гнал толпящихся от дверей, говоря:—„черти вас несут ночью! успѣетс еще проклятые интелли, генты побывать здѣсь всѣ, чертовы выродки, и сна на вас нѣту-ти,—как свиньи лѣзут: успѣете еще к праотцам, паршивцы!“

Слова чекиста не дѣйствовали и толпа напирала друг на друга.

Работа че-ка производились с 9 часов утра до 12 часов и с 3 часов до 8 часов вечера.

Развѣдка второго дня нам ничего не дала новаго, так как внутрь впускали по одному человѣку, а обратно выпускали задним ходом на противоположную улицу. От вы-

шедшаго из регистраціи, хоть убейте, ни слова не добьетесь и только по внѣшности можно догадываться, что он пережил что-то ужасное, т. к. всѣ выходившіе были блѣдные и дрожали.

На третій день один старик—садовод подробно мнѣ разсказал о регистраціи. Вот что он повѣдал.

Снаружи стоящій часовой, по стуку извнутри стоящаго часового, открывает дверь и впускает регистрируемаго. Входящаго толкают к первому столу, стоящему около самых дверей; за столом возсѣдал паршивый молодй еверейчик, на столѣ лежали анкеты. Еврейчик забирал документы, опрашивал по вопросам анкеты, что-то писал, требовал подписаться и дѣлал какую то помѣтку цвѣтным карандашем на нижнем углу анкеты; потом эту анкету вмѣстѣ с документами и регистрирующагося передавал в слѣдующій стол, стоящій около двери, ведущей в сосѣднюю комнату; за вторым столом задавалось нѣсколько вопросов, дѣлалась новая помѣтка цвѣтным крандашем и все передавалось в сосѣднюю комнату, гдѣ около стола сидѣло двое с револьверами в руках, пронзительно осматривали вошедшаго, и грозя револьверами кричали: „признавайся, не признаешься—пуля в лоб!“. Затѣм они дѣлали помѣтку цвѣтным карандашем и в сопровожденіи одного чекиста с наганом в рукѣ посылали регистрирующагося в кабинет сатанаила, самого

товар. Мозеля.

На возвышенном мѣстѣ, около красиваго стола, как на тронѣ, возсѣдал сатанаил Мозель. По правую и лѣвую сторону стояло по два вооруженных с ног до головы чекиста, держа наголо шашки,—это тѣлохранители сатанаила Мозеля. На самом столѣ лежал маузер. Всѣ, конечно, в шапках.

Всемогущій властелин, товар. Мозель внимательно смотрит помѣтки на анкетѣ, задает нѣсколько вопросов и судьба ваша рѣшается в два счета. Росчерком карандаша Мозеля опредѣляется ваше бытіе или небытіе. Если т. Мозель наложил резолюцію:— „свободен“—регистрировавшагося освобождают и выводят через задній ход на противоположную улицу, с требованіем никому ни слова, что видѣл, не говорить и отпускают.

Прошедшій всѣ столы и дошедшій до кабинета сатанаила Мозеля с помѣткой на анкетѣ крестиком синяго цвѣта, попадал „в расход“.

Послѣ нѣскольких оскорбительных вопросов жертву уводят в дверь, идущую налѣво, в подвал „чека“, а на анкетѣ ставится резолюція: „в расход, тов. Мозель“. В че-ка происходил своего рода суд Сатаны в лицѣ его представителей—евреев над русским народом. Суд безпощадный, скорый и немилостивый.

В каких нибудь пол-часа рѣшалась участь человѣка, разбиралась вся его жизнь и Из-

раильскій судья безапелляціонно рѣшал: жизнь или смерть.

Ни свидѣтелей, ни защитников на этом судилищѣ не полагалось: три еврея, по очереди, испытывали жертву и небольшой крестик цвѣтным карандашем замѣнял все: и многотомный обвинительный акт, и судебное слѣдствіе и мотивированный приговор.

Я с братом, по зрѣлом размышленіи, рѣшили не идти на вѣрную смерть путем регистраціи у еврейскаго чорта Мозеля. По нашему совѣту не пошел туда и москвич Г. А. Зацѣпин с женой.

Оказалось, что из регистрировавшихся немногіе уцѣлѣли, в том числѣ и всѣ „обрѣзанцы".

Вот эти „обрѣзанцы", т. е. жидки, всюду звонили о вѣжливости, корректности и заботливости чинов че-ка. А товарища Мозеля прямо до небес превозносили.

И русскіе люди вѣрили этим вѣковым іудам и шли в че-ка регистрироваться, т. е. в большинствѣ случаев на вѣрную смерть.

Провокатор Штейнгель и учительница Смирнова.

24-го ноября 1920 года, жена профессора математики Екатерина Николаевна Смирнова, преподавательница русскаго языка в Балаклавской гимназіи, в день своих именин,

вечером пошла в „че-ка“—наскоро зарегистрироваться и возвратиться домой на вечерній чай, т. к. к этому времени должны были собраться знакомые, поздравить ее с днем ангела.

Часов в 7 вечера я с женой пришли первые, а за нами пришли и другіе гости: Валентина Андреевна Хованская и ея муж, Сигизмунд Александрович Каймовскій. Нас приняла старуха—мать и сообщила, что Катя ушла на регистрацію и скоро должна возвратиться. Мы протестовали и послали дѣвушку с приказаніем, чтобы именинница немедленно шла домой.

Возвратившаяся прислуга доложила, что за 3 мин. до ея прихода Е-ну Н-ну на регистраціи задержали. И так Екатерина Николаевна больше в родительскій дом не возвратилась: она больше не видала ни родных, ни знакомых, ни близких, ни мать свою старуху, ни мужа, профессора Владимира Ивановича, ни своих дѣток Наташи и Кати, т. к. больше она из „че-ка“ не возвратилась: она была замучена в группѣ 39 человѣк в каменоломнѣ неподалеку от Балаклавы. Подробности разскажу об этом ниже.

В этот же день, 24 ноября, че-ка задержала извѣстнаго читателям барона И. М. Штейнгеля, но каково было наше удивленіе, когда рано утром 25 ноября барон И. М. Штейнгель в сопровожденіи вооруженнаго чекиста пришел в квартиру старухи матери

Смирновой и сообщил:—„Ваша дочка, Екатерина Николаевна, просила передать вам о том, чтобы вы не волновались, т. к. ее скоро освободят, а я под охраной вооруженнаго отправляюсь в Севастополь для выясненія и скоро возвращусь обратно".

Вмѣстѣ с вооруженным чекистом он вышел, сѣл на подводу и уѣхал в Севастополь.

Дѣйствительно, через сутки барон И. Ш-ль свободно расхаживал по Балаклавѣ и всѣм говорил, что ни здѣсь ни в Севастополѣ никого не разстрѣливают; правда,—задерживают, ведут слѣдствіе, невинных освобождают, а виновных предают суду и если и разстрѣливают, то только уголовных преступников и только по суду.

Перед приходом красных барон Ш-ль из номеров гостинницы „Россія" перешел и занял отдѣльную дачу, особняк, под самой бухтой,—шикарный 2-х этажный дом со всѣми службами и удобствами, с библіотекой и піанино...

Старик барон М. В. Штейнгель перед самым приходом красных умер. Ваня, его мать—болѣзненная старуха, сестра милосердія и повар-слуга занимали низ дачи, а когда пришли красные, то верхній этаж заняла „чека": здѣсь помѣщался тов. Бѣлоярцев—правая рука тов. Мозеля.

Повар барона Ш-ля, как для своей семьи, так и для чекистов готовил завтрак, чай, обѣд и ужин; кромѣ закусок и яств были

вина и водка. Обѣдали и закусывали всѣ вмѣстѣ. Вѣроятно совмѣстная жизнь способствовала тому, что барона Штейнгеля освободили, тогда как в Балаклавѣ еще не было случая, чтобы из че-ка вообще освобождали.

И «заслуги» не помогли.

Регистрація своим чередом продолжалась, все новых и новых лиц задерживали, например, из моих знакомых задержали д-ра медиц. Іовлева, д-ра ветеринарных наук Радченко и многих других.

В Балаклавской полиціи во время Врангеля был полицейскій по фамиліи Гарагуля, была у него жена и двое дѣтей; жил он на частной квартирѣ бѣдно-пребѣдно. У Гарагули было еще два брата; они жили каждый отдѣльно: старшій занимался мясной мелкой торговлей и имѣл свой домик, а самый младшій, безсемейный,—ярый коммунист, при власти Врангеля от мобилизаціи ушел в Крымскія горы и лѣса к зеленым.

Полицейскій Гарагуля все время поддерживал связь с зелеными, был у них освѣдомителем, а когда началась эвакуація Крыма, Гарагуля первый снял мундир, украсил грудь красным бантиком и, не выпуская из рук винтовки, принял на себя охрану в городѣ порядка и спокойствія. Он безсмѣнно трое суток, в ожиданіи прихода „своих“, нес всѣ

тягости службы. Наконец долгожданное свершилось и красные заняли Балаклаву. Гарагуля, его жена и дѣти торжественно встрѣтили красных, а на возвратном пути его жена, идя по улицам Балаклавы, с засученными до локтей рукавами, жестикулируя, кричала во всю глотку:—Проклятые буржуи, держитесь, мы вам покажем! Пришли наши товарищи! До пріѣзда тов. Мозеля Гарагуля совмѣстно с женой ходил по городу в самом веселом настроеніи духа и о тѣх, кого разстрѣляли, с презрѣніем говорил:—„черт с ними, —заработали, вот их и разстрѣляли! Нас, пролетаріев, не тронут! Пусть их убивают. Довольно попили нашей кровушки!“

Каково же было удивленіе, когда на Мозелевской регистраціи Гарагулю задержали, а еще больше всѣ удивились, когда Гарагулю в группѣ 39 звѣрски убили.

Послѣ этого его жена бѣгала по той-же Балаклавѣ и благим матом вопила, проклиная совласть и ея руководителей: сифилитика Ленина, Лейбу Бронштейна-Троцкаго и К-о. Нѣкоторые жители относились к ней сочувственно и сострадали, но были и такіе, что говорили:—„не радуйся чужой бѣдѣ— своя придет; ты радовалась, как других убивали, а когда твоего убили, то кричишь“...

Звѣрское убійство 39 человѣк.

По мѣрѣ того, как шла регистрація, задержанных накопилось 39 человѣк мужчин и женщин разнаго возраста, разных классов и профессій, в большинствѣ интеллигенціи. В памятный день рано утром по Балаклавѣ и ея окрестностям был расклеен приказ за подписью сатанаила Мозеля о том, что с 10-ти часов утра до 6 часов вечера всѣм жителям запрещается выходить из квартир на улицу, а возвратившимся домой не открывать никому дверей квартир. За нарушеніе сего приказа разстрѣл на мѣстѣ.

К 11 часам дня всѣ улицы были заняты красноармейцами. Стоило открыть дверь, как красноармейцы открывали стрѣльбу; одну старуху ранили за то, что она пыталась перейти свой двор.

В 2 часа дня от зданія че-ка вышли построенные попарно 39 мучеников, их окружали густой цѣпью полупьяные чекисты, держа на изготовку винтовки. Всякаго смертника за то, что заговорит с рядом идущим или повернет голову в какую либо сторону,— немилосердно избивали прикладами и даже втыкали в спину или бок штыки. Позади шла казенная подвода, ибо смертникам перед отправкой объявили, что их отправляют в Севастополь для разбора дѣла.

По внѣшнему виду оно казалось, что, дѣйствительно, их отправляют в Севастополь, так

как идущая сзади подвода предназначалась якобы для тѣх из арестованных, которые могут дорогой заболѣть.

Но предчувствіе говорило другое: оно говорило, что их ведут казнить, что их ведут на мученія.

Так оно и было. Я все время стоял в укромном мѣстѣ на верандѣ своей квартиры на втором этажѣ и наблюдал. Я видѣл, как медленно и неохотно шла вереница 39 мучеников. Видѣл, как окружающая полупьяная охрана бѣгала и металась во всѣ стороны с криками, чтобы не оттягивались и торопились вперед.

Группа в 39 человѣк вышла за город, прошли село Кадыкіой и вверх по шоссейной дорогѣ шли по направленію к Севастополю. Но на третьей или четвертой верстѣ от Балаклавы шествіе остановилось и медленно свернуло влѣво и пошло по дорогѣ в лѣс. Дойдя до самаго лѣса, свернули еще налѣво и пришли в знаменитую западню, ущелье, похожее на громадный подвал, имѣющее единственный вход. Несчастных загнали в этот гроб—пещеру, приказали всѣм раздѣться до гола и одежду сдать подводчику. Послѣдній, забрав одежду, уложил ее в подводу и уѣхал.

Чтобы не возбуждать населеніе стрѣльбой, эти злодѣи рѣшили всѣх убивать холодным оружіем—шашками. Обмундированіем

и бѣльем страшно в то время дорожили и его собирали для красной арміи.

Беззащитных, несчастных мучеников по очереди брали, издѣвались, пытали, выкалывали глаза, отрѣзали уши, нос, прокалывали животы и потом добивали тупым обухом шашки по головѣ, чтобы сильнѣе обезобразить, дабы ни родственники ни знакомые потом не могли опознать. Всѣ эти пытки продѣлывали медленно, не спѣша, и как бы со вкусом, испытывая дикое наслажденіе. Остальные смертники, раздѣтые до гола, стояли и смотрѣли, как их собрата медленно убивали, ломали себѣ руки, истерически кричали, падали в обморок и требовали: „скорѣй! скорѣй! скорѣй!“.

Когда пришла очередь Екатерины Николаевны (со слов чекистов), она со страшной силой бросилась на своего палача, схватила чекиста за глотку, свалила его на землю и было уже удушила, но была сражена шашкой второго чекиста: он раскроил ей голову; с раскроенной головой, с вывалившимися мозгами Е. Н. Смирнова медленно свалилась с чекиста—палача и моментально умерла.

С 3 часов дня до темной ночи палачи „работали“. Из 39 смертников нѣкоторые от перенесеннаго ужаса сами умирали.

Чекисты даже не погребли тѣла, а стащили в одну кучу, завалили камнями и бросили.

Прошу читателя мысленно перенестись туда, гдѣ была эта нечеловѣческая расправа с людьми, прошу мысленно стать в число 39 мучеников и представить себѣ весь тот ужас.

Спросите себя, за что, и от кого?

Только за то, что они не взяли в руки оружія и не пошли убивать себѣ подобных? За то, что они были русскими и вѣрили в Бога? Все то, что пережили и перечувствовали эти 39 мучеников, умирая в страшных нечеловѣческих мученіях, должны чувствовать всѣ русскіе люди. Эти ужасы должны передавать своему потомству, дабы оно знало, гдѣ его друзья и гдѣ его враги; передавать для того, чтобы впредь не случилось такого несчастья с нашим потомством.

Послѣ такого неслыханнаго кошмара и ужаса на утро регистрація возобновилась и продолжалась в том же духѣ. Очередь около зданія че-ка не уменьшилась, а даже увеличилась. По прежнему толпились и лѣзли вперед желая поскорѣй попасть в че-ка. Все это казалось как-то дико и странно: люди сами лѣзли в лапы кровожадным извергам, к мучителям и убійцам. Разница только та, что че-ка рѣшила набирать поменьше партіи для болѣе удобнаго уничтоженія.

Как раньше, в началѣ регистраціи, так и теперь никакія убѣжденія на регистрировавшихся не дѣйствовали и как я ни старался отговаривать от регистраціи, но не мог ни-

чего сдѣлать: они как овцы шли на регистрацію, т. е. на убой.

Барон Штейнгель предал своего вѣрнаго слугу.

Барон И. Штейнгель свободно жил в Балаклавѣ, часто ѣздил в Севастополь, ходил по знакомым, бывал у меня на квартирѣ и при бесѣдѣ говорил, что для него не существует особой опасности и если бы за помощью обратились к нему, то он бы выручил из любой бѣды.

В послѣдних числах декабря 1920 г. рано утром ко мнѣ пришел повар Д. А. Нестеровскій со слезами на глазах. Он долго молчал и всхлипывал, и от разстройства не мог говорить. Когда он немного успокоился, то заявил:—Прокопій Степанович! Я пришел к вам, может быть в послѣдній раз; пришел как к своему родному русскому человѣку сказать, что меня Ваня гонит в че-ка на регистрацію, и я чувствую, что Ваня посылает меня в че-ка на убой, на вѣрную смерть—(он опять заплакал).—Я долго не шел, наконец рѣшил идти—пусть убивают. Я неоднократно видѣл, как Ваня шептался наединѣ с Бѣлоярцевым и передавал ему какія-то письма".

Затѣм, обращаясь ко мнѣ, он заявил:—прошу вас, берегитесь Вани,—Ваня может

вас выдать, т. к. вѣроятно Ваня чекистам выдает своих людей."

Немного помолчав, он продолжал:—„Мнѣ жалко умирать от руки того, кого я с самых малых лѣт, как родного сына, вынянчил, выростил, оберегал его по ночам, и в благодарность он же посылает меня на убой.

Немного успокоившись, Д. А. Нестеровскій продолжал: „на совѣсти Вани есть не одна человѣческая жертва: на Кавказѣ, в своем имѣніи „Круглик", Ваня выдал контрразвѣдкѣ совсѣм безвинных двух рабочих; их Ваня обвинил в большевизмѣ, устроил ложный донос и двух насчастных рабочих, у которых остались жены и дѣти, которые при большевиках спасли жизнь управляющаго имѣніем и само имѣніе от разоренія,—их забрали и разстрѣляли. А послѣ разстрѣла этих двух рабочих почти всѣ рабочіе ушли в горы и лѣса к зеленым".

— Повторяю, что Ваня—барон И. Ш-ль, на все способен и от него можно ожидать все, что угодно"...

Послѣ минутной паузы Д. А. Н-ровскій встал, взял меня обѣими руками за правую руку и продолжал:—„Я прямо иду в че-ка, если меня разстрѣляют,—прошу вас, исполните мою просьбу: когда в Россіи будет національное русское правительство, когда русскій народ уничтожит жидо—хамскую власть, прошу—передайте о всем подробно русским людям и будущему правосудію, пусть этот

подлец Ваня, котораго я собственными руками вынянчил, понесет законную кару за свои дѣла, пусть он отвѣтит за то, что своего вѣрнаго слугу, своего раба, который безвыходно на своего барина проработал всю жизнь, выдает на разстрѣл.

А теперь, П. С., до свиданія! Простите! Быть может навсегда! Д. А. обнял меня обѣими руками, крѣпко прижал к своей груди, три раза поцѣловал и сказав послѣднее „прости!“, как ребенок рыдая, вышел...

От волненія я не выдержал, и у меня появились на глазах слезы.

С балкона второго этажа моей квартиры я видѣл, как Д. А. Н-ровскій, склонив голову, шел по Почтовой улицѣ, повернул налѣво и, шатаясь, медленно пошел по Набережной прямо к стоящей очереди у зданія че-ка. По временам он останавливался, стоял потупя голову, покачиваясь и пятясь назад, вздрагивал и опят продолжал идти. Подойдя и становясь послѣдним в очередь, он снял фуражку, перекрестился в сторону церкви, одѣл фуражку и не спѣша стал в стоявшую очередь.

С того же балкона я видѣл, как Д. А. Н-ровскій, стоя в очереди, медленно продвигался вперед, приближаясь к зловѣщей двери сатанинскаго че-ка, видѣл его, стоящаго на очереди у самой двери, около самого дула винтовки часового чекиста, видѣл его и в мгновеніе, когда зловѣщая дверь ртспахну-

лась и Д. А. Нестеровскій, подтолкнутый в спину кулаком чекиста, шмыгнул и дверь захлопнулась. Больше Д. А. Нестеровскаго я не видѣл и никто его больше не увидит, т. к. он больше из чека не возвратился.

Желая освободить узника, я пошел к его барину, барону И. Ш-лю, с просьбой оказать посильное содѣйствіе к освобожденію его преданнаго слуги и безкорыстнаго труженика и раба. Обращаясь к барону, я имѣл в виду наш разговор со Ш-м раньше, когда он мнѣ говорил, что всякаго задержаннаго че-кой за извѣстную сумму денег он, Ш-ль, может освободить в два счета.

Когда я заговорил со Ш-м о его слугѣ, Ш-ль вскипѣл, нервно забѣгал по комнатѣ и скороговоркой, косясь на меня, сказал—„для выручки нужны деньги!“

Я спросил, сколько и обѣщал достать и дать ему деньги. Барон фыркнул и добавил, что деньги не нужны и просил меня не безпокоиться, так как Д. А. Н-вскаго без сомнѣнія освободят на том основаніи, что он является полным пролетаріем в данное время, и богачем в будущем, ибо умершій барон его наградил почти наравнѣ с родным сыном. В заключеніе барон просил больше о Д. Н-вском не говорить. Таким образом мои попытки выручить несчастнаго успѣха не имѣли и я вернулся домой.

Собинов—красный пѣвец.

31 декабря 1920 года, прелестный зимній вечер. В старое доброе время молодые парни и дѣвки под окнами домов хором славили Христа. Гудѣли колокола. В старое время в этот вечер вечер всѣ учрежденія и увеселительныя мѣста были закрыты, всѣ шли в церковь, а из церкви домой. Так бывало и в Балаклавѣ и в ближайшем селѣ Кадыкіой.

С приходом красных все измѣнилось.

Даже в церкви служенія не было. За то вечером зданіе мѣстнаго театра сіяло массой разноцвѣтных электрических лампочек, а внутри театр был переполнен громадной толпой, впившейся глазами в сцену и по временам оглашавшей зал аплодисментами и криками: бис! бис! бис! просим! просим!

Это публика аплодировала знаменитому пѣвцу Собинову, ибо в этот вечер Собинов своим искусством развлекал звѣроподобных красных заправил-чекистов и их наложниц или, как они выражаются, жен. Простонародья в театрѣ, не смотря на то, что вход был безплатный, не было. Собинов пѣл безплатно, а ему тоже безплатно выдавали двойную порцію ржаного сырого хлѣба и похлебки и освобождали от субботников и воскресников.

Не надо забывать, что за три мѣсяца перед этим пал в бою от рук большевиков единственный сын Собинова.

Вот какую характеристику этому красному лакействующему пѣвцу дает талантливый публицист Александр Яблоновскій по поводу выступленія Собинова против Шаляпина, пожертвовавшаго нѣсколько тысяч франков в пользу русских бѣженцев:

— Пѣвец Собинов счел за благо выступить против „отступника“ Шаляпина.

Пролетарскій тенор ополчился против буржуазнаго баса.

Со стороны бѣднаго Собинова это, конечно, не болѣе, как „обязательное хамство“.

Газетные провокаторы потребовали, чтобы подсовѣтскіе артисты „осудили“ Шаляпина, и вот, Собинов, который „ѣст совѣтскій хлѣб“, предъявил свое посильное негодованіе.

— „Если Ф. Шаляпин,—пишет он,—дѣйствительно позволил себѣ оказать какую бы то ни было денежную поддержку эмигрантским, враждебным нашему союзу организаціям, то этот поступок заслуживает самаго искренняго и энергичнаго порицанія...“

Не подлежит никакому сомнѣнію, что если бы московскіе вседержители приказали своим гражданам идти „сѣчься“, то законопослушные москвичи безропотно стали бы в очередь и, может быть, в первых рядах стоял бы г. Собинов.

— Скачи, враже, як пан каже!...

Это та именно совѣтская „лойяльность“, которая напоминает „Якова вѣрнаго, холопа

примѣрнаго".

В окружающих это не вызывает уже ни возмущенія, ни гнѣва.

— О каком же негодованіи может итти здѣсь рѣчь, когда человѣк сам пришел сѣчься, сам в очередь стал и сам одежды свои разстегнул?..

Такого человѣка даже пожалѣть можно.

— Кажется, взял бы его, бѣднягу, обнял, поцѣловал и бросил в воду ко всѣм чертям...

Но в „лойяльности" бѣднаго Собинова есть, однако, и драматическая сторона.

— У Собинова был сын, поручик конной артиллеріи, Юрій Леонидович Собинов, доблестно павшій в бою с большевиками...

Вот что пишет мнѣ об этом свѣтлом юношѣ его боевой товарищ и однополчанин:

— „Юрій Леонидович Собинов скончался от раны, 8-го октября 1920 года. Он был ранен в бою с большевиками у села Маріинскаго, Екатеринославской губ., во время заднѣпровской операціи коннаго корпуса ген. Барбовича. Бросившись с нѣсколькими всадниками в контр-атаку на большевиков, он получил пулю в плечо в тот момент, когда полк, окруженный с трех сторон красными, попал в исключительно тяжелое положеніе. Юрій Леонидович упал с лошади и, если бы не самоотверженность полковой сестры милосердія, княжны Оболенской, вывезшей его на санитарной повозкѣ и получившей при

этом сабельную рану в голову,—был бы, навѣрно, замучен нынѣшними хозяевами г. Собинова отца".

Скончался Ю. Л. в Мелитополѣ, гдѣ и похоронен...

— Посѣщает ли его могилу знаменитый отец,—спрашивает мой корреспондент,—и помнит-ли кто убил его сына?...

Мнѣ очень больно было повторить этот ужасный вопрос, обращенный в упор к отцу боевым товарищем его сына?...

Но там, в совѣтчинѣ, люди так измѣнились, так выродились, так изгадились, что, может быть, и этот вопрос им нужен.

— Чуешь ли, батько?—спрашивают перед смертью современные Остапы.

А современные Тарасы отвѣчают:

— Нѣт, сынку, я уже ничего не чую...

Убійство Д. А. Нестеровскаго и других.

Часов в 10 вечера, когда Собинов, напрягая всѣ усилія, взмахивая руками, выводил бархатное „ля",— в это время по Ялтинской шоссейной дорогѣ, мимо дверей театра, еле волоча ноги, понурив головы, со связанными назад руками и попарно, подгоняемая прикладами чекистов, медленно двигалась группа русских людей, а позади группы шла казен-

ная подвода, везшая 70-лѣтнюю старуху учительницу.

Эта учительница всю свою жизнь жила по пролетарски, состоя, как любительница, в театральной труппѣ. Здѣсь же шел и несчастный слуга барона Ш-ля, Д. А. Нестеровскій, а сам барон Ш-ль в это время сидѣл с чекистами в ложѣ и упивался пѣніем Собинова.

Это шли не люди, а тѣни. Они даже не понимали, куда их ведут и зачѣм. Это были живые трупы, они умерли в тот момент, когда им вязали назад руки и строили по парно и когда чекисты, практикуясь взмахами шашек в рубкѣ, готовились рубить им головы.

Проходя мимо открытой двери театра, ни один из смертников не поднял головы, ни один не посмотрѣл в сторону театра, на гнусную толпу людей с сіяющими радостными рожами, с веселыми улыбками и на гнуснаго пѣвца, который, забыв стыд и совѣсть, развлекает палачей в то время, когда их жертвы идут на мучительную смерть.

Еще группа смертников не скрылась за поворотом, когда в театрѣ был объявлен антракт в 10 минут и вышедшіе на улицу видѣли удаляющихся смертников. Молодые парни побѣжали за удаляющимися и, поровнявшись, стали всматриваться и опознавать идущих. Чекисты мигом приняли оборонительное положеніе и защелкали затворами,

требуя от незнакомцев удалиться, но все же парням удалось опознать нѣкоторых из группы смертников.

В театрѣ зашушукали: это шепотом передавали друг другу о том, что группу в нѣсколько человѣк повели в лѣс на разстрѣл.

Один парень подошел к барону Ш-лю, котораго он хорошо знал, и в полголоса заявил о том, что его слугу, Д. А. Нестеровскаго, совмѣстно с другими чекисты увели в лѣс разстрѣливать. Ш-ль со страшной гримасой на лицѣ, со скрежетом зубов, гаркнул на весь театр:—"пошел вон, мерзавец! никаких слуг у меня не было и нѣт!"

Нѣкоторые из бывших в театрѣ, потихоньку, крадучись от знакомых и Балаклавскаго „начальства", ушли домой и по дорогѣ, крестясь, шепотом произносили молитвы, обращаясь к Господу Богу о ниспосланіи им спасенія, чтобы их миновала чаша сія.

Нужно сказать, что в то время все объявлялось „в ударном порядкѣ": субботники, воскресники, представленія в театрѣ и т. д. Тѣх кто не вышел на субботник, воскресник или в театр—считали контр-революціонерами и предателями.

В таком положеніи находились всѣ актеры и любители театральнаго искусства. Всѣ были мобилизованы и „в ударном порядкѣ" должны были играть на сценѣ, даже в тѣх случаях, когда их знакомых, родственников,

жен, мужей и дѣтей выводили разстрѣливать и разстрѣливали.

Люди до того оскотинились, что на разстрѣлы близких, родных и знакомых никто уже не обращал никакого вниманія, стараясь всѣми правдами и неправдами угодить грозным повелителям для спасенія собственной шкуры.

Для двадцатаго вѣка это кажется диким, но факт на лицо: из боязни за собственную жизнь никто не протестовал против ужасов и даже не подавал вида, и хотя принужденно, но всѣ привѣтливо улыбались в сторону лож чекистов Балаклавы и старались острить.

Послѣ 10 минутнаго антракта, Собинов снова на сценѣ, снова аплодисменты. Собинов, как ни в чем не бывало, своим искусством ласкал и щекотал чувства присутствующих.

А в это время, неподалеку от Балаклавы, в лѣсу группа русских людей испытывала совершенно другія чувства,

В момент наиболѣе шумных овацій Собинову смертники, свернув вправо от шоссейной дороги, остановились в лѣсу около заброшеннаго очень глубокаго колодца. И когда эхо отражало аплодисменты Собинову —смертников по очереди развязывали, раздѣвали, рубили шашками им головы и бросали в колодезь.

Старуху-актрису, безчувственную, убивали послѣдней, ее стащили за ноги с подводы

сорвали со страшной руганью одежду, ткнули в живот шашкой и живую, с вывалившимися внутренностями, бросили в колодезь.

Забрав одежду и веревки, чекисты спокойно возвратились в Балаклаву, не преминув зайти в театр послушать Собинова. Тут же, в театрѣ, на своем варварском жаргонѣ палачи сообщили сидящим в ложѣ о том, что все сошло хорошо и что „семь комплектов обмундированія добыто“.

Так звѣрски был убит Д. А. Нестеровскій в 10 часов вечера под первое января 1921 года.

Просьбу покойника я исполняю и даю настоящій матеріал для будущаго Россійскаго правосудія и правительства. Пусть виновник его смерти, барон И. М. Штейнгель, понесет заслуженную кару.

Чека охотится за мной.

В виду того, что вся интеллигенція лѣзла к большевикам на службу, я оставался почти в одиночествѣ и моими единомышленниками по Балаклавѣ оставалось нѣсколько человѣк: москвич Г. А. Зацѣпин, его жена Людмила Алексѣевна, Зоя Александровна Пещанская, Любовь Павловна Ефремова, Валентина Андреевна Хованская, агроном Андіенко и матрос Шевченко. С ними я дѣлился своими впечатлѣніями, радостями и горем и, хотя

крадучись, но друг у друга мы бывали и чѣм могли друг другу помогали. С помощью Зои Александровны я получил совпаспорт на чужую фамилію. С помощью г-жи Боровко (она завѣдывала адресным столом) я уничтожил всю свою прописку и установил фальшивую.

Вышепоименованным обитателям Балаклавы приношу искреннюю благодарность за оказанную помощь с риском своим благополучіем и даже жизнью: я буду считать за большое счастье, если придется имѣть случай когда либо их отблагодарить.

Благодаря хлопотам Зои Александровны я в скорости получил совдокументы, побывал нѣсклько раз в Севастополѣ и намѣревался совсѣм уѣхать из Балаклавы, но случилось то, чего я не ожидал и к чему не готовился, хотя в то время всякій жившій в Крыму должен был быть готов ко всѣм случайностям.

Поздно вечером, когда я возвращался от Зои Александровны,—около лѣстницы моей квартиры меня остановила квартирантка из нижняго этажа Н. С. и боязливым шепотом предупредила, что за моей квартирой наблюдают какіе-то незнакомцы, вѣроятно чекисты.

Я был поражен сообщеніем Н. С., т. к. она явно была красной и все время твердила моей женѣ о том, чтобы она шла на регистрацію к тов. Мозелю, и неожиданно она же сообщила об опасности.

Сразу я не придал особеннаго значенія этому предупрежденію и принял его за простое запугиваніе. Но все же произвел развѣдку и убѣдился, что какіе то три подозрительных типа из укромнаго уголка наблюдают за моей квартирой.

Медлить было нельзя и поэтому я, предупредив семейство о предстоящем визитѣ „че-ка“ и сообщив об этом еще нѣкоторым лицам, отправился окольными тропинками в Севастополь.

В Севастополѣ пріютился я у г. Цапа и жил у него без прописки.

Г. А. Зацѣпин сообщил мнѣ, что послѣ моего ухода на квартиру явились агенты „че-ка“ с цѣлью арестовать П. С. Ковгана, но так как таковаго не оказалось — произвели тщательный обыск и тоже ничего не обнаружили.

Агенты „че-ка“ ушли, обязав мою жену подпиской немедленно дать знать в „че-ка“ о появленіи в Балаклавѣ Ковгана, в противном случаѣ грозили разстрѣлом.

Получилось положеніе такого рода, что или я должен был явиться в „че-ка“ на вѣрную гибель, или мое семейство могло каждый час подвергнуться разстрѣлу.

Надо было изыскивать способ избавить семью от угрозы и самому не попасть в лапы палачей.

В то время на улицах Севастополя часто устраивались облавы и всѣх, кто не имѣл

карточки от биржи труда,—арестовывали и посылали на работы, не только в городѣ, но и в другія мѣстности.

Через Г. А. Зацѣпина я уговорился с женой и послал ей из Севастополя в Балаклаву письмо такого содержанія:—„такого-то числа, по приходѣ моем в Севастополь, меня случайно, как не имѣющаго карточки биржи труда, задержали и отправили в концентраціонный лагерь, гдѣ я и нахожусь. Не безпокойся: я жив и здоров. Твой Проша“.

А так как всѣ письма прочитываются агентами „че-ка“, то „че-ка“, прочитав мое письмо, оставит в покоѣ мое семейство.

Письмо жена получила в распечатанном видѣ, агенты „че-ка“ еще раз посѣтили квартиру, опросили жену и как будто бы успокоились, даже сообщили женѣ о том, что ея муж в их руках.

Барон Штейнгель предает мою семью.

Так бы оно и продолжалось, и „че-ка“ скоро позабыла бы про меня, но на бѣду умерла мать барона Ш-ля и Ш-ль пришел просить взаймы денег к моей женѣ. Жена отказала, ссылаясь на меня и дала Ш-лю мой Севастопольскій адрес. Ш-ль поѣхал в Севастополь и явился прямо к Цапу. Цап провел

Ш-ля на третій этаж, в занимаемую мною комнату.

При появленіи Ш-ля меня охватил озноб, ибо я инстинктивно чувствовал к Ш-лю отвращеніе и испытывал перед ним страх.

Ш-ль обратися ко мнѣ с просьбой дать ему взаймы денег для похорон умершей матери, при чем заявил, что он, Штейнгель, переговорит с чекистом Бѣлоярцевым относительно меня и моего семейства и что нас „че-ка“ оставит в покоѣ.

Положеніе создалось скверное: отказать Ш-лю в займѣ денег—значит рисковать семейством,дать денег—пиши пропало, а будешь требовать—и сам пропадешь.

Наконец, спасая семью, я дал Ш-лю 80 руб. мелк. серебра,—всѣ мои сбереженія, с условіем, что Ш-ль через нѣсколько дней продаст свои цѣнности и возвратит мнѣ сорок американских долларов.

Умершую свою мать—милліонершу, барон Ш-ль похоронил на мои трудовыя кровныя деньги, деньги хлѣбороба—казака. А через короткое время Ш-ль, дабы избавиться от кредитора, сдѣлал на меня и семейство мое новый донос в „че-ка“, гдѣ указал, что П. Ковган пребывает на свободѣ в Севастополѣ в квартирѣ Цапа.

„Че-ка“ не замедлила и явилсь к Цапу, но меня там уже не было, ибо я, по уходѣ Ш-ля, ушел в подполье москвича Чугунова.

Одновременно, по доносу Ш-ля, в Балаклавѣ арестовали мою семью и квартиру опечатали. Это было 1-го апрѣля 1921 г.

О возвратѣ денег с Ш-ля мы и не помышляли; 4-го апрѣля ко мнѣ в Севастополь пришел Г. А. Зацѣпин и передал мнѣ подробности ареста моего семейства и о том, что к нему на квартиру приходил нѣсколько раз барон Ш-ль спрашивать, гдѣ Севастопольская квартира П. Ковгана; затѣм он спрашивал, гдѣ П. Ковган спрятал свои цѣнности, т. к. якобы Ш-ль боится за то, что „че-ка" может семью и самого Ковгана разстрѣлять и спрятанныя цѣнности погибнут безвозвратно. Слѣдовало бы знать, гдѣ они, забрать их и сохранить до пермѣны власти и тогда передать их его родственникам или наслѣдникам.

Всѣ мои маленькія сбереженія хранились у незабвеннаго и добраго Г. А. Зацѣпина. Г. А. Зацѣпин замѣтил, как барон Ш-ль осторожно при разговорѣ зондировал почву, распознавая кто и что из себя представляет. Он, кромѣ того справлялся у владѣльца дачи о том, кто и откуда А. Зацѣпин.

При всестороннем обсужденіи было рѣшено немедленно и поскорѣй Зацѣпину уѣхать из Балаклавы в Москву, тѣм болѣе, что за ним прибыл из Москвы спеціальный человѣк.

Мое семейство сидѣло в „че-ка" и в проводах Г. А. З-на не принимало участія,

Николай (4 лѣт) и Яков (12 лѣт) Ковганы
в чекистском застѣнкѣ.

провожал его один я.

Интересно, что и здѣсь барона Ш-ля постигла неудача: рано утром Г. А. Зацѣпин с женой уѣхал в Москву, а часов в 10 на дачу Андріенко явилась „че-ка“ арестовать З-на, но застала пустое мѣсто. „Че-ка“ ушла, а через два часа вновь пришла и с ними пришел барон Ш-ль. Стали искать и в обысках больше всѣх и энергичнѣе всѣх принимал участіе б. Ш-ль. Ш-ль чекистов увѣрял, что Зацѣпин никуда не уѣхал, т. к. наканунѣ Ш-ль был у него и он не собирался уѣзжать.

Ставили к стѣнкѣ старика Андріенко, требуя выдачи З-на. Обыски результатов не дали, и чекист Бѣлоярцев злостно упрекнул Ш-ля в том, что Ш-ль проморгал и упустил такого гуся, как фабрикант Зацѣпин. Тѣм не менѣе старика Андріенка обязали подпиской, под угрозой разстрѣла, сохранить все втайнѣ, и о появленіи З-на сообщить „че-ка“. Старик 85-ти лѣт, подписываясь, заявил, что разстрѣл его не страшит. И дѣйствительно, он ничего не боялся, т. к. послѣ этого я нѣсколько раз у Андріенко имѣл ночлег и пріют.

Моя семья в «че-ка».

С 1-го апрѣля стараго стиля 1921 г. моя квартира в Балаклавѣ была опечатана сургу-

чем с приложеніем чекистской печати, вся семья арестована и находилась в подвалах „че-ка“. Жена отдѣльно. а дѣти отдѣльно: старшій сын Яков 12 л., дочка Марія 6 л. и сын Николай 4 лѣт.

В чем их обвиняли — „че-ка“ не говорила, однако было замѣтно, что чекисты добивались узнать мою точную фамилію, чин и сословіе, т. к. я и семейство в совѣтских документах значились мѣщанами города Батума по фамиліи Ковчик.

Нужно сказать, что когда я добыл подложные документы, тогда дѣтей выучили новой фамиліи и новому сословію, что дѣти и усвоили, и когда чекисты пытались узнать правду от дѣтей, то лаской, то строгостью,— дѣти твердили одно и то же; особенно интересным был мой 4-х лѣтній Николай, который твердо говорил свою новую фамилію и званіе: мѣщанин. Словом, молодые казачата-дѣти твердо выполняли приказаніе своего отца-казака. Здѣсь дѣти-казачата показали, что они славные потомки Кубанскаго Казачьяго Войска; казачата показали, что еще далеко сов-сволочи до того, чтобы казачата выдавали своих отцов-казаков.

Арестованную мою жену ежедневно навѣщали близкіе знакомые; до отъѣзда в Москву навѣщал Г. Зацѣпин и его жена, Зоя Александровна, Любовь Павловна Ефремова, Валентина Андреевна Хованская, приносили кушать женѣ и вмѣстѣ с тѣм передавали от

меня сообщенія и получали словесную передачу, которую передавали мнѣ.

Честь и слава этим истинно русским людям, этим отважным и безстрашным героям, ходившим в застѣнки „че-ка“ навѣщать мою жену и дѣтей. Мое им русское казачье спасибо! Дай Бог, чтобы на Руси множились подобные русскіе люди.

К арестованным в „че-ка“ два раза приходил барон Ш-ль, под предлогом якобы навѣстить мою семью, но семья отказывалась с этим мерзавцем говорить и Ш-ль, сконфуженный, уходил.

Мои попытки освободить семейство из лап че-ка.

Я отлично понимал, что моя семья страдает вслѣдствіе того, что я скрываюсь и возможно, что из за меня эти головорѣзы убьют всю семью, особенно жену.

Жена передавала мнѣ, чтобы я спасался от чекистов и что она готова принять смерть во имя моего спасенія и это была правда, ибо со дня прихода красных жена единственно безпокоились о моем благополучіи и теперь она даже рѣшила умереть, но не выдавать; так и дѣти передавали знакомым, что ни за что не выдадут папы.

Семья во имя моего спасенія приносит в жертву себя. Развѣ я мог оставить ее на

произвол судьбы и скрыться? Нѣт, я нравственно не мог этого сдѣлать, и как хищный звѣрь рыскал около Балаклавы днем, а ночью бывал в самой Балаклавѣ, ежедневно путешествуя в Севастополь и обратно, пѣшком и без дорог, по ущельям и кустарникам.

Ночами я навѣщал знакомых и как я не пытался через посредство других помочь семьѣ, томимой в „че-ка“, всѣ попытки были тщетны; всѣ боялись, террор „че-ка“ наводил страх на всѣх.

Мои обращенія к солидным лицам за помощью были напрасны, ибо стоило только сказать, что жена и семейство сидят в „че-ка“, как многіе прекращали разговор и говорили:—„будьте здоровы, желаем вам всѣх благ“, пожимали мнѣ руку и нетерпѣливо дожидались, пока я брал шапку и когда переступал порог, плотно закрывали дверь и брали ее на запор. Я рѣшил дѣйствовать сам и это спасло мою семью от смерти.

В то время „че-ка“ вѣрила всякаго рода нелѣпым доносам, а потому я избрал способом спасенія семьи именно доносы. К тому же моя семья арестована по доносу. Я писал доносы на свою семью и на себя самаго нелѣпаго содержанія и с ложными подробностями. Составлял черновики и отдавал другим переписывать, а затѣм все это опускалось в почтовый ящик и шло в Балаклавскую „че-ка“. Скопилась цѣлая уйма доносов и чекисты безпрерывно допрашивали М. В. Ков-

ган. Они поражались необыкновенным количеством доносов и были поставлены в затруднительное положеніе: они не знали, гдѣ настоящій донос и гдѣ ложный, да о ложном в то время они не имѣли и понятія. К тому же „че-ка“ получила письмо, адресованное на имя М. В. Ковчик; содержаніе его было таково:—„М. В., я,—товарищ Вашего мужа по концентраціонному Севастопольскому лагерю и сообщаю Вам, по просьбѣ Вашего мужа, Ковчик: из концентраціоннаго Севастопольскаго лагеря нас, партію в 35 человѣк, отправили поѣздом в Донбас на работы; по дорогѣ Ваш муж заболѣл тифом и скончался 6-го апрѣля с.-г. Его похоронили на кладбищѣ при стан. ж. д. такой-то (подпись)“.

Это письмо ошарашило чекистов; письмо говорило за то, что разыскиваемый Ковчик или Ковган дѣйствительно был и умер, слѣдовательно искать некого и нечего. Это письмо было сфабриковано мной совмѣстно с Г. А. Зацѣпиным, когда он уѣзжал в Москву и по моей просьбѣ Зацѣпин по дорогѣ в Москву на одной из станцій бросил его в ящик и оно попало в Балаклавскую „че-ка“, т. е. туда, куда нужно.

Томительно и мучительно медленно шло время, я от недоѣданія, безпрерывнаго скитанія и ужасных переживаній превратился в безстрашнаго человѣка, а жизнь казалась противной; к тому я ежедневно подвергался

обстрѣлу из винтовок с дачи Максимовича, мимо которой, по воровским тропинкам, без дороги, я ежедневно ходил в Севастополь и обратно. Стрѣльба с дачи Максимовича меня так обласкала, что я особаго ощущенія не испытывал и боялся только раненія и тѣх мученій, которым потом могу подвергнуться.

С этими обстрѣлами дошло до того, что эта чекистская мерзость рѣшила меня изловить живьем. Снярядили верхового и только я показался, чекисты открыли по мнѣ огонь, а верховой во всю прыть поскакал по ущелью мнѣ на перерѣз; я свернул в ущелье, снял солдатскую шинель, шапку, повязал голову бывшим при мнѣ полотенцем и пошел в противоположную сторону и когда верховой чекист, обогнув овраг, летѣл во всю прыть в надеждѣ преслѣдовать неизвѣстнаго, я с ним встрѣтился и чекист, повидимому, приняв меня за крымскаго татарина, помчался дальше. Каково его было удивленіе, когда там никого не оказалось. С возвышенности я наблюдал, как этот верховой бороздил всюду и безрезультатно. Видѣл его разочарованіе; чекист останавливал лошадь и долго, долго осматривался, потом шагом медленно поѣхал во свояси. Меня спасла повязка и сообразительность.

Дача Максимовича—братская могила.

Дача Максимовича расположена невдалекѣ от города Севастополя. Эта дача стоит почти особняком. На ней возведены громадныя и богатыя строенія с винодѣльными подвалами. В старое время дача Максимовича славилась виноградом и лучшим крымским вином, а с приходом красных она сдѣлалась „братской могилой“, т. к. на дачѣ Максимовича „че-ка“ нашла всѣ удобства для своей гнусной работы.

Громадную дачу обнесли в три аршина вышины, в шесть рядов, колючей проволокой. От ворот, в ширину ворот, колючей проволокой отгородили проход прямо к подвалу. Подвал этот служил общей для смертников раздѣвальней; здѣсь же устраивались разнаго рода пытки, как-то: выдергиваніе особо приспособленными щипцами ногтей, запусканіе под ногти иголок и др. способы.

От подвала вел узкій проход, огороженный колючей проволокой: это—ход прямо к ямѣ—общей могилѣ. Могила тоже обнесена в три ряда колючей проволокой в 4 ар. вышиной. Размѣр могилы: 12 ар шир.$\times$20 ар. длины и 4-5 арш. глубины.

Когда яма наполнялась тѣлами убитых, ее заливали сѣрной кислотой и покрывали землей в 4-5 вершк. толщины. Общія могилы рыли и огораживали проволокой два—три

смертника, которым обѣщали даровать жизнь, но когда они заканчивали работу, их первых убивали и бросали в яму, приговаривая:— „дѣлаем почин“.

На дачу Максимовича безпрерывно, днем и ночью, приводили и привозили людей группами от 5 до 150 человѣк, загоняли в подвал, раздѣвали, вызывали по 20-25 человѣк, гнали к ямѣ и тут убивали,—кого насмерть, а кого только ранили, и всѣх сваливали в яму. Когда приведенная партія была „закончена“, их поливали сѣрной кислотой; это для того, чтобы не совсѣм убитые не могли ночью оправиться и бѣжать.

Бѣлье и вся одежда на грузовиках вывозилась в Севастополь, там сортировалась и отправлялась,—что поцѣннѣй—в деревню крестьянам, в обмѣн на хлѣб, а что похуже—в красную армію для обмундированія.

На дачѣ Максимовича стоял отряд „чека“ в 120 человѣк, который, кромѣ разстрѣлов, нес охранную службу, как около самой дачи, так и ея окрестностей. Нѣсколько постов стояло около огражденія дачнаго участка, а главный наблюдательный пост был на вышкѣ третьяго этажа дома. На вышкѣ было укрѣплено два пулемета. С этой вышки была возможность наблюдать на очень далекое разстояніе по окрестностям, и хорошо был виден Севастополь. Как сама дача, так и вышка связаны были телефоном с Севастопольской „че-ка“.

Дача Максимовича самой природой была замаскирована от взоров посторонних, к тому же чекисты, хотя бы по случайно появившемуся человѣку на разстояніи выстрѣла, открывают ружейный огонь и тот моментально убѣгает обратно в ущелье. Таким образом русское быдло—гои не видѣли и не слышали нечеловѣческих, душу раздирающих, кошмарных звѣрских убійств русскаго люда.

На дачу Максимовича грузовики привозили тѣла и из Севастополя, т. к. Севастопольская „че-ка“, в свою очередь, разстрѣливала в самом Севастополѣ.

Точное число мученически убитых и погребенных в братских могилах на дачѣ Максимовича неизвѣстно, но, по приблизительному подсчету, за два мѣсяца оно достигло 12.000 человѣк.

Все вышесказанное мнѣ передал случайно бѣжавшій ночью из под разстрѣла, с дачи Максимовича, казак Войска Донского. Он пришел совершенно голый, весь исцарапанный шипами колючей проволоки, окровавленный,—пришел к старику, пастуху коз, квартировавшему на окраинѣ города, на ґорѣ Рудольфа.

Этот казак долгое время работал у чекистов на дачѣ и ему обѣщали полное помилованіе; но однажды у них была какая-то тревога: какая-то эскадра показалась в Черном морѣ и „че-ка“ собиралась удирать.—Тогда, разсказывал казак,—была рѣшена моя

судьба. В темнотѣ ночи мнѣ приказали раздѣваться; раздѣваясь, я слышал их спор между собой: один стоял за то, чтобы меня освободить, а два другіе были против этого, ввиду того, что я их потом разоблачу, т. е. всюду разскажу.

Рѣшили убить меня только потому, чтобы скрыть все то, что происходило на дачѣ Максимовича. Когда меня два чекиста повели к ямѣ, было темно и шел маленькій дождь с вѣтром; когда один выстрѣлил из винтовки в меня и промахнулся,—я повалился в яму невредимым и, к моему счастью, чекисты ушли, рѣшив, что я убит наповал. Я немедля выбрался из ямы и с нечеловѣческими усиліями перебрался через изгородь колючей проволоки и поспѣшно бѣжал.

Старик—пастух коз, пріодѣл бѣглеца, спасшагося чудом от смерти. Он сутки отдыхал, а потом ушел в неизвѣстном направленіи.

Это—разсказ очевидца,—очевидца, который прожил на дачѣ Максимовича в качествѣ рабочаго около двух мѣсяцев, который собственными руками вырыл нѣсколько братских могил и который видѣл ужасы разстрѣлов себѣ подобных смертников.

Я живу «на дачѣ».

С момента ареста моей семьи, я все время рыскал около Балаклавы, ютился по дачам и кустарникам, а ночами ходил на развѣдку, добывая необходимыя свѣдѣнія о семьѣ. Живал я на дачах Андріенко и Шевченко, а потом, по рекомендаціи матроса Шевченко, я перебрался на дачу Зимборскаго. Она расположена на сѣвер от Балаклавы, в 2 х верстах, около шоссейной дороги Севастополь—Ялта, на возвышенности, благодаря чему с дачи прекрасный вид на окрестности и на Балаклаву. Вблизи дачи не было ни строеній, ни других дач, ни лѣсов. Мѣстность была совершенно открытой, за исключеніем нѣскольких кипарисов около самаго дома. Дом большой и красивый, о шести комнатах с кухней.

Весь дом пустовал: хозяева бѣжали. В кухнѣ жил мѣстный воришка Денисенко, да комнату № 2 занимал бѣглый с Украины учитель Волик, а комнату № 1 занял я. Остальныя комнаты были наглухо забиты—пустовали. В 300 шагах от дачи Зимборскаго стоял чекистскій пост, контролировавшій ѣдущих и идущих по шоссейной дорогѣ и наблюдающій за окрестностями.

На дачѣ Зимборскаго, в комнатѣ № 1, я проводил дни, а ночью бывал в Балаклавѣ у знакомых и даже имѣл дерзость заходить в театр полюбоваться публикой, развлекаю-

щейся театральным искусством любителей, которые так усердствуют перед чекистами.

Ежедневно ставили новыя и новыя пьесы, к величайшему стыду и позору. Это интеллигенты, забыв стыд, занимались развлеченіями и веселились в то время, когда чекисты устраивали кошмарныя, нечеловѣческія пытки, насиловали сестер, жен и матерей, убивали и мучили.

Театр бывал переполнен, большинство мѣст занимали интеллигенты и бывшіе бродяги и босяки; ни одного рабочаго или крестьянина я в театрѣ не видѣл.

На сценѣ любительская труппа,—это интеллигенты, лѣзущіе из кожи, угождая сидящим в ложах сов-мародерам-чекистам и убійцам.

Куда дѣвалась душа прежняго интеллигента, интеллигента—ратовавшаго за равенство и любовь к ближнему, ратовавшаго за отмѣну смертной казни и т. д.

В данный момент, когда совѣтскіе мародеры разстрѣливали направо и налѣво, всѣ забыли про любовь к ближнему и выбросили из собственной головы предразсудки о страданіях за ближних; и так их чувства притупились, что в то время, когда его жену или ея мужа, брата, сестру, чекисты выводили в лѣс и разстрѣливали,—они как ни в чем не бывало шли в театр и великолѣпно выполняли свои роли, и при том все это совершенно безплатно; правда, сотрудникам—артис

там выдавали паек в пол-фунта ржаного полу сырого хлѣба и пшенную похлебку.

Противно до омерзѣнія было смотрѣть на эту двуличную интеллигенцію!

Уходя из театра, я страшно жалѣл о том, что чекисты мало разстрѣливают эту интеллигенцію.

Время шло, близилось полмѣсяца с момента ареста моей семьи „че-кой“. Они ежедневно переносили страх наступающей ночи, т. к. каждую ночь чека извлекала арестованных из своих подвалов и застѣнков, уводила в лѣс и убивала.

Я пришел к тому выводу, что мои средства не дадут желательнаго результата и что всякое промедленіе гибельно отразится на семьѣ, а потому рѣшил устроить женѣ побѣг из „че-ка“, а дѣтей, в виду того, что они сидят отдѣльно от жены, рѣшил пока оставить в че-ка.

Побѣг пріурочивался к вечеру 17 апрѣля 1921 г. Сговорились с женой, все было готово. Я сидѣл в комнатѣ № 1 дачи Зимборскаго, любовался весенней крымской природой и с нетерпѣніем ждал вечера.

Налет чекистов и мое спасеніе.

Утром 17-го апрѣля 1921 года я сидѣл у окна комнаты № 1 на дачѣ Зимборскаго. Весеннее солнце ласкало и манило к себѣ,

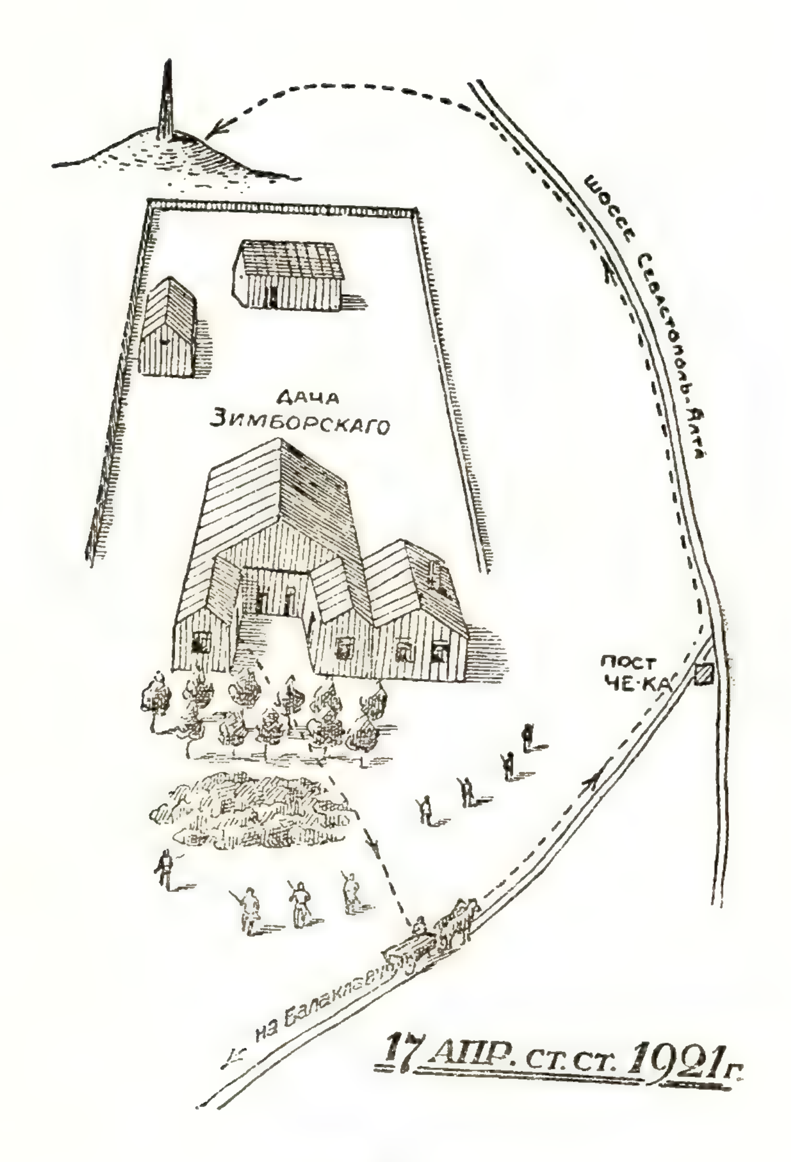
так и тянуло на двор, но приходилось сидѣть у окна в одиночествѣ, в ожиданіи чего? Тоже неизвѣстнаго: быть может вечером придется проститься с земной жизнью навсегда, да и до вечера далеко, а будущее было мрачно и неизвѣстно.

Часов в 9 правѣе дачи, по направленію Инкермана, прошла какая-то красная часть с обозом. Мой хозяин—Волик вышел обрѣзать виноградную лозу и для наблюденія за чекистским постом.

Я погрузился в глубокія думы. Мнѣ, под вліяніем весенняго солнца, мерещилось будущее,—как выручу жену и дѣтей из зубов чекистов, как будем бѣжать и куда... Мысли зашли далеко, далеко,—на родную Кубань. Вспомнились тѣ родные уголки, та природа и колыбель Кубанских вольных степей,—тѣх степей, гдѣ я родился, проводил дѣтство, рос и возмужал; ту родину, которая давала чудо-богатырей и вѣрных сынов Россіи...

Долго-ли я пробыл в таком мечтательном забвеніи—не знаю, но мои мечты были прерваны внезапным появленіем подозрительной подводы.

Я встрепенулся, встал, протер глаза, чтобы убѣдиться и убѣждаюсь, что подвода в запряжкѣ парой лошадей мчится во всю прыть из Балаклавы по проселочной дорогѣ прямо на пост чекистов, мимо дачи Зимборскаго. На подводѣ сидѣли люди, числом че-

Шоссе Севастополь-Ялта
Дача
Зимборскаго
Пост
Че-Ка
на Балаклаву
17 АПР. ст. ст. 1921 г.

№ 2

ловѣк 8—10, держа винтовки вверх штыками.

Я сразу понял, что это охота за мной и тут-же стал готовиться: одѣл рваную солдатскую шинель, шапку, осмотрѣл наган, которым в прошлом не одного чекиста отправил к праотцам. Внѣшность у меня была ужасная: старая рваная солдатская шинель, шапка, истоптанные сапоги, а для большаго гармонированія я отрастил себѣ бороду, которую никогда не чесал. Стоило мнѣ сгорбиться и получался тип незаможнаго крымскаго крестьянина. Это давало мнѣ возможность быть малозамѣченным.

Подвода приближалась и наступал критическій момент: быть или не быть. Только благодаря тому, что я мало когда испытывал большой страх и растерянность при грозившей опастности, я всегда бывал в выигрышѣ; так и в этот раз я не растерялся и совершенно спокойно готовился ко всѣм случайностям. В то же время я был готов разстаться с земной жизнью и уйти в неизвѣстность, твердо помня одно,—что живого меня „че-ка" не возьмет и что за меня чекистам придется поплатиться собственной жизнью, но пока что необходима была выдержка и осмотрительность: быть может выдержка спасет положеніе. В таких случаях требуется быстрое соображеніе, а дальнѣйшій ход событій будет зависѣть от положенія момента.

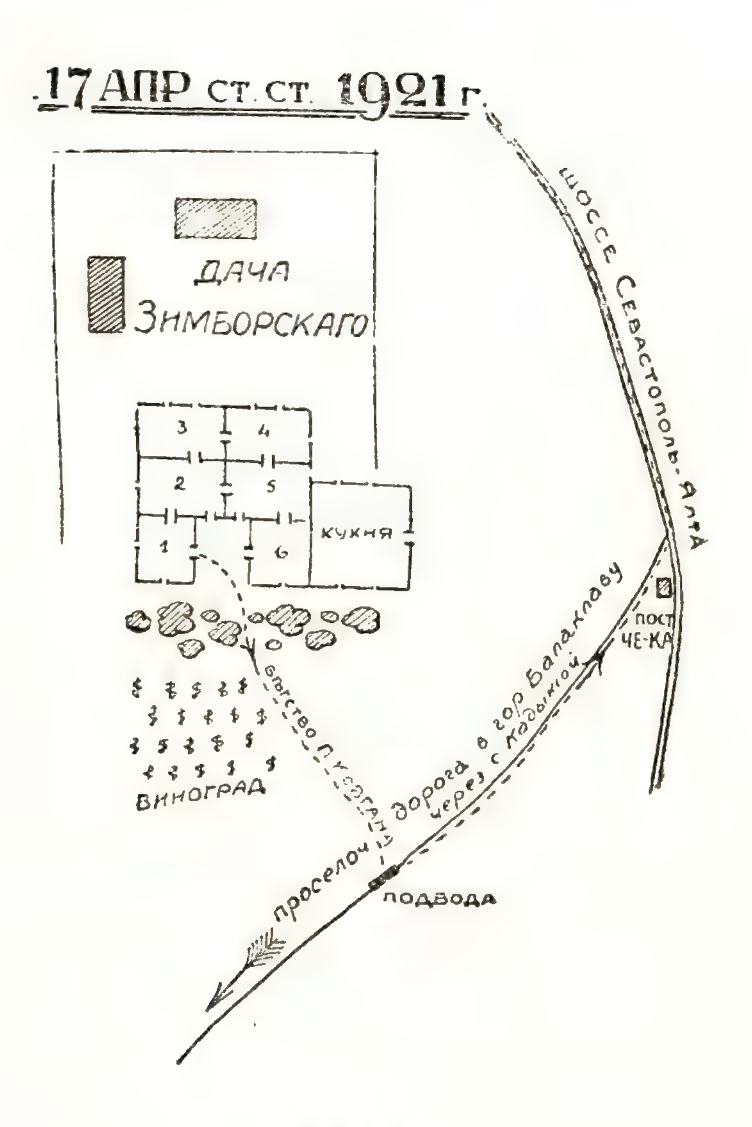
Подвода быстро приближалась и как только вышла напротив дачи—остановилась, вооруженные быстро разсыпались в цѣпь, на бѣгу взяв винтовки на перевѣс, раздѣлились на два звена и полукругом быстро охватывали дачу Зимборскаго. Это было продѣлано так быстро и ловко, что Волик, обрѣзая виноград, был настигнут врасплох.

Волик не видѣл, откуда появились вооруженные и, как из земли вырос стоявшій перед Воликом чекист, направив дуло „Кольта" на Волика, скомандовал: „руки вверх!"

Волик от неожиданности совершенно растерялся, его трясло как в лихорадкѣ, на лбу выступил холодный пот; он что-то по дѣтски лепетал и с поднятыми вверх руками, подталкиваемый в спину лѣвой рукой чекиста, машинально шел к дверям подъѣзда дачи. Стоя у окна, я все видѣл и было невыносимо жалко Волика, но помочь ему не мог, ибо был безсилен.

О том, что я готовился к „визиту", Волик ничего не знал. Волик так-же почти не знал или мало знал меня и был увѣрен, что чекисты меня застигнут в таком же положеніи, как и его самого.

В домѣ всѣ двери были забиты и не отворялись; единственный ход был в комнату № 2. Я, без вѣдома Волика, отперев дверь из комнаты № 1, ведущую на подъѣзд, при приближеніи чекистов, крѣпко держа ее плечом, в замочную скважину наблюдал. Я

17 АПР ст. ст. 1921 г.
ДАЧА
ЗИМБОРСКАГО
3
4
2
5
1
6
КУХНЯ
ВИНОГРАД
ШОССЕ СЕВАСТОПОЛЬ-ЯЛТА
ПОСТ
ЧЕ-КА
проселоч дорога в гор Балаклаву
через с Кадыкиой
ПОДВОДА

№ 1

видѣл идущаго сзади Волика и с револьвером в рукѣ одѣтаго в клѣтчатое демисезонное пальто чекиста. Я видѣл, как бѣдный Волик заплетающимися ногами неувѣренно ступал по подъѣзду и его состояніе было состояніем полумертваго трупа.

Подойдя к первой двери налѣво, к двери занимаемой мною комнаты № 1, чекист пробовал ее открыть но я держаи ее крѣпко и чекист, видя, что Волик отворил вторую дверь, ведшую в комнату № 2, бросил мою дверь и поспѣшно пошел за Воликом.

Настал момент дѣйствовать. Медлить было нельзя, когда цѣпь вооруженных винтовками окружала дом. Я в окно видѣл, что прошедшій послѣдним направо чекист остановился на углу дома, между окнами № 1 и № 2 (смотри рисунок № 1) и стоит спиной к парадному подъѣзду.

В момент, когда чекист закрывал за собой дверь комнаты № 2, я отворил свою дверь, вышел в подъѣзд, запер его на замок, положил ключ в карман, в лѣвую руку взял длинную палку, в правую руку взял „Наган", опустив ее в боковой рваный карман шинели, предварительно осмотрѣл фасад дома и, убѣдившись, что никого нѣт вблизи, а стоявшій с винтовкой, спиной ко мнѣ, чекист смотрѣл в куда—то вдаль, я немного сгорбился и, как бы похрамывая, быстрыми шагами пошел прямо на стоявшую подводу; шел не поворачивая головы, не оглядываясь,

из боязни быть замѣченным,—всѣ чувства были напряжены и направлены в сторону дачи Зимборскаго, ибо так и чувствовался оклик чекиста: „стой!“ и щелканіе затвора!

Это были ужасныя, жуткія минуты,—каждую секунду может грянуть выстрѣл в спину или нѣсколько выстрѣлов, а жить хочется!

Влѣво был пост чекистов,—всѣ с винтовками в руках стояли в полной готовности ежеминутно наброситься на любого убѣгающаго и пустить в ход оружіе.

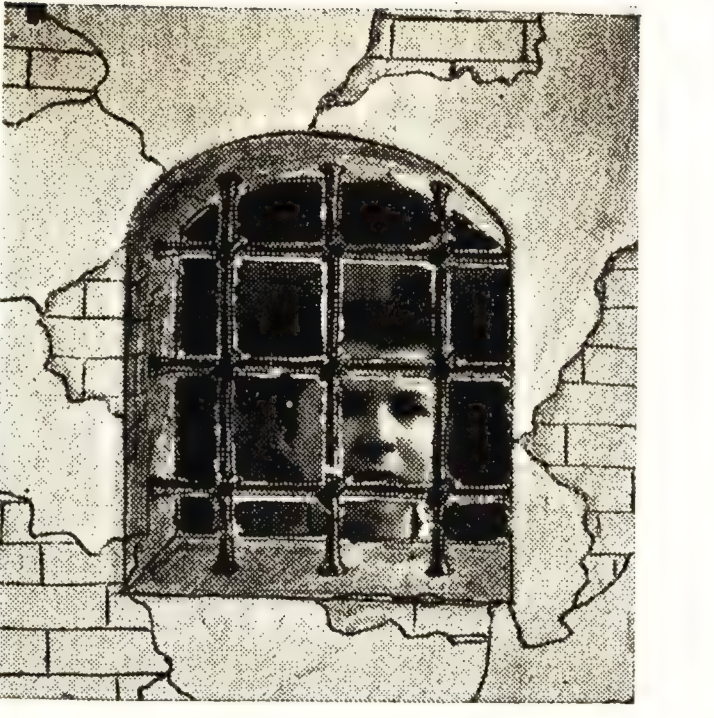
Возница, к которому я шел, тоже смотрѣл вдаль, в напряженном ожиданіи неизвѣстно чего, но повидимому предполагал, что там, за зданіем дачи Зимборскаго, быть может произойдет сраженіе чекистов с бѣлыми.

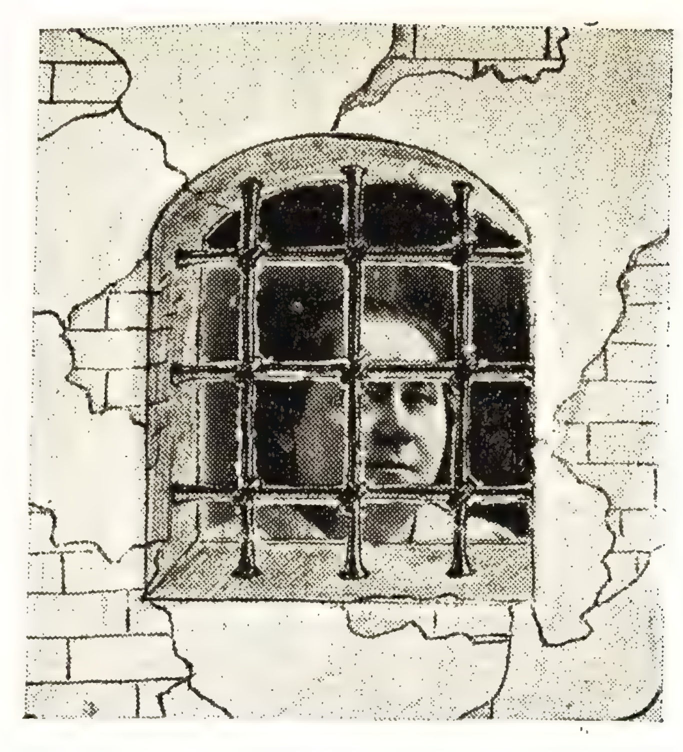
Таким образом я совершенно незамѣченным подошел почти вплотную к подводѣ, круто повернул налѣво и прямо пошел на чекистскій пост по проселочной дорогѣ.

Повидимому никто не обратил на меня вниманія. Подойдя к стоявшему в строю чекистскому посту, я круто повернул налѣво и у носа чекистов пошел по шоссейной дорогѣ на Севастополь.

Когда я зашел за небольшую горку, вздохнул, перекрестился и сказал —„свершилось чудо! кто то из дѣтей счастлив.“

Все сошло благополучно, я снова был внѣ опасности, поднялся на вершину горки на четвереньках, прилег около каменной пи-

Марія (6 лѣт) и Марина Васильевна Ковган в чекистском застѣнкѣ.

рамиды и стал наблюдать за дачей Зимборскаго.

Вооруженные стояли около окон дома, держа винтовки на изготовку; повидимому в домѣ шел обыск. Потом вооруженные ходили по сараям и в коровник. Меня бѣсило и мучило то, что я не мог видѣть, что происходило в самой дачѣ и потому я рѣшил перейти на противоположную сторону дачи, на дачу Шевченко. С дачи Шевченко великолѣпно можно было наблюдать за всѣми движеніями на дачѣ Зимборскаго.

К вечеру я должен быя быть в условленном мѣстѣ, на восточной сторонѣ Балаклавы, для помощи в побѣгѣ жены, т. к. 17-апрѣля в 9 часов моя жена должна была бѣжать из „че-ка“.

Жена моя освобождена.

При таких мыслях я встал и рѣшительно зашагал по нивам. Путь лежал через проселочную дорогу, идущую от Балаклавы мимо дачи Зимборскаго к чекистскому посту, стоявшему на Ялтинском шоссе. Только что я дошел к проселочной дорогѣ, как подвода с сидѣвшими на ней чекистами помчалась во всю прыть в Балаклаву. Казалось, что чекисты, не найдя меня на дачѣ Зимборскаго, замѣтили шагающаго по полям, рѣшили изло-

вить живого, усѣлись на подводу и дуют во всѣ лопатки, в погонѣ за мной.

Может быть Волик не выдержал пыток и сознался. В моей головѣ промелькнула тысяча предположенiй. Убѣгать было некуда, скрыться тоже некуда, но еще была послѣдняя надежда, что это чекисты окончили обыск и возврашаются в Балаклаву. Оно так и было. Когда мчавшаяся подвода вышла против меня, я успѣл отойти от проселочной дороги шагов на 50-60. С цѣлью разсмотрѣть ѣдущих, я остановился, якобы готовясь закурить, повернулся направо, в профиль ѣдущим, в руках мял негодную бумажку и в то же время незамѣтно, изподлобья, разсматривал сидящих на подводѣ.

На подводѣ, со связанными руками, сидѣл Волик, а вокруг него вооруженные, держа винтовки штыками вверх. Подвода постепенно удалялась, увозя с собой несчастнаго узника.

Я Волику слегка поклонился и сказал:— „прости“. Волик мнѣ не отвѣчал. Я стоял и смотрѣл, пока мчавшаяся подвода не скрылась из глаз. Подвода скрылась и я пошел в том же направленiи, к дачѣ Шевченко, в надеждѣ найти прiют и отдых.

На дачѣ Шевченко меня не приняли,— всѣ от меня сторонились и со злостью просили меня поскорѣй уходить, боясь за свою судьбу.

Их поразило то, что я продѣлал на дачѣ Зимборскаго, т. к. то, что происходило на дачѣ, они видѣли.

17 апрѣля матрос Шевченко получил свѣдѣнія от Зои Александровны о том, что мою жену и дѣтей „че-ка" освободила и только Шевченко намѣревался идти ко мнѣ на дачу с радостной вѣстью, как вдруг неожиданно появилась подвода с вооруженными людьми, несшаяся во всю прыть прямо к дачѣ Зимборскаго.

Шевченко сразу сообразил, что это чекисты охотятся за мной. Он взял бинокль, усѣлся под деревом и стал внимательно наблюдать за происходящим. Шевченко видѣл, как подвода остановилась, вооруженные быстро разсыпались в цѣпь и бѣгом охватили дом. Слѣдовательно, обитатель дачи безвозвратно попал в руки „че-ка". Так мысленно разсуждал Шевченко.

Он видѣл, как чексит с револьвером в руках сопровождал с поднятыми вверх руками Волика; видѣл, как чекист входил в дверь комнаты № 2 и считал, что сейчас произойдет встрѣча чекиста с П. С. Ковган.

В этот момент Шевченко затаил дыханіе и напрягал всю энергію слуха и зрѣнія, в надеждѣ, что-то увидѣть или услышать.

В этот момент, по его мнѣнію, должно произойти там, в домѣ, куда вошел чекист, что-то ужасное—катастрофическое. Шевченко знал, что я в руки че-ка живым не дамся.

Шевченко вдруг от неожиданности бросил на землю бинокль, протер глаза, схватил снова бинокль и стал звать свою жену. На крик прибѣжала его жена и они вдвоем стали наблюдать за дачей Зимборскаго. Они видѣли, как я вышел из дверей команты № 1 в подъѣзд, запер дверь, осмотрѣлся по сторонам и быстрыми шагами, спокойно, пошел прямо к стоявшей подводѣ; видѣли, как я, дойдя до подводы, повернул налѣво и шел прямо на пост чекистов, пошел по шоссе на Севастополь и дойдя до горки, взобрался, прилег и стал наблюдать за дачей Зимборскаго.

Словом, они видѣли все и им казалось все это навожденіем.

Когда же я подошел к дачѣ Шевченко, они меня не приняли. От меня сторонились и заявили, чтобы я, ради Бога, уходил подальше. Тут же Шевченко сообщил, что моя семья сегодня по утру из „че-ка" освобождена.

Разстрѣл семьи Томилиных.

Итак, в день освобожденія моей семьи из „че-ка", 17-го апрѣля 1927 г., свершилось чудо—мое спасеніе. Могло случиться и худшее, если бы „че-ка" меня зацапала на дачѣ Зимборскаго. Тогда, несомнѣнно, мою только что освобожденную семью забрали бы снова

и разстрѣляли, как „че-ка“ поступила с семейством Томилиных.

Семья Томилиных жила на хуторѣ в лѣсу, верстах в 6-7 от Балаклавы. Когда моя жена сидѣла в „че-ка“, семью Томилиных и всю дворню пригнали в „че-ка“. Состав семьи: мать—старуха, дочь—барышня, зять—офицер с женой, племянник, садовник с женой, дворник с женой и четверо рабочих, а всего 13 человѣк.

Их арестовали так: вечером на хутор Томилиных пришел неизвѣстный человѣк; по обыкновенію, как всегда, его пріютили, накормили, сдѣлали постель и уложили спать; на утро неизвѣстный подошел к старухѣ Томилиной и по секрету сообщил, что он—офицер Врангелевской арміи, пробирается в лѣс к зеленым и просил снабдить его винтовкой или револьвером.

Довѣрчивая добрая старуха вспомнила своих дорогих двух сыновей, которых красные тут-же на хуторѣ разстрѣляли и отдала неизвѣстному винтовку без патронов, которая лежала в сараѣ. Кто эту винтовку оставил в сараѣ Томилиных—они сами не знали: кто-то с цѣлью или просто бросил под сарай и она там лежала.

Кромѣ винтовки, старушка снабдила неизвѣстнаго провизіей, благословила его крестным знаменіем и он ушел.

Спустя 2-3 часа дача Томилиных была оцѣплена отрядом „че-ка“ с пулеметом на

тачанкѣ. Вся семья, служащіе и рабочіе были перевязаны, как овцы. Пошел обыск. Искали оружіе, а потом золото и другія цѣнности, пили вино, устроили оргію, изнасиловали дочку-16 лѣт. Эта оргія продолжалась до поздняго вечера, а ночью несчастных пригнали в Балаклаву и бросили в застѣнки „че-ка“.

Здѣсь их морили голодом, мучили, по ночам брали на допрос, устраивали пытки, по одиночкѣ брали на разстрѣл и так эту несчастную семью, в количествѣ 13 душ, разстрѣляли и послѣдней разстрѣливали старуху —мать.

Вообразите, что переживали остальные, сидѣвшіе в че-ка! Когда приходили и забирали одного или нѣскольких на разстрѣл, оставшіеся должны были ждать слѣдующаго вызова на разстрѣл. Переживанія были ужасныя и не поддающіяся описанію. Ждать, когда „че-ка“ сдѣлает милость прекратить эти жуткія мученія, возьмет вас и разстрѣляет,—это считалось за великую милость, т. к. „че-ка“, чтобы больше вам насолить, оставляет вас в застѣнкѣ ждать своего конца.

Меня поражало еще и то, что эти люди не имѣли желанія бѣжать из застѣнков „чека“, оставались сидѣть и спокойно ждали смерти.

Моя жена предлагала Томилиным совмѣстно бѣжать. Была возможность это продѣ-

лать, но они отказались, мотивируя тѣм, что бѣжать некуда и как они будут жить?

Когда Томилиных всѣх разстрѣляли, моя жена собралась бѣжать, но была освобождена..

Освобожденіе моей семьи.

16-го апрѣля М. В. Ковган передала мнѣ через Зою Александровну о том, что 17-го апрѣля в 9 часов вечера она из „че-ка" убѣжит.

Утром М. В. сидѣла у окна и с нетерпѣніем ждала вечера, ибо вечер ей обѣщал свободу. Бѣжать было необходимо, т. к. Томилиных всѣх разстрѣляли и очередь шла за ней. Мысли М. В. были прерваны внезапно вошедшим чекистом, который приказал ей слѣдовать за ним. По дорогѣ чекист сообщил радостную вѣсть, что ее сейчас освободят.

В „че-ка" еще раз, грозя револьвером, допросили, спрашивали о знакомствѣ с бароном Штейнгель, но М. В. отказалась.. Просили указать, кого она подозрѣвает в доносах, но она и тут отказалась. Таким образом „че-ка" всѣ доносы сочла ложными и рѣшила М. В. совободить. Ей показали больше десяти доносов, в том числѣ был и донос барона Ш-ля. Освобождая, чекисты еще раз пригрозили, что если что обнаружится,

то прямо на мушку. Отпуская, отобрали подписку о невыѣздѣ из Балаклавы. Освободили также и дѣтей.

Первым дѣлом М. В. передала о своем освобожденіи З. А. для передачи на дачу Зимборскаго мнѣ, и только З. А. сообщила об этом Шевченко и ушла, как появилась подвода с воруженными чекистами и послѣдніе оцѣпили дачу Зимборскаго.

Барон Штейнгель.

Как только М. В. „че-ка" освободила, немедленно на квартиру явился барон Штейнгель с чувством соболѣзнованія, ругая и проклиная красных.

Он тут же спросил, гдѣ я и Г. А. Зацѣпин.

Жена отвѣтила, что ни о мужѣ, ни о Г. А. З. ничего не знает. Барон пытался еще раз узнать подробности обо мнѣ и о Г. А. Зацѣпинѣ и донести в „че-ка", но его постигла неудача. Он вскорѣ выѣхал в Кіев и это облегчило участь моей семьи.

В то время выѣзд за предѣлы Крыма был сопряжен с большими трудностями, особенно кто хотѣл ѣхать офиціально. Без пропусков мѣстной и Севастопольской „че-ка", выѣхать никак было нельзя, а пропуска давались исключительно сотрудникам „че-ка", частным же лицам почти не выдавались, а

если и выдавались, то только тѣм, за кого поручатся нѣсколько отвѣтственных коммунистов. Многим и многим, ходившим за пропусками, пришлось побывать на дачѣ Максимовича: они почивают в братской могилѣ.

Стоило только зайти в „че-ка“ и заполнить анкету на предмет полученія пропуска, как вам объявят: „вы, товарищ, задержаны до выясненія“, а вечером вызывают гулять на дачу Максимовича... Этих случаев было без счета.

Барон Штейнгель оффиціально прибыл на Севастопольскій вокзал, предъявил свои документы в ж.-д. „че-ка“, получил визу, сѣл в купэ класснаго вагона и бывшій буржуй—милліонер с комфортом укатил в Кіев, столицу Украйны. Уѣзжая, Ш-ль обѣшал в скором времени возвратиться в Балаклаву, якобы он ѣхал на время, по очень важным дѣлам...

Часть 3.

Бѣгство в Симферополь.

В Симферополѣ.

Спустя нѣсколько дней послѣ освобожденія из под ареста, М. В. Ковган, забрав дѣтей, на подводѣ бѣжала из Балаклавы в Симферополь. Я еще раньше перебрался в Симферополь и временно жил без прописки у профессора математики В. И. Смирнова по Архивной ул. № 29.

Когда прибыла семья, мы поселились на Инвалидной ул. № 25, а потом перешли на Марковскую ул № 10. В Симферополѣ мы прожили все лѣто и всѣ усилія прилагали на борьбу с надвигающимся голодом. Всѣм живущим в Крыму угрожала голодная смерть, безработица усиливалась, а кто работал, то кромѣ пайка в 1/2 фунта полусырого хлѣба ничего не получал; всѣ работали безплатно, а если и платили, то на мѣсячный оклад можно было купить 1/2 ф. хлѣба.

Для примѣра разскажу, что получал профессор математики, читавшій лекціи в Симферопольском университетѣ, иногда с его билетом ходил обѣдать я.

В канцеляріи университета выдавали 1/2 ф. сквернаго хлѣба, а в столовкѣ ученым давали обѣд из двух блюд; прислуги не было, каждый с билетом в рукѣ, у стойки, получал жестяную ржавую тарелку с фасольной похлебкой и кусочек хлѣба, отыскивал свободный столик, усаживался и наскоро хлебал; остальные, кому недоставало тарелок,

стояли в очереди и ждали; когда обѣдающій уходил, то тарелку окунали в стоявшую кадку с водой и мигом наливали похлебку.

Боже мой! Что это за обѣды были! Никто и никогда в жизни такой гадости не ѣл, никто и никогда такой отвратительной дрянью не питался и я увѣрен, что никогда никто и впредь не будет питаться.

Первое блюдо: синяя, дымковатая вода, совершенно без заправы, без жиров, с отвратительным запахом, даже без картофеля— одна вода с пятью—шестью горошинами— это „суп гороховый"; второе блюдо, как свиньям,—отварная пшеница, тоже без жиров.

В доброе дореволюціонное время бездомныя голодныя собаки ни за что бы не жрали этот „профессорскій" обѣд. Но профессора, читающіе лекціи в Университетѣ, обѣдали и были довольны и работали безплатно.

О салфетках не было и помину: ложку, руки, рот вытирали полой собственнаго костюма—это было не особенно вредно и даже практично. Сморкались всѣ в кулак, в полу, или рукав собственнаго платья. Повѣрьте, что многіе и многіе завидовали этим „счастливцам", получающим безплатные обѣды, ибо остальные формально голодали. Подвоза продуктов не было, запасы истощились, всюду стояли заставы и в Крым продуктов не пропускали, всѣ продукты вывозились в Мо-

скву и Петроград,—для утоленія там голода и подкармливанія совработчаго быдла и на содержаніе пресловутых „ученых домов“ мерзавцев Горьких, совѣтских гаремов, Ленина, Троцкаго, Брусилова и другой подобной сволочи.

Жидовская „кооперація“.

В то время, когда в Крыму царил голод, когда люди, особенно бѣднота—пролетаріи, умирали голодной смертью,—сов-сановники—жидомасоны жрали в три глотки, пили, гуляли, устраивали кутежи, оргіи.

В то же время в жидовском царствѣ, на голодѣ и народном несчастьи, эта проклятая жидохамская власть всю свою жидовскую хитрость пускала в ход, лишь бы на народном несчастьи обогатиться.

Напримѣр, Симферопольскій жид, по фамиліи Монблат и его жена Сурка, с разрѣшенія и при активном участіи всесильнаго Крымскаго „че-ка“, создали в Симферополѣ кооператив под названіем: „Кооперація—хлѣб“. Всякій, внесшій в „Коопераціюхлѣб“ два пуда муки, ежедневно получает от пекарни „Кооперація—хлѣб“ четыре фунта выпеченнаго хлѣба в теченіи двух мѣсяцев, а по истеченіи двух мѣсяцев получает обратно свои два пуда муки или же остается членом „Коопераціи—хлѣб“ и получает, до смерти,

ежедневно четыре фунта выпеченнаго хлѣба. Внесшій 4 пуда муки, получает 8 ф. хлѣба и т. д.

Коммунистическая газета восхваляла Монблата, весь Симферополь засыпался летучками с призывом вносить муку товар. Монблату и таким образом застраховать себя и семью от голодной смерти. На собраніях у рабочих чекисты доказывали, что соціализм дойдет до того, что никто не будет работать, но всѣ будут сытно кушать, чисто одѣваться и роскошно жить. Для примѣра указывали на начало этой идеи в системѣ Монблата. „Кооперація—хлѣб", по их словам, была построена на строго научных соціалистических началах с практическими выводами, а именно: мука дает припек около 20 фунтов с пуда, слѣдовательно весь мір может жить на припекѣ, беря от каждаго пуда четыре фунта, а пуд 16 фунтов ежедневно остаются в запасѣ.

Уговаривали рабочих продавать остатки своих сбереженій, покупать муку, вносить в „Кооперацію—хлѣб" и о голодѣ забыть навсегда. Голодный люд послѣднія свои сбереженія тащил на толчек, покупал муку и тащил в контору Монблата, около которой стояла длинная очередь: в сутки принималось до 5.000 пудов. На мѣстном рынкѣ бѣшено росли цѣны на золото и др. цѣнности: это Монблат через посредство агентов—жидов

превращал вносимую муку в твердую удобохранимую валюту.

Продолжалось это около четырех мѣсяцев и кончилось тѣм, что „Крым че-ка„ объявила, что Монблат и Сурка неизвѣстно куда на собственном автомобилѣ бѣжали; остатки муки Монблатовской кооперацiи забрала „Крым че-ка“, а Симферопольцы остались при Монблатовских квитанцiях и многiе умерли голодной смертью.

Интересны и довольно наглядны достиженiя совстроительства: сифилитик и дурак Ленин в Москвѣ орал во всю глотку, что трудящiеся да ѣдят, а в Крыму, „Крым че-ка“, по способу Монблат, создавала новый лозунг — имущiе и не трудящiеся даровой хлѣб пусть ѣдят! Это так бѣсноватые идiоты „творили социализм„: грабили, убивали и всякаго рода обманами обирали довѣрчивое голодное населенiе. „Крым че-ка“, Монблаты и Сурки подработали и награбленное золото, при дѣлежѣ, вѣсили пудами.

Ужасы в селѣ Чаплынка.

Положенiе создалось такое, что мы стояли перед страшным призраком мора и голода. Необходимо было искать выхода, искать спасенiя от надвигающагося голода. Собрали мы уцѣлѣвшiя вещи и жена с сыном, на крестьянской подводѣ, уѣхали за Перекоп, к

крестьянам. На собственныя вещи вымѣняли у крестьян хлѣба, а на возвратном пути милиція Чаплынскаго участка, не доѣзжая Перекопа, нагнала подводу, остановила и приказала воротиться в село Чаплынку. М. В. Ковган арестовали, хлѣб забрали и подѣлили между милиціонерами, а М. В. Ковган под конвоем отправили в гор. Алешки, в уѣздную милицію. Сына 11 лѣт отпустили и он 350 верст пѣшком, без хлѣба, шел до города Симферополя.

Два мѣсяца М. В. Ковган содержалась под арестом, два мѣсяца кормила вшей и клопов; наконец ее освободили и она пѣшком, без хлѣба и денег, 500 верст прошла, добралась до Симферополя и разсказывала, что на самом Перекопѣ стоит застава и форменно грабит всѣх; многія женшины при отобраніи хлѣба от разрыва сердца умирают тут-же. Плач, крик и вопли не дѣйствуют на этих разбойников.

Пока жену таскали по этапам и чекистским застѣнкам, дочка наша Маруся, 8 лѣт, от страшнаго нервнаго состоянія заболѣла умопомѣшательством. Дочку я потерял: она больна по сегодняшній день; на нее подѣйствовали и отразились аресты и разстрѣлы в Балаклавской „че-ка“.

Когда жену ограбила Чаплынская милиція, мы очутились еще в худшем положеніи: вещей больше не было, хлѣб ограбили, ра-

боты нѣт, надежды никакой и впереди неминуемая голодная смерть.

Была глубокая осень, стояли холодные сырые дни и оставаться в Симферополѣ—значит умереть голодной смертью. Пытались мы торговать, но безуспѣшно и убыточно, а потому рѣшили ѣхать из Крыма за Перекоп в село Чаплынка, самое богатое хлѣбом во всем Днѣпровском уѣздѣ.

На крестьянской подводѣ, в страшно сильный холодный вѣтер, ѣхали мы за Перекоп. На четвертыя сутки мы были в с. Чаплынка. Громадное село Чаплынка расположено на совершенно ровном мѣстѣ,—ни рѣк, ни озер вблизи не было. Квартиру крестьяне дали безплатно, но хлѣба достать было очень трудно; крестьяне были обобраны до основанія, а у кого хлѣб был—прятали подальше.

Особо организованные продовольственные отряды из чекистов и головорѣзов, с винтовками и пулеметами, безпрерывно ходили по дворам со спеціальными щупами и искали в землѣ ямы с хлѣбом: в Чаплынкѣ изстари хлѣб хранится в особо устроенных, обожженных в землѣ, ямах. Этими щупами вертѣли землю и, если находили яму с хлѣбом, хозяина арестовывали, а имущество и хлѣб конфисковывали.

Деревня была терроризирована, закон совершенно отсутствовал, власть компартіи

выражалась в развратѣ, пьянствѣ и хулиганствѣ.

Пресѣдатель волисполкома повседневно был пьян, как сапожник и дошел до того, что брюки у него никогда не высыхали, т. к. он страдал недержаніем и от него вонью несло так, что не было возможности дышать.

В Чаплынкѣ процвѣтало вымогательство, взяточничество и грабеж. По деревнѣ ходили партіями и в одиночку красноармейцы, грабили и насиловали крестьян, заходили в любую избу с руганью „в Бога и вѣру" и требовали „шамать", ставили крестьян к стѣнкѣ, спать ложились в грязных сапогах на кровати и подушки. Это продолжалось весь 1921 г. В этот год вся бѣднота, или как их там называют—„комзлыдни", ходили со щупами по дворам „кулаков" селян и искали хлѣб. Они работали от соввласти на процентах: из найденнаго хлѣба и конфискованнаго имущества „комзлыдни" получали от 20 до 30 %. Так было до конца 1921 года, а с января мѣсяца 1922 года положеніе измѣнилось, измѣнилось не в пользу „комзлыдней" и красноармейцев, а в пользу „кулаков".

Дѣло в том, что самый голод принял стихійный характер, со множеством голодных смертей. С января 1921 года до января 1922 г. вся голытьба жила награбленным из экономій и хуторов и у „кулаков"—крестьян. Если что из хлѣбов и уцѣлѣло у „кулака", то было спрятано так, что никто отыскать не

мог. Кромѣ того, крестьянство было озлоблено до того, что умирающему не давали куска хлѣба. Крестьяне, когда садились обѣдать, запирали на запор дверь и никого не впускали в дом до тѣх пор, пока не кончали обѣд.

Просителей милостыни-хлѣба была масса: ходили крестьяне из „комзлыдней,“ рабочіе и красноармейцы, т. к. красноармейцы от сов-государства ни продовольствія ни обмундированія не получали. Крестьяне на просьбы отвѣчали:—„нѣту, иди до соввласти, пускай тебя кормят!“

В 1921 году красноармейцы врывались в дом крестьянина—„кулака“, обкладывали трехэтажным матом, „в Бога, вѣру и церковь“ и если хозяин возражал, ставили его к „стѣнкѣ!“ Совершенно другая картина обозначилась в 1922 г.

Полудохлые красноармейцы и „комзлыдни“ еле ползали по грязным улицам Чаплынки, заползали в избу крестьянина—„кулака“, опираясь на заржавленную винтовку, снимали шапку (без жидовской звѣзды), становились на колѣни перед образами, крестились, шептали вслух молитвы и просили: „ради Христа—кусочек хлѣба!“

Крестьянин спрашивал:—„а что, Бог есть?“

—„Дяденька! нас с толку сшибли, простите, родименькій!“

—„А! чертова жидовская слуга, давно ли меня ставили к стѣнкѣ? Давно ли гнули в

Бога, вѣру и мать? Давно ли говорили, что ваш, красноармейцев, Бог—это Ленин и Лейба Троцкій? Вон, подлецы, вон из хаты! Пропадайте, проклятое отродье жидовское!“

И эта мерзость в мундирѣ солдата, полудохлый, подымался с колѣн, ни слова не говоря, опираясь на винтовку, которая служила ему палкой, шел дальше.

Поучительный урок: этот дурак красноармеец ходил под Перекоп против арміи Врангеля, этот дурак рисковал собственной головой, ходил завоевывать власть и славу сифилитику Ленину и Лейбѣ, это быдло ходило убивать и убивало своего родного брата русскаго только потому, что тот боролся против міровых поработителей жидо—масонов и интернаціоналистов, боролся за лучшее будущее этого же дурака красноармейца и „комзлыдня“.

Но когда этот дурак сдѣлал предательское дѣло, его бросили на произвол судьбы, его бросили на милость крестьян—„кулаков“, которых эта мерзость, по наущенію Ленина и Лейбы, грабила и убивала.

Сами же бродяги, захватив власть, кутили, дѣлили награбленное и потихоньку переправляли заграницу, желая себя обезпечить на будущее время.

Заживо погребенные.

В Чаплынкѣ смертность от голода доходила в сутки до 27-30 человѣк. Умирали в большинствѣ „комзлыдни“ и пролетаріат. Товарищи ужасно обращались с умирающими от голода и это обращеніе превзошло всякое кошмарное воображеніе.

В виду большой смертности от голода, был назначен комиссар по погребеніям, по фамиліи Фурса, из мѣстных крестьян, забулдыга—пьяница.

Не так давно его выслали из Германіи, как большевика, он имѣет уполномочія от Ленина и Лейбы Троцкаго, жену прогнал, пытался жить с родной 17—лѣтней дочкой, но помѣшали родственники; до войны и революціи нѣсколько раз сидѣл в тюрьмѣ за воровство, пьянство и дебош. Этот „борец за будущее,“ такой же идеалист, как и сам Ильич, вступил в отправленіе своих обязанностей по погребенію умерших от голода.

Голодающіе, прежде чѣм умереть, начинали пухнуть и дѣлались полными и толстыми, но все же с помощью палки передвигались; потом ложились и от слабости не в состояніи были подниматься, но еще оставались живыми и в таком положеніи на улицѣ умирали. Помощи им никто никакой не давал, ни малѣйшаго состраданія к умирающим не проявляли, а пьяные сов—сановники—коммунисты, проходя мимо умираю-

щаго, останавливаись и с руганью безстыдно мочились на умирающаго!

Дежурная подвода, по назначенію от крестьян, ходила по селу, подбирала мертвых, как дрова, отвозила их на кладбище и сваливала в заготовленную яму. Этот порядок был до т. Фурсы, а тов. Фурса сдѣлал нововведеніе: он приказывал забирать всѣх тѣх, кто не в состояніи передвигаться, свозить их на кладбище, сваливать в яму и засыпать землей, т. к. тѣ, кто не в состояніи передвигаться, через день, самое многое через два дня, умрут, или как Фурса выражался, „околѣют.“

Крестьяне, возившіе мертвецов и полумертвецов на кладбище, разсказывали, как эти еще живые опухшіе люди, когда их бросали в могилу с мертвецами, плакали и просили, чтобы их еще не хоронили, но т. Фурса, помахивая стеком и пуская кольцами дым из сигаретки, приказывал без разговора бросать в яму и засыпать землей. Бывали случаи, что могилы оставались не засыпанными до слѣдующаго утра и брошенные в яму, еще не умершіе, ночью убѣгали.

«Пролетарскій праздник».

Однажды был такой случай: с вечера под 1-ое мая 1922 г. привезли и свалили в могилу мертвых и полумертвых человѣк двѣнадцать, а полагалось 20-25, вот почему

могила осталась не засыпана до слѣдующаго утра. Когда на утро 1-го мая пришли пополнить яму и засыпать землей, то оказалось, что один полумертвец ночью, с помощью пальцев и ногтей, в стѣнѣ могилы продѣлал лѣстницу и выбрался из могилы, но от непосильных трудов, без воды и пищи, полуумирающій, окончательно обезсилѣл, на четвереньках отполз в сторону и, из боязни быть похороненным, спрятался в кустах.

Тов. Фурса по утру, пройдя на кладбище, увидав такое злодѣяніе, может быть под вліяніем похмѣлья, т. к. он пошатывался и от него несло самогоном как из бочки,—выругался матерщиной и властно приказал: „розыскать, бросить в могилу и засыпать землей!“ А так как это было І-ое мая, в день пролетарскаго праздника, и тов. Фурсѣ предстояло выступать с привѣтствіем пролетаріату, батракам и незаможным,—он спѣшил покончить погребеніе и праздновтть, а потому бросился по кустам искать бѣглеца.

Не особенно далеко от могилы т. Фурса остановился и во всю глотку заорал: „А! твою... мать.....! куда забрался! тащите его за ноги в могилу и засыпайте!“ Бѣдный полумертвый бѣглец—бывшій батрак, припав грудью к землѣ в зеленѣющем кустарникѣ, лежал не шевелясь, но приказаніе было исполнено и его за ноги, как собаку, потащили и бросили в могилу, не обращая никакого

вниманія на его просьбы и слезы, засыпали могилу землей и пошли на „пролетарскій праздник“ перваго мая.

К прибытію с кладбища т. Фурса, около волисполкома толпилось согнанное совѣтским кнутом русское быдло для празднованія „пролетарскаго праздника“.

По приказанію т. Фурсы подхалимы—собутыльники согнанную толпу построили по четыре в ряд колоннами, впереди стоявшим дали в руки размалеванные плакаты с разнообразным надписями и лозунгами, в родѣ: —„Смерть буржуям!“, „Товарищи, вперед, на освобожденіе голодающаго западнаго пролетаріата!“

—„Голод и мор пролетаріата в капиталистических странах!“ Тут же красовался рисунок, изображающій, как буржуй с лопатой в руках засыпает могилу землей, а в могилѣ голодающіе с поднятыми вверх руками, уже засыпанные до пояса...

Наконец на трибунѣ появляется т. Фурса; его привѣтствуют, по приказанію, криками „ура!“ Фурса привѣтствовал собравшихся с пролетарским праздником перваго мая от имени „міровых вождей“: Ильича, Лейбы Троцкаго и западнаго пролетаріата и призывал к объединенію вокруг коминтерна для полной побѣды над „кулаками“ и буржуями всего міра. Призывал на борьбу для помощи западному пролетаріату, который угнетается и

немилосердно эксплоатируется капиталистами и буржуями.

Он, Фурса, побывавшій почти во всей Европѣ, пока его не выслали в Совроссію, доказывал стоявшему около трибуны русскому быдлу, что там, за чертой Совроссіи, творится что-то ужасное, неслыханное; там нѣт ни малѣйшей свободы, там просто рабство; и западный пролетаріат, если Совроссія не поможет ему освободиться,—обречен на неминуемую гибель и голодную смерть.—Голод и смертность ужасная и то, что вы видите здѣсь,—это ничто, это бѣдствіе временное, ибо нас ограбили бѣлобандиты, а в Европѣ это бѣдствіе наблюдается из года в год, всегда.

—Зато, на несчастьи пролетаріата, западная буржуазія и капиталисты богатѣют и жирѣют, пьянствуют, развратничают и...и...и... бр! бр! бр!

Тут Фурсу стошнило от перепитаго вина, и он залил вином и селедкой трибуну. Оратор покачнулся и извергая красное виноградное вино, рухнул прямо вниз головой с трибуны на землю.

Стоявшіе тут коммунисты, его подчиненные, обалдѣли, а согнанное совбыдло опустило на землю свои знамена, как будто салютуя. Всѣ хохотали.

Пока коммунисты занялись спасеніем своего начальства, совбыдло потихоньку по-

бросало на землю знамена и разошлось по домам.

Так прошло торжество перваго мая в селѣ Чаплынкѣ.

Людоѣдство в СССР (1921-22 г.)

Я побывал в губернском городѣ Херсонѣ, расположенном в устьѣ рѣки Днѣпра. Здѣсь смертность от голода равнялась ежедневно 150—200 человѣк и обыкновенно дрогали не справлялись с работой по свозу трупов на кладбище.

По внѣшнему виду города не было признаков голода, ибо на базарѣ жиды цѣлыми рядами в лавках торговали хлѣбом и всѣ лавки были перегружены хлѣбом, особенно бѣлым.

И тут же рядом, около самой лавки, ежедневно сотни людей умирали голодной смертью.

Многіе и многіе не повѣрят и будут удивляться тому, что лавки завалены хлѣбом, а люди умирали с голода в соціалистическом отечествѣ.

Да, это было, это факт. Умирали голодной смертью люди всѣх націй и сословій, за исключеніем еврейской. Одни евреи избѣгли этой участи благодаря тому, что они во время использовали мудрый лозунг сифи-

литика Ленина: „грабь награбленное“, ограбили русскаго крестьянина и спокойно торговали крестьянским хлѣбом.

А чтобы русское быдло, изголодавшись, не вздумало силой брать свой хлѣб из жидовской лавки,—забаррикадировали свои лавки, огородили колючей проволокой в 5 арш. высоты, оставив для продажи хлѣба маленькія форточки и около каждой лавки с винтовкой в рукѣ стоял милиціонер.

Эта охрана не допускала эксцессов, т. к. голодающіе, завидя несущаго хлѣб, набрасывались, валили с ног жертву, отнимали хлѣб, рвали друг у друга куски и тут-же пожирали. В таких случаях милиціонер пускал в ход оружіе и „преступников“ убивал на мѣстѣ „преступленія“, т. к. это признавалось грабежом и насиліем и в соціалистическом государствѣ каралось разстрѣлом на мѣстѣ.

Около хлѣбных лавок поодаль стояли сотни голодных, опухших людей и вопили:—„ради Христа, крохотку хлѣба!“ Жирныя жидовки—красныя дворянки, покупали цѣльныя булки бѣлаго хлѣба, проносили у носа вопившей толпы и отворачивали свои скверныя рожи, говоря на своем жаргонѣ:—„гои как собаки дохнут“.

Когда лавочник-жид выбрасывал подметенный в лавкѣ сор, толпа набрасывалась, друг друга давя, на этот сор с землей и жадно его пожирала.

В Херсонѣ, как и в других городах СССР, практиковалось людоѣдство и были случаи, что мать и отец поочереди рѣзали своих дѣтей, жарили и ѣли.

Из судебных процессов зафиксировано много случаев, из них особенно яркій, когда мальчик лѣт 11 разсказал суду, что наканунѣ отец и мать рѣшили ночью зарѣзать одного из них и несчастныя дѣти, в ожиданіи быть зарѣзанными, забились в угол и тихо—тихо рыдали, испытывая нечеловѣческій страх. Ночью, когда весь город спал, отец схватил сестренку моложе мальчика на 2 года и потащил в сѣнцы, гдѣ мать стояла с ножем в руках. Бѣдная дѣвочка плакала, просила и умоляла мать и отца оставить ее в живых и не рѣзать, но просьбы и мольбы не имѣли успѣха и родной дочкѣ мать перерѣзала ножем глотку; затѣм ее поджаривали и ѣли. Наконец пришел черед рѣзать мальчика и он перед вечером роковой ночи бѣжал к сосѣдям и тѣм спас свою жизнь.

Было не мало случаев, что заманивали чужих дѣтей, рѣзали, жарили и ѣли. Таких судебных процессов было безконечно много, а сколько этих случаев осталось не обнародованными! Помню, аналогичный случай судебнаго процесса был в селѣ Бѣлая-Глина Ставропольской губерніи.

В гор. Херсонѣ, по заходѣ солнца, из жителей никто из дворов на улицу не выходил, т. к. идущаго брали на аркан, рот за-

тыкали войлоком, тащили жертву во двор, кололи как свинью, разрабатывали с искусством рѣзника, изготовляли кушанье и продавали на базарѣ.

Были случаи, что вечером ушедшій по дѣлу в город, больше не возвращался. Другіе зазывали пріѣзжих на ночлег и ночью, когда всѣ спали, пріѣзжих рѣзали, поджаривали и ѣли. Это было форменное людоѣдство в царствѣ Ленина. Но до людоѣдства съѣли всѣх животных, как—то: овец, коров, коней, свиней, собак; послѣдними съѣли кошек и принялись за людей.

Это произошло в двадцатом вѣкѣ, при высокой человѣческой культурѣ, в Европѣ, гдѣ люди исповѣдывали идеалы любви к ближнему, ратовали за отмѣну смертных казней. Это было в царствѣ соціалистическаго отечества, это было там, гдѣ сифилитик Ленин провозгласил коммунизм и отмѣнил собственность. Бич народа упразднен, слѣдовательно и голод народа должен был отойти в область преданія. Это было там, гдѣ тот-же сифилитик и хам Ленин провозгласил лозунг: „грабь награбленное“.

Теорія и «практика».

Если бы вы заглянули глубже, то увидали бы, что голода в Херсонѣ и других городах СССР не было, а была лишь недох-

ватка в продуктах питанія, т. к. хлѣба в продажѣ было много и у кого были деньги —тот ѣл до отвалу. Причиной голода была страшная безработица и безденежье, так как соввласть всѣ деньги анулировала и умирали тѣ, у кого не было денег. Хлѣба же было столько же, сколько и в данное время. Вот причина голодных смертей в СССР.

Вот людоѣдство в двадцатом вѣкѣ в Европѣ, людоѣдство среди культурнаго, просвѣщеннаго идеальнаго міра. Из этого вывод такой, что вся наша гуманность, благородство, культура, образованность и т. д. не что иное, как напыщенность и лживость,—красивая маска, а по природѣ мы—кровожадные хищные звѣри и стоит только культурному звѣрю очутиться в первобытном состояніи, как он принимает облик первобытнаго человѣка—звѣря, у него появляются инстинкты людоѣдства и он ничѣм не отличается от дикаря людоѣда, который так же смаковал кушанье из мяса человѣческаго.

До революціи жидовскіе подхалимы,— сифилитик Ленин, Лейба и К-о орали на всѣх переулках о том, чтобы отмѣнить у всѣх народов смертную казнь; особенно сильно ратовали за эти лозунги в Россіи жиды и их подхалимы, потому что им, как государственным преступникам, грозила смертная казнь.

Когда эти мерзавцы овладѣли Россіей и устроили жидо-масонское царство—СССР, то

не только не отмѣнили смертную казнь, а она стала их излюбленным средством, так как ни сифилитику Ленину, ни іудейству смертная казнь в СССР не угрожает, значит отмѣнѣ не подлежит.

Жидам, живущим в СССР, грозит другая смерть,—смерть от русскаго народа, а потому жидо-масоны и жиды каркают на всѣх переулках—„долой націю“, „да здравствует интернаціонал“!

Но это уже безуспѣшно: русскіе холопы—„гои“ научились уму разуму и больше одурачить русских не удастся...

Свѣтскій «суд и закон».

С переѣздом в Чаплынку, я подал жалобу в Нарсуд на мѣстную милицію о возвратѣ мнѣ ограбленнаго у моей жены хлѣба. Суд мою просьбу удовлетворил и выдал мнѣ исполнительный лист на взысканіе хлѣба, но в милиціи мнѣ выдать хлѣб по исполнительному листу отказались и выгнали в шею вон, добавив:—„милиція никаким судам не подчиняется“!

Судебный пристав Яковлев мнѣ посовѣтовал не настаивать на взысканіи хлѣба, иначе можно поплатиться собственной головой и привести в исполненіе мой „исполнительный“ лист за № 305 категорически отказался, ибо ему, Яковлеву, приказано по дѣлам

милиціи, исполкомов и др. совучрежденій от исполненія отказываться, под угрозой разстрѣла.

С исполнительным листом я обратился в суд, его выдавшій, и заявил, что исполнить постановленіе суда и выдать хлѣб отказываются. Но суд был безсилен что либо сдѣлать и посовѣтовал мнѣ обратиться в Николаевскій губернскій исполком.

В губернском исполкомѣ мнѣ отвѣтили почти так же, как и в милиціи и погнали меня ко всѣм чертям, а исполнительный лист суда скомкали, бросил на пол и приказали убираться по добру—по здорову.

В декабрѣ 1922 года я был в Харьковѣ и обратился с жалобой лично к т. Петровскому. Петровскій был всемогушим царьком Украйны, и занимал в Харьковѣ бывшее дворянское собраніе.

Чтобы к этому идолу попасть, необходибыло пройти цѣлую сѣть вооруженных охранок и „че-ка". Наконец я у дверей кабинета „Украинскаго старосты". Швейцар освѣдомился, к кому и по какому дѣлу и милостиво пропустил в кабинет, повидимому приняв меня по внѣшнему виду за крестьянина —незаможнаго.

Кабинет Петровскаго помѣщался в полукруглой комнатѣ когда-то очень красивой, раздѣланной масляными красками. Теперь всѣ стѣны были исписаны и исцарапаны, повидимому ружейными штыками. По рединѣ

комнаты стоял краснаго дерева письменный стол, тоже исцарапанный, и за этим столом сидѣл, в синей толстовкѣ, в нахлобученной на глаза фуражкѣ, с подрѣзанными сзади волосами и подстриженной бородой субъект, с тупой и глупой овечьей мордой. Это и был царь Украины т. Петровскій.

Налѣво от него стоял второй стол и около него сидѣло двое молодых людей в военной формѣ, с жидовскими отвратительными рожами,—это адъютанты.

Я, не снимая шапки, подошел и молча подал жалобу, изложенную на восьми больших листах, с приложеніем исполнительнаго листа № 305 и документами о вымогательствѣ и взятках.

Петровскій вертѣл и крутил мою жалобу, как мартышка очки, еле пробукал мою фамилію и то не совсѣм правильно: этот осел-самодержец многомилліонной Украины до того был безграмотен, что не мог прочитать поданную ему жалобу и просил изложить словесно, что я хочу.

Когда я вкратцѣ изложил все, Петровскій сразу заявил, что сдѣлает по телеграфу распоряженіе и, пока я доѣду обратно, хлѣб будет возвращен, а виновные будут арестованы и преданы рев-трибуналу; Петровскій такого содержанія накарябал свою резолюцію на моей жалобѣ.

В это время к Петровскому подошел один еврейчик, его адъютант от второго

стола, взял жалобу с наложенной резолюціей, стал ее быстро читать и, прочитав до конца, толкнул Петровскаго в плечо, бросил на стол жалобу, быстро принес алфавитную книжку, развернул и что-то долго водил пальцем по фамиліям, ткнул пальцем и отдав Петровскому, что-то шепнул ему на ухо и отошел ко второму столу.

Петровскій долго, как баран, смотрѣл в алфавит, замарал чернилами только что написанную резолюцію и добавил мнѣ на словах:—„пока мы наведем точныя справки и разслѣдуем, а потом сообщим вам, т. к. здѣсь фигурируют фамиліи заслуженных товарищей“.

С того времени прошло четыре года, а отвѣта мнѣ еще не послѣдовало; хлѣб, ограбленный милиціей, пропал безвозвратно, а сами грабители и по сей день начальствуют, только с той разницей, что получили повышеніе по должностям.

Вот вам совѣтскій суд и совѣтскіе законы,—законы, охраняющіе совграждан от произвола, грабежа и насилій.

Моя служба в Нарсудѣ.

Время страшнаго голода и мора я с семейством жил в с. Чаплынкѣ, и от голодной смерти мы спаслись просто чудом: питались чорт знает чѣм и как. Молотый прѣлый

ячмень с остюками,—на ведро воды 35 чайных ложек,—кипятили и ѣли без жиров; ни картофеля, ни мяса, ни рыбы не было. Эта жидкость остюками страшно царапала глотку. Хлѣб совершенно отсутствовал. Эту пищу ѣли мои дѣти 5 и 7 лѣт. Питались до новаго урожая, т. е. с декабря 1921 г. по август 1922 г. Послѣдніе мѣсяцы питались мамалыгой из кукурузы.

В Чаплынкѣ и окрестностях, с наступленіем голода, пошли страшные грабежи и воровство. Воровали исключительно продукты питанія. Проламывали стѣнки и забирали мѣшок или два муки; рѣзали коров, мясо забирали, а кожу и ноги оставляли хозяину.

В маѣ 1922 года я был приглашен на службу дѣловодом мѣстнаго нарсуда 5 участка. Поступить на службу соблазнило 1/2 п. даровой кукурузы.

Прослужил я не много, но увидѣл очень много. За 4 мѣсяца службы я насмотрѣлся на комедію, называемую нарсудом: взяточничество и вымогательство невѣроятные. Брали взятки всѣ, даже разсыльный. Без взятки ничего не дѣлалось. Всякая просьба имѣла успѣх только при взяткѣ. Бывали случаи, что одна тяжущаяся сторона давала взятку судьѣ, а другая секретарю суда или дѣловоду. Здѣсь шла борьба двух взяточников между собой и каждый из них старался поставить на своем.

Но в большинствѣ взятки брали как тот, так и другой за одно и то же дѣло и тогда все было в порядкѣ: выигрыш, безспорно, был на сторонѣ взяткодателя.

Первое время я держался в сторонѣ. Было просто противно брать взятку, а потом привык и без взятки ничего никому не дѣлал. В судѣ нас было трое, брали всѣ трое, но я всегда брал особо и всегда был в оппозиціи с судьей и секретарем. Ясно, что моя „работа" была много труднѣй и сложнѣй, но я отыгривался на другом; так как всѣ бумаги шли через мои руки, то всякое проигранное дѣло я умышленно засылал не по назначенію; его обыкновенно возвращали обратно; почтальон приносил, бросал на стол и уходил, не взяв росписки о полученіи.

Всѣ дѣла, в коих я был заинтересован, я выбирал и сжигал в печкѣ, и таким образом лишал возможности выигравшую сторону когда—либо приговор суда привести в исполненіе, по тѣм простым причинам, что оно „числится" за кассаціонным отдѣлом губсуда.

Особенно я стралася насолить всякому, так или иначе примыкающему к соввласти.

В судѣ меня никто товарищем не называл, а если кто обращался ко мнѣ со словом „товарищ",—я не отвѣчал до тѣх пор, пока это быдло не называло меня по имени отчеству, или дядей.

В канцелярію входя, я снимал шапку, работал без шапки, от вошедших в канцеля-

рію требовали снимать шапки, „незаможных“ гнал вон.

Когда вел протоколы засѣданій Суда, то участвовал в совѣщательной комнатѣ вмѣстѣ с засѣдателями и судьей, вел спор и имѣл рѣшающій голос, наравнѣ с засѣдателями, тогда как по совѣтскому кодексу в совѣщательную комнату, кромѣ судьи и двух засѣдателей, никто не допускается.

В дѣйствительности суд творили не судья—малограмотный коммунист, не два засѣдателя, а секретарь или дѣловод суда.

Примѣры судебной „практики“.

Помню случай, когда сосѣдняя деревня Чухалка своего предсѣдателя сельсовѣта и незаможных избила до полусмерти. Его поймали на мѣстѣ преступленія, когда он воровал у сосѣда гусей.

За самосуд крестьян предали суду и их приговорили в тюрьму.

Приговор нарсуда кассировали, и я это дѣло цѣликом заслал к одному из слѣдователей, а когда его возвратили, то бросил в печку и сжег.

Таких дѣл было много.

Да как могло не процвѣтать взяточничество и мошенничество при тѣх условіях, что труд не оплачивается добросовѣстно и во главѣ высокаго и почетнаго учрежденія

стояли воры, мошенники, убійцы и мародеры, к тому же совершенно безграмотные,— до того безграмотные, что написанное собственной рукой не в состояніи были прочесть, а собственную фамилію читали по складам и заикались.

В августѣ мѣсяцѣ, по моей жалобѣ, судью Пархоменко от должности нарсудьи отрѣшают и предают суду.

Новым судьей назначили (уѣздкомпартія) т. Дѣткина, по происхожденію кацапа, до революціи ѣздившаго на ассенизаціонной бочкѣ.

С момента революціи он безпрерывно работал в „че-ка" на Кавказѣ. От корниловцев и кубанцев получил нѣсколько ран и почти лишился лѣвой ноги, командовал какой-то частью карательнаго отряда на Украинѣ, отличался жестокостью и невѣжеством, в Чаплынкѣ был начальником милиціи, грабил по дорогам обывателей и крестьян, был предсѣдателем комячейки и, наконец, попал в нарсудьи.

Дѣткин, приняв должность нарсудьи, при камерѣ, в комнатѣ хозяйки Марины устроил кабачек, и всякаго просителя зазывал в кабачек выпить и поговорить о просьбѣ.

Старый секретарь суда Горскій ушел и Дѣткин взял в секретари своего стараго товарища—забулдыгу пьяницу Охрименко.

При Дѣткинѣ взятка бралась открыто с каждаго и всякаго, и для меня была полная

свобода дѣйствій, т. к. Дѣткин и его новый секретарь Охрименко были полные профаны в дѣлах и канцеляріи суда.

Все, что бы я не написал, безоговорочно нарсудья Дѣткин подписывал. Однажды, я за хорошую взятку написал постановленіе об отмѣнѣ приговора суда о раздѣлѣ имущества. Дѣткин, не читая, подписал и приговор был отмѣнен: „пролетарка“ лишилась своей трудовой доли имущества, а „кулак“ крестьянин использовал время и свое имущество передал другому лицу.

Комедія суда.

Судили так: я вел протокол засѣданія и тут-же подсказывал судьѣ вопросы. Допрос сторон и свидѣтелей закончен. Всѣ,—судья, два засѣдателя и я идем в совѣщательную совѣщаться и писать резолюцію суда. Я—дѣловод—пользуюсь правом рѣшающаго голоса и пишу резолюцію, а Дѣткин переписывает резолюцію, т. к. она должна писаться рукой судьи, а главное Дѣткин был до- того безграмотным, что никак не мог читать с чужого почерка.

Переписывая резолюцію, Дѣткин обязательно ошибется и вновь начинает писать. С Дѣткина пот валит градом, но все же в концѣ концов резолюція с массой ошибок и в искаженном видѣ, даже с искаженной фами-

лією судьи—готова. По окончаніи писанія начинается заучиваніе резолюціи наизусть и на эту работу обыкновенно уходило от 2 до 3 часов времени.

Сколько и каких трудов Дѣткину это стоило? Весь был мокрый, с него пот катил градом, по временам он бѣгал в кабачек, выпивал стопку самогона, возвращался и опять зубрил резолюцію. Было жалко на него смотрѣть и я думаю, что никогда в жизни, даже работая на „бочкѣ“, Дѣткин не истекал так потом от непосильнаго труда, как при заучиваніи резолюціи. Сидящіе тутже засѣдатели и я его поправляли и наставляли.

Но дальше Дѣткина ожидало худшее. По выходѣ в зал засѣданія, он, как судья, должен был читать резолюцію. Но при появленіи его присутствующіе начинали хохотать и хохот был заразительный. Публика, в предчувствіи его чтенія, хохотала и каталась со смѣха; Дѣткин не резолюцію читал, а молол какую-то белиберду и руками выводил какія-то фигуры. Прочтеннаго приговора никто не понимал и тяжущіяся стороны подходили ко мнѣ и спрашивали, что присудили?

Дѣткин читал не только по складам, но и заикаясь ни каждом слогѣ, водя указательным пальцем по резолюціи. С него пот катил градом, и как только он вытирал пот на лбу и рожѣ рукавом правой руки, то терял прочитанное и чтеніе резолюціи начиналось

сначала. Присутствующіе от неудержимаго хохота валялись на полу, надрывали животы, и даже подсудимые от невольнаго хохота падали на пол. Я обыкновенно убѣгал из помѣщенія.

Чтеніе резолюціи тянулось около часу. Когда он заканчивал „чтеніе", вид у него был полусумасшедшій, глаза наливались кровью, виски дергало, раздутыя ноздри испускали сопѣніе. Он разстегивал воротник и вытирал рукавом пот, а тяжущіеся стояли неподвижно, как обалдѣлые, не зная, что им дѣлать и в чью кончилось их дѣло.

Дѣткин тоже не понимал, что прочитал и когда его спрашивали, на чем же дѣло кончилось, что присудили, то Дѣткин им отвѣчал:—„завтра в канцеляріи все узнаете у тов. секретаря!"

Так из суда тяжущіеся уходили домой, не зная, чѣм кончился суд, а пріѣзжіе оставались ночевать, дабы завтра узнать приговор суда, но чтобы не ожидать до завтра, можно было сунуть мнѣ взятку и получить исчерпывающій отвѣт.

Разскажу один курьезный случай из судейскаго „быта".

Крестьянин „незаможный" украл лошадь у крестьянина сосѣдняго села—„кулака". Спустя полгода кулак опознал свою лошадь, обратился ко мнѣ, дал за труды и подал в суд. „Незаможный"—вор дал взятку судьѣ Дѣткину. При разборѣ дѣла и писаніи резо-

люціи Дѣткин от напряженнаго состоянія выпустил из виду о полученной им взяткѣ и написанную мною резолюцію суда об отобраніи уворованной лошади у такого—то и передачѣ настоящему владѣльцу такому—то, он подписал; засѣдатели, вообще, были „для мебели" и никогда не спорили: они говорили;—„Вам здѣсь виднѣй, кого покарать, кого миловать," и тоже подписались.

Приговор огласили и так он и остался бы, если бы я не сообщил „кулаку" о том, что через 20 минут он получит на руки предварительное рѣшеніе и свою лошадь. „Незаможный"—вор был поражен моими словам и, обращаясь к Дѣткину, поднял обѣ руки вверх и стал махать ими, как птица: это он напоминал Дѣткину о том, что он ему дал взятку—гуся.

Дѣткин вспомнил, встал и заявил:—„товарищи! суд ошибся; засѣданіе прерываю, идем вновь совѣщаться"!

В совѣщательную я не пошел, т. к. новый приговор писать в пользу вора я отказался.

Дѣткин поступил просто: отыскал слова, говорящія об отобраніи и передачѣ лошади владѣльцу такому—то, замарал чернилами, а ниже подписей написал: „в искѣ отказать". Войдя в зал засѣданія, он в двух словах объявил: „в искѣ отказать".

Вот результаты совѣтскаго судопроизводства и законодательства. Из всего сказан-

наго для читателя ясно и все остальное. Я считаю, что об остальном совершенно напрасно говорить, и если эти документы этого суда уцѣлѣют, то окажутся большой цѣнностью для будущаго историка, который безпристрастно сдѣлает свой правдивый вывод и обогатит исторію небывалой драконовщиной в мірѣ.

Ограбленіе церквей.

В первых числах іюня 1922 года повсемѣстно в Совроссіи совласть приступила к изъятію, т. е. форменному грабежу церквей, монастырей и т. д., под лозунгом изъятія церковных и монастырских цѣнностей в фонд голодающих, для борьбы с голодом.

Это происходило в то время, когда уже добрая половина голодающих умерла, а остальные умрут спустя 10-15 суток и к тому через 20-30 суток крестьяне снимают новый урожай и голодная смерть сама собой ликвидируется. Кромѣ того, до урожая ни в коем случаѣ не было никакой возможности собрать церковныя цѣнности, свезти в одно мѣсто, пересортировать по спеціальным категоріям, зафрахтовать транспорт, упаковать, погрузить, перевезти заграницу, продать и тогда только на вырученныя деньги купить продукты питанія, опять зафрахтовать, погрузить, доста-

вить, выгрузить, свезти в центры и распредѣлить по голодающим районам.

По приблизительному расчету, эту работу можно продѣлать не раньше 6—8 мѣсяцев, а если при изъятіи дойдет до войны с прихожанами, то затянется до 12 мѣсяцев, слѣдовательно, никакой помощи умирающим от голода от изъятія цѣнностей ожидать не приходилось, а просто эти самозванцы—сифилитик Ленин, Лейба и прочіе жидо—масоны, пользуясь случаем народнаго несчастья, рѣшили обобрать церкви и монастыри и одурачить рабочих и крестьян, что и сдѣлали.

В селѣ Чаплынка около церкви, по приказанію „че-ка", священник собрал общее собраніе прихожан. Чекисты в церковной оградѣ, около стѣны алтаря, поставили стол и стали митинговать. Ораторы доказывали, что необходимо добровольно отдать церковныя цѣнности, якобы для голодающих. Один из священников тоже вылѣз на трибуну и стал уговаривать отдать цѣнности церкви для спасенія голодающих.

Но простой народ стоял на своем:—„не давать и крышка"! „Защищаться до смерти"!

Тогда т. Фурса заявил:—„мать вашу так! мы сами возьмем"! и, приказав разогнать прихожан, жестикулируя и ругаясь матерщиной, соскочил с трибуны и поспѣшно скрылся.

Прихожане постепенно разошлись, а через нѣсколько дней в Чаплынку прибыл ка-

рательный отряд с пулеметами и охватил церковь. Прихожане бѣжали к церкви, защищать ее от нападающих разбойников; началась свалка: вооруженные тузили женщин, женщины тузили чекистов; церковнаго старосту арестовали, притащили в церковную ограду, повалили на землю и силой отняли церковные ключи. Он их не давал в виду того, что хозяева прихода тѣ, от кого он их получил и им только он обязан отдать, что церковь нынѣ отдѣлена от государства, но когда он заикнулся об отдѣленіи церкви, ему смазали по скулам здоровенным кулаком, так что выбили нѣсколько зубов и полилась кровь и избранник прихода—хозяин церкви—староста умолк и присмирѣл.

Чекисты, отперев дверь, забрали все, ободрали с икон ризы, погрузили на подводу и преспокойно уѣхали.

Так была обобрана церковь села Чаплынка.

Часть 4.

Жизнь в Николаевѣ и бѣгство заграницу.

Переселеніе и жизнь в Николаевѣ.

В нарсудѣ 5 участка я всего проработал 3-4 мѣсяца, но надѣлал много пакостей совюстиціи. Окончательно опротивѣли мнѣ эти типы, пьяницы и развратники, судья Дѣткин и его секретарь Охрименко и я рѣшил уйти. В октябрѣ 1922 года я с семейством переѣхал в город Николаев.

Николаев расположен на рѣкѣ Буг и населен преимущественно рабочими, т. к. здѣсь громадные судостроительные заводы и другіе заводы по постройкѣ земледѣльческих орудій, великолѣпный порт и желѣзная дорога.

В старое время здѣсь на производствѣ работало до 30.000 человѣк. В городѣ было нѣсколько крупных русских торговых предпріятій. С приходом красных русская торговля исчезла, уцѣлѣла же и возросла исключительно жидовская торговля.

Всѣ богатства в данное время принадлежат жидам. Русскіе, бывшіе купцы,-кто уцѣлѣл,-превратились в нищих, ходят по городу с протянутой рукой и побираются; рабочіе их узнают и проявляют к ним отношеніе самое лучшее и сострадальческое. Зато рабочіе питают страшную злобу и ненависть к жидам—вѣковым своим эксплоататорам.

В Николаевѣ я жил, т. е. не жил как обыкновенно живут или жили в старое время в Россіи, нѣт—я укрывался, жил инко-

гнито, под псевдонимом, под чужой фамиліей. В адресном столѣ был прописан по фамиліи „Ковчалов“, в городѣ и на базарѣ меня знали по фамиліи Иван Гуровскій, в рабочих же кругах и среди сосѣдей я слыл под фамиліей „батько Махно“.

В Николаевѣ, как и в других городах Совроссіи, многіе заводы не работают, а если и работают, то в сокращенном видѣ, и дают государству большой дефицит. Производство не закрывается только из за политической точки зрѣнія: его содержат для демонстраціи, но не для прибыли, а дефицит покрывается исключительно налогами на жителей города.

На судостроительных заводах красные хозяева судов не строят и около дока и понынѣ стоят неподвижно в бухатѣ и обрастают ракушками, в ожиданіи хозяина земли Русской, два спущенных еще старой властью гиганта карабля. О постройкѣ новых судов и разговора быть не может. Большинство рабочих—безработные, испытывают страшную нужду и голод. Эта масса—страшный враг комиссарожидовія—совласти. Союзниками совласти является еврейство, разные отбросы общества и прогнившая продажная русская интеллигенція, прислуживающая и услуживающая. Рабочіе, которые стоят на производствѣ,—тоже непримиримые враги совласти, т. к. их заработок в среднем равняется

18-20 руб. *) в мѣсяц при дороговизнѣ на 100-200% выше довоенных цѣн, да и эти деньги выплачивают не каждый мѣсяц.

Послѣ долгих скитаній и исканій, квартира была отыскана, почти в центрѣ города, по Херсонской ул. № 9 у К. В. Шаманскаго, около Семеновской церкви. Квартира, что называется, со всѣми „удобствами"! Это—бывшій птичник, с одним окном вверху и без печи, размѣром около 2—3 квадр. арш. А моя семья состояла из 5 душ. Обстановки, конечно, никакой; хозяин дал во временное пользованіе большой лѣтній стол. С трудом его втащили в курятник—квартиру, и установили; стол занял почти всю площадь квартиры. Собственными усиліями построили самодѣльную печь из ломаных кирпичей, вмазали старый ломаный чугонок, для топки купил по дешевкѣ возок камыша, который служил и постелью. Камыш ломали и подкладывали в печь, которая дымила безпрерывно, чугонок раскалялся, и мы торжествовали: тут же на чугункѣ пекли лепешки из прѣснаго ржаного тѣста, и каждый свою порцію жадно пожирал. Иногда даже допускали себѣ роскошь: пекли картошку и с солью ѣли, но это бывало в исключительно торжественных случаях.

Приносимую в видѣ помоев какую то жижу из кухни для голодающих подогрѣ-

---

*) Расчет 18-20 р. является в итогѣ перевода получаемых денег на товарный рубль.

вали и со вкусом, смакуя, ѣли.

Со страшным злом и завистью смотрѣли мы на тѣх, кто с базара таскал бѣлые калачи, всякую снѣдь и яства. Зависть была особенно зла, так как припасы эти тащили счастливцы—новые красные дворяне. Одни из них вышли „в люди“ из парашников, уголовных преступников, головорѣзов, мошенников, босяков. А другіе происходили из бывшей россійской интеллигенціи и „просвѣщенной“ аристократіи. Эта мерзость потеряла всякій стыд и пошла в красные дворяне; они устроились на выгодныя мѣста, грабят обездоленнаго русскаго человѣка и живут в свое удовольствіе: пьянствуют, развратничают, дружатся с бывшими босяками и уголовными, подражают их вкусам и пошлым навыкам, жмут их окровавленныя руки, лебезят перед ними, и за это имѣют безплатную квартиру в нѣсколько комнат со всѣми удобствами, шикарно обставленную и меблированную по буржуйски, имѣют деньги и сытый паек.

В то время страдал тот, кто иначе разсуждал, и отказывался идти работать к сатанаилу—совправительству.

Страданіям таких людей не было конца. Так поступил и я. Будучи непримиримым врагом сатанинской жидо—масонской власти, я обрек себя и свое семейство на голод, холод и страшныя мученія.

Одежды и обуви у нас почти не было, не было и бѣлья, а о постели мы и думать

забыли. Когда приходило время ложиться спать, то всѣ раздѣвались, из общей одежды-лохмотьев дѣлали на полу дѣтям постель, дѣти укладывались, как поросята, близко прижавшись друг к другу и так спали, обогрѣвая друг друга. За неимѣніем мѣста, я спал на столѣ, а жена под столом, на камышѣ. Вот она росскошная и привольная жизнь тѣх, кто не пошел, как продажная собака, прислуживаться и лакействовать к красной сволочи, к паразитам жидам.

Самодѣльную печку наму приходилось передѣлывать почти через каждые 3—4 дня. Особенно помню я перестройку печи на первый день праздника Рождества Христова. С ранняго утра, как только загудѣл церковный колокол, обнаружилось, что наша печь рушилась. Немедленно приступили к перестройкѣ. Надолбили мерзлой глины, оттаяли на огнѣ во дворѣ, замѣсили и постройка началась. В работѣ принимали участіе и дѣти: они почти босиком во дворѣ собирали обломки старых кирпичей и тащили в квартиру. К обѣду печь вновь была отстроена. По окончаніи постройки я от переутомленія почти без чувств свалился на землю.

Вновь отстроенную печку затопили и она хуже прежней начала дымить, а от сырости квартира наполнилась водяными парами. Дѣти кучкой ютились около парящей печки и грѣли свои холодныя ножки. Тут же пекли лепешки и это был наш обѣд...

Так мы, казаки, любящіе свое Отечество, встрѣчали и провожали великій праздник Рождества Христова в г. Николаевѣ. Так малютки—казачата проводили праздники.

В то же время тѣ, кто перекрасился, форменно обжирались, устраивали кутежи, накрывали столы с дорогими напитками, украдкой ходили в церковь и усердно молились, часто вздыхая и приговаривая:—„Господи, когда же будет конец сим мученіям! Когда же придут и освободят нас от большевиков“!

Дома сіи типы принимали гостей, и смотря по визитеру, вели разговор: с красным, чокаясь, пили за укрѣпленіе соввласти и побѣду ея над всѣм міром.

Приходил бѣлый—произносились пожеланія скорѣйшаго освобожденія Россіи от большевицкаго ига и полной ликвидаціи жидов.

Сами лично они ничего не предпринимали, в надеждѣ, что кто—то обязательно придет и освободит их от ига! При чем эти лица, на случай переворота, имѣют оправданіе, что якобы их силой заставили работать и служить красным под угрозой разстрѣла и т. д.

Нужно замѣтить, что очень и очень немногіе имѣют мужество принести себя в жертву во имя Отечества, во имя своей Родины и націи. И если бы вся тупоумная русская интеллигенція и спецы обрекли себя на

лишенія и мученія, отказавшись работать у большевиков с самаго начала их переворота, то никакого бы большевизма в Россіи не было. Ибо государственный аппарат был бы мертв, и никакія потуги и репрессіи большевиков не спасли и не укрѣпили бы их власти. У в ы! Просвѣщенные хамы собственное благополучіе ставили выше націи. Стали у аппарата власти и обрекли 150 милліонов русскаго народа на гибель и на вымираніе.

Город Николаев, как и всѣ города Совроссіи, изобиловал безпризорными дѣтьми. В городѣ насчитывалось безпризорных до 2.000; они ютились по трущобам, заброшенным подвалам, полуразрушенным домам; оборванные, почти голые, они шайками ходили по городу, попрошайничали и воровали. Среди них были разнаго возраста: от 7 до 20 лѣт, были дѣвицы и женщины, которыя рождали дѣтей и вскармливал их; почти всѣ заражены сифилисом и другими болѣзнями, тѣла их покрыты язвами и чесоткой, а паразиты с них так и сыплются.

Это—будущее Россіи, насажденное сифилитиком и дураком Лениным. Это дѣти совѣтскаго рая! Ясно, что среди безпризорных нѣт ни одного жида: всѣ, как один—русскіе-гои.

Моя работи в Николаевѣ

С переѣздом в Николаев, я рѣшил на службу к жидо-масонам больше не идти, заниматься чѣм угодно, но жить собственным трудом.

Квартира попалась неудачная,— я поселился в домѣ карманных воров; перешел на вторую—еще хуже, т. к. через сѣни квартировали ночные налетчики.

Они цѣлый день спали, а с наступленіем ночи у них начиналась жизнь; шумѣл самовар, клокотало жареное, стучали тарелки, вилки и ножи, хлопали пробки бутылок, звенѣли рюмки, визжали женскіе голоса, слышалось чмоканіе, безпрерывный топот ног идущих со двора в квартиру и обратно; зачастую приходили с тяжелой ношей и грузно опускали ее на пол в сѣнцах.

Под утро все утихало и слышался только храп спящих.

С переѣздом на квартиру к К. В. Шаманскому, Херсонская ул. № 9, я выбрался из лагеря воров—карманщиков.

Мое экономическое положеніе было аховое: денег ни копейки, семья полураздѣтая и полуголодная, работы никакой, да еще политическая обстановка такова, что приходилось посматривать в оба: как ни как, а я и семейство жили под чужой фамиліей и по чужому паспорту.

Голод стучался ко мнѣ в дверь и я должен был идти искать хлѣба для себя и семьи, но куда? Надо было или к сов—сволочи идти служить или на базарную толкучку, и я рѣшил, чтобы не унижаться перед жидо-масонской властью, идти на базарную толкучку и на собранныя деньги стал торговать куриными яичками. Потом домохозяин К. В. Шаманскій мнѣ занял денег и таким образом я зарабатывал на хлѣб, но хлѣба не покупал, а покупал ржаную муку, пек на плитѣ лепешки и этим питался.

На нашу несчастную торговлю яичками сдѣлал налет финотдѣл и забрал наш товар, —около 300 яиц, рубля на 3-4. Все это наше богатство забрали на том основаніи, что я торговал без патента и не платил налога, приблизительно, руб. 40—60 в мѣсяц золотом. Нужно сказать, что в центрѣ Совроссіи в то время паршивая парикмахерская платила больше налогов, нежели в Харбинѣ платит т./д. Чурина.

В 1923 г. я переѣхал на квартиру к Мусіенко по Севастопольской № 23. Постепенно торговлю яичками ликвидировали и я пошел работать на черную валютную биржу. Там работал до весны 1924 г. и сошелся с членом подпольной противо—совѣтской организаціи Грицко.

Перед самой Пасхой Г. П. У. валютную биржу частью арестовало, а частью разогнало; поэтому я перешел на базарную толкуч-

ку. Познакомился с сосѣдом И. И. Фоменко; у него бывали собранія. Постепенно я втянулся в подпольную политическую работу, пріобрѣл „наган“ и патроны к нему. 9 сентября 1924 г. подпольную анти-большевицкую организацію „че-ка“ раскрыла, а вечером, на конспиративной квартирѣ, на углу Пограничной и Морской, наши убили одного жида-чекиста.

Интересно раскрытіе самой организаціи. 9 сентября, в 10 часов утра, в старый царскій дворец зашли трое чекистов и войдя в корридор, гдѣ были двое мужчин и дама, спросили:—„ваши документы!“ Трое хладнокровно и с полным спокойствіем, как по командѣ, опустили руки в карман, а через 5-7 секунд грянуло три оглушительных выстрѣла из револьверов в чекистов и три жида чекиста были убиты наповал; остальные, стоявшіе во дворѣ, бросились бѣжать; в бѣгущих было брошено три бомбы. Взрыв бомб всполошил весь город.

Главные члены организаціи послѣ этого из Николаева уѣхали; остался я да еще нѣкоторые незамѣченные; нас „че-ка“ не тревожила, мы успокоились и считали, что все умерло, но глубоко ошиблись.

Весной 1925 года я перебрался на квартиру на Слободку, в рабочій район, по Севастопольской ул. № 129. Хозяева были очень добрые люди и мы жили у них как дома. Особенно нас трогало отношеніе до-

бродушной старушки Маріи Михайловны и ея сына Михаила Митрофановича: они вѣдь нас совершенно не знали и сейчас не знают, кто мы и что мы; по документам мы были прописаны как мѣщане города Батума, а о том, что мы казаки—они и не подозрѣвали.

Налет «че-ка», мой арест и его послѣдствія.

В 11 часов вечера с 14 на 15 іюня 1924 г. на мою квартиру явилась „че-ка". Обшарив квартиру, сундук, якобы в поисках ворованных вещей и выдавая себя за уголовный розыск, агенты „че-ка" составили для виду протокол и, забрав меня с собой, привезли в Г. П. У. и заперли в подвал.

Ко мнѣ подбросили какого—то жулика, который пытался со мной заговорить о политикѣ и стал объяснять, что он пришел из Румыніи и от румынской подпольной организаціи и т. д. Я его послал ко всѣм чертям и лег спать. Скоро мой собесѣдник ушел.

На нарах я замѣтил надпись химическим карандашем:—„В. И. Щередин, арестован по обвиненію в контр—революціи".*)

*) В гор. Херсонѣ 4 ноября 1925 г. суд приговорил быв. пристава Щередина и Фирсова, как активных участников подавленія ре-

Дѣйствительно, он был арестован три дня тому назад и отправлен в гор. Херсон. Это—бывшій пристав гор. Херсона; он был посвящен в нѣкоторыя подробности нашей организаціи.

У меня стучало в головѣ; я не знал причины моего ареста; одно было ясно,—что арест политическій. Я терялся в догадках, перебирал всю свою жизнь; правда, за мной много дѣл, но по какому именно меня арестовали и что им отвѣчать?

Утром в 9 часов явился чекист—жидок и вѣжливо просил меня слѣдовать за ним. Прошли общій широкій корридор, вошли в узкій, повернули направо и вошли в полукруглую с одним, за желѣзной рѣшеткой, окном, комнату. Мнѣ рукой указали сѣсть на стоявшій около длиннаго красиваго стола стул; около того же стола с одной и другой стороны сидѣло по жиду чекисту с револьверами в руках.

волюціоннаго движенія, к разстрѣлу, без примѣненія закона о давности и амнистіи.

Потравко, Дубовенко, Чалый, Шуликов Пантелеимон, Жосан, Дариненко, Гуда-Сухина и Каминскій 2-й приговорены к разстрѣлу, но принимая во вниманіе давность, разстрѣл замѣнен 5 годами тюрьмы.

(Смотри „Красный Николаев“ от 5 ноября 1925 г № 1450.)

Я, не здороваясь. подошел и не спѣша сѣл. Пауза минут в 5. Один из сидящих чекистов рѣзким голосом спросил:—„ваша настоящая фамилія!“

Я отвѣтил тоже громко:—„вам извѣстна!“

Вопрос второго чекиста:—„когда будет конец соввласти?“

Я было рѣшил не отвѣчать этой мерзости, но немного промолчав, грубо отвѣтил:— „тогда увидим!“

Жиды переглянулись между собой, что-то записали в своих блокнотах, оторвали и передали друг другу. Потом меня выслали в корридор и я очутился против дула револьвера стоявшаго чекиста. Я держал себя развязно и сохранял полное спокойствіе и хладнокровіе, стараясь не обращать вниманія на нервно настроеннаго чекиста.

Минут через 5 дверь открылась и меня позвали в кабинет, заперев на замок дверь.

Опять вопросы, записи и высылка в корридор. Это повторили четыре раза, а потом со мной заговорили любезно, ласково, заигрывающе и просили пооткровенничать с ними насчет знакомых в Николаевѣ. Я категорически отказался и заявил, что у меня никого знакомых нѣт.

Теперь я стал догадываться, в чем дѣло, хотя чекисты мнѣ и не говорили,—на столѣ лежало толстое дѣло в желтой обложкѣ с надписью „Кіевщина“. Это то и была наша организація, а потому я был очень и очень

осторожен в отвѣтах, и считал, что для меня выхода нѣт: необходимо воздерживаться для спасенія тѣх, кто еще на свободѣ.

Но жидовская головка думала другое; им я был необходим и вся эта комбинація сводилась к тому, чтобы я выдал им Грицка, т. е. Кіевскую оргнаизацію, которую всесильное Г.П.У. в теченіи года не могло изловить.

Мои отвѣты взбѣсили чекистов, не выдержали их нервы: Болотин, он же Бронштейн, жид из Бобринца, по профессіи парикмахер, а теперь чекист, схватил дѣло „Кіевщины", раскрыл его, стукнул по столу кулаком и произнес:—„что вы отказываетесь! такого—то числа вечером вы были у сапожника И. И. Фомина с В. И. Щегрединым. Вы говорили о Грицкѣ и о налетѣ в Херсонѣ на контору хлѣбо—продукт".

Сказанное ошарашило меня и я не знал, что отвѣчать, потому что все было дословно мной в свое время сказано. Но я набрался сил и заявил, что это ложь. Мнѣ показали карточки, гдѣ я видѣл Грицка—улики были на лицо,—но я упорно все отрицал. Мной овладѣло страшное зло, меня мучил вопрос, кто же мог дать им точныя свѣдѣнія о том, о чем я не говорил даже своей женѣ, потому что это был строгій секрет.

Послѣ небольшой паузы Болотин подошел ко мнѣ вплотную, хлопнул меня по плечу и сказал:—„довольно для вас того, что вы знаете, что всѣ секреты ваши у нас в папкѣ

и что ваше спасеніе зависит всецѣло от вас самих. Вы нам нужны. Вы будете свободны, если согласитесь у нас работать. Мы все обставили так, чтобы вас привлечь работать, но вы страшно упорный и к тому человѣк бѣдный. Если вы дадите согласіе и поможете нам в одном дѣлѣ—получите вознагражденіе... Дайте согласіе."

Я стоял и молчал, готовясь отвѣтить отказом, но Болотин прервал меня и сказал:—подумайте, даю 5 минут и знайте, что в противном случаѣ вас ожидает худшее, а об освобоженіи и думать не приходится. Выйдите в корридор".

В корридорѣ за эти пять минут пришлось передумать очень многое; главное, приходилось выбирать лучшее; необходимо было спасать своих соратников и самого себя. Так я и не рѣшил, как быть, когда дверь открылась и меня позвали.

—„Ну что, вы надумали? Еще раз предупреждаю—давайте ваше согласіе—будет лучше"!

Немного подумав, я спросил, в чем будет заключаться моя работа?

—Вы должны выдать Грицка.

—Как же я смогу выдать, если его нѣт?

—Для этого дадим вам время и средства, лишь бы было ваше согласіе!

—Сколько дадите времени?

—От 3 до 5 мѣсяцев достаточно,—был отвѣт Болотина.

Я молчал.

—И так, вы согласны? Для формы вы должны подписать вот это обязательство, а потом я вас детально познакомлю с дѣлами, которыя вас привели сюда. Слушайте внимательно,—читаю:

Обязательство.

—Даю настоящее обязательство Николаевскому Окружному Г. П. У. в том, что я, нижеподписавшійся, обязуюсь соблюдать полную конспирацію своего сотрудничества в Никокружном Г. П. У. в качествѣ освѣдомителя своей работы и обязуюсь выдать Грицка. Всѣ распоряженія и порученія Г. П. У. обязуюсь безпрекословно и аккуратно исполнять. О своем сотрудничествѣ и принятом обязательствѣ я обязываюсь никому не сообщать, даже собственной женѣ и дѣтям, под страхом наказанія, как за разглашеніе государственной тайны—разстрѣла. В том и подписуюсь". (Я подписался). „Завербовал помощник Предсѣдателя Ник. Окр. Г. П. У. Болотин".

—С сегодняшняго дня вы по Г. П. У. должны именоваться „Ваня" и подписываться на всѣх бумагах, касающихся работы по Г. П. У., именем „Ваня". Это был мой псевдоним по Г. П. У.

Подписанное обязательство Болотин аккуратно свернул и положил в отдѣльный бумажник. Развернул дѣло „Кіевщины“ и дал мнѣ прочесть слѣдующее:—„Сводка. Такого-то числа и мѣсяца в квартирѣ по Морской ул. № 24 у И. И. Фомина было собраніе. П. Ковчалов, по кличкѣ батько Махно, дѣлал доклад о подпольной организаціи „Кіевщина“, и о том, что требуются ручные пулеметы и бомбы. Подпись: „Василиса“.

Эта сводка была правдива и точна и меня она поразила; когда я спросил, кто это писал, то Болотин замотал головой и сказал:—„я не имѣю права вам сообщить той тайны, которая не подлежит разглашенію“.

Болотин встал, взял мою правую руку обѣими руками и заявил:—поздравляю вас, товарищ „Ваня“, сотрудником Г. П. У. С этого момента вы свободны и я считаю вас своим человѣком. Надѣюсь, что вы нам сослужите большую службу—выдадите Грицка и его сотоварищей. Для расходов по дѣлу вам будут выданы деньги в любом размѣрѣ и если будет нужна поѣздка в другіе города—к вашим услугам все. Вам предоставляю право разработать план дѣйствій и представить непосредственно мнѣ. В данный момент я вас передаю одному из наших коллег, завнарбольницей тов. Чернецу; о работѣ вы с ним условитесь, но ни слова ему не говорите ни о Грицко, ни о „Кіевщинѣ“, ни даже о том, как вас задержали и завербовали.

Сводку будете давать в запечатанном конвертѣ, а если серьезное дѣло—идите прямо ко мнѣ на квартиру.

Я все время молчал. По телефону Болотин вызвал из нарбольницы Чернеца. Мы прошли в отдѣльную комнату, куда через четверть часа явился Чернец. Болотин познакомил меня с ним, простился и вышел.

С Чернецом мы условились: каждую пятницу я должен являться к нему в больницу, а в случаѣ нужды, во всякое время дня и ночи. Он дал мнѣ пропуск.

Чернец—на вид плюгавенькій жидок. Из Г. П. У. мы вышли задним конспиративным ходом и разошлись, как воры, в разныя стороны.

Шагая по улицѣ на квартиру, я никак не мог вѣрить тому, что я свободен. Я смотрѣл по сторонам и не вѣрил, что послѣ подвала „че-ка" я свободен. То, что я пережил за нѣсколько часов в Г. П. У., мнѣ казалось вѣчностью и когда я пришел к семейству, то несмотря на то, что я не ѣл со вчерашняго дня—выпил только глоток холодной воды и слег в постель. Я был разбит и физически и нравственно. От пережитых 12 часов в „че-ка" прошла почти вѣчность. Я неподвижно пролежал почти сутки в нервном потрясеніи.

Моя работа в Г.П.У.

По пятницам я аккуратно являлся в нарбольницу к Чернецу. Он с радостной улыбкой меня принимал и торопливо справшивал:— „что слышно? что новаго?“

Я обыкновенно ему отвѣчал:—„все по старому, ничего новаго нѣт“. Чернец конфузился и насупив брови говорил:—„когда-же у вас будет новое? Приходите слѣдущій раз с новостями“, и с миром меня отпускал. Спустя недѣли четыре-пять, когда я пришел и сообщил, что все по старому, Чернец мнѣ сказал, что в 9 часов вечера сегодня вдвоем мы должны быть на квартирѣ у Болотина, т. е. в Г.П.У. От неожиданнаго приглашенія у меня по спинѣ пробѣжали мурашки, но дѣлать было нечего, пришлось согласиться.

Испытывая страшный страх, я вмѣстѣ с Чернецом темной ночью, глухими улицами, крадучись как воры, шли на квартиру Болотина, а его квартира была в зданіи Г.П.У.

Как воры подбѣжали мы к парадной двери. Чернец постучался в дверь и на женскій голос—„кто“? Чернец на еврейском жаргонѣ что-то гаркнул, дверь открылась и мы поспѣшно проскочили в темный корридор, гдѣ, прислонясь к стѣнкѣ, неподвижно молча стояли минут 10.

Дверь полуосвѣщенной комнаты пріоткрылась, вышел сам Болотин, пропустил одного Чернеца и захлопнул дверь. В темном

корридорѣ остался я один, да какая-то дѣвка около парадных дверей. В это время кто-то постучался в парадную дверь и на оклик дѣвки отвѣтил на жаргонѣ. Дверь отворилась, влетѣвшій в темный корридор натолкнулся на меня и стал около стѣнки. Дѣвка взяла за руку стоявшаго около меня, провела направо, открыла какую-то дверь, откуда потянуло сыростью, втолкнула его туда и притворила дверь.

Дверь полуосвѣщенной комнаты пріоткрылась, вышел Чернец, взял меня за руку и провел через полуосвѣщенную прихожую в просторную довольно красивую комнату. В углу стоял большой письменный стол с двумя телефонными аппаратами, по срединѣ комнаты длинный большой стол, покрытый красным сукном, мягкій диван и мягкая мебель; вокруг стола сидѣли 6 чекистов, с которыми Болотин просил знакомиться и садиться.

Как оказалось, это было засѣданіе, касающееся меня и „Кіевщины". Мнѣ были поставлены вопросы ультимативнаго характера о Грицкѣ. Чтобы выйти из создавшагося положенія, я сдѣлал им ложную информацію и польстил их надеждой, что скоро я подберу матеріал и нужныя свѣдѣнія и тогда мы отправимся в поиски за Грицко.

Мое положеніе было совсѣм скверное, т. к. если бы чекисты меня задушили и вывезли, то никто бы никогда не отыскал моих

останков, т. к. ни жена, ни дѣти не знали, гдѣ я находился.

Засѣданіе коллегіи „че-ка“ признало мой доклад цѣлесообразным и отпустило меня с миром, а Болотин передал меня тут же сидѣвшему чекисту Гуревичу. Гуревич был здоровеннаго роста, толстый и жирный, как свинья; служил кассиром Рабкома на углу Севастопольской ул. и Базарной площади. Он обѣщал потом зайти ко мнѣ на квартиру для сговора о днях и часах наших встрѣч для передачи сводок. Провожая меня, Болотин приказал, чтобы я завтра сам в 9 часов вечера явился к нему на квартиру по особо важному дѣлу, отворил парадное и, пропустив меня, захлопнул.

Я бѣжал без оглядки на квартиру, с намѣреніем не позже, как завтра, бѣжать из Николаева. Повидимому коллегія „че-ка“, проводив меня, еще продолжала засѣданіе и у меня являлось сомнѣніе, почему именно завтра я сам должен явиться к Болотину? Что он, Болотин, замышлял против меня— отгадать было трудно, но идти к нему—равносильно, что идти в могилу.

На квартиру я возвратился совершенно больной и эту ночь почти не спал. Вся ночь и день прошли в совѣщаніях с женой и семейством. Несмотря на подписанное мною обязательство в „че-ка“ никому ничего не сообщать, я сразу же женѣ все подробно разсказал и мы тут же рѣшили бѣжать, но

куда? В Руминію или Польшу никак нельзя, а в Совроссіи оставаться тоже нельзя, ибо Г.П.У. меня сфотографировало и обязательно розыщет. Слѣдовательно, если и бѣжать, то только заграницу или в далекую Сибирь. Вопрос о бѣгствѣ окончательно был рѣшен еще в момент подписанія в Г.П.У. обязательства, но бѣгство осложнялось еще и тѣм, что не было средств.

Вечером в 9 часов я был у парадной двери квартиры Болотина. На мой стук дѣвка спросила:—кто?—„Ваня" отвѣчал я и дверь пріотворилась. Я ввалился в темный корридор и, идя ощупью, натолкнулся на стоявшаго около стѣнки неизвѣстнаго. Дѣвка взяла меня за руку и торопливо потащила вправо, пріоткрыла дверь, сунула меня, быстро затворила дверь и, взяв ее на запор, поспѣшно ушла.

Долго я стоял в совершенно темном, с затхлым воздухом, помѣщеніи. Я бялся двинуться с мѣста в предчувствіи какого-то крушенія или катастрофы. Мнѣ казалось, что я нахожусь в склепѣ и чудилось, что соприкасаюсь с мертвецами. Я потерял всякую надежду видѣть бѣлый прекрасный свѣт, свою бѣдную дорогую семью, родных и знакомых! Считал себя погребенным навсегда.

Меня пробудил новый стук в парадное, оклик дѣвицы (ея картавый жидовскій голос я хорошо усвоил), скрип дверей и топот вошедшаго; потом суетливый топот по корри-

дору, шопот около моей двери, новый топот, скрип парадной двери и снова мертвая тишина.

Жуткія минуты и страшныя переживанія! Новый стук в парадную, картавый голос— кто? тихій скрип дверей и топот по корридору, стук вторых дверей и опять мертвая тишина. Опять страх и жуть.

Наконец щелкнул засов, скрипнула моя дверь и чья-то рука, царапаясь по стѣнкѣ, дернула меня за плечо: это дѣвка тащила меня из гробницы. Когда я пролѣзал в узкую дверь, то столкнулся с неизвѣстным, котораго она вталкивала в гробницу и затѣм плотно закрыла дверь. Меня она провела в комнату, гдѣ сидѣл в одиночестоѣ Болотин.

Это была маленькая комнатка, в ней маленькій столик и два стула; комната без окон, освѣщенная электрической лампочкой. Очевидно это была пріемная для приходящих освѣдомителей из конспиративных квартир.

Разговор велся в полголоса. Болотин торопил меня немедленно и энергично дѣйствовать по выдачѣ Грицка, обѣщал деньги в любом размѣрѣ и, провожая меня, сказал, чтобы я пришел к нему в такое—же время через дня три—четыре.

Когда он пріотворил парадное и торопливо сунул меня в дверь, я столкунлся с евреем, в то время подошедшим к двери с намѣреніем постучаться; это был биржевик Левин. При видѣ незнакомца, Левин расте-

рялся и, чтобы выйти из дурацкаго положенія, спросил:—„товарищ, скажите, здѣсь доктор Гершко, мнѣ к больному?“ Я отвѣтил:—да, здѣсь, стучите! А сам забѣжал за угол и поспѣшно скрылся.

Наши наблюдатели передавали, что на квартиру Болотина еженощно являются с конспиративных районных квартир со сводками и за полученіем инструкцій и, вѣроятно, денег.

Новая конспиративная квартира Г. П. У.

Через дней 5—6 ко мнѣ на квартиру, Севастопольская № 129, часа в 4—5 дня явился Гуревич, но я его встрѣтил у калитки и пошел по улицѣ за угол; по дорогѣ он мнѣ передал маленькую схему, гдѣ значились улицы и дома и велѣл во вторник в 8 часов вечера быть на углу Фалеевской и Таврической ул., гдѣ он будет меня ожидать; затѣм он простился и ушел.

Во вторник, ровно в 8 часов, я пришел на условленное мѣсто. Ожидавшій меня Гуревич схватил меня за руку, шепнул—„за мной“ и быстрыми шагами побѣжал к парадному подъѣзду; я слѣдовал за ним; в темном корридорѣ подъѣзда Гуревич взял меня за руку и провел на занимаемую им квартиру, заперев за собой дверь.

Гуревич мнѣ по начерченной схемѣ показал, что еще есть ход через двор, но парадный самый удобный, т. к. на втором этажѣ помѣщается доктор по венерическим болѣзням, к нему всѣ венерики ходят вечером, когда становится совсѣм темно, и проходя по корридору, нахлобучивают шапки на глаза, чтобы их не опознали знакомые.

—Поэтому ваш приход, если кто замѣтит, будет приписан посѣщенію врача.

—В слѣдующій вторник валите прямо в корридор, потом налѣво и в первую дверь; но знайте,—когда дверь будет заперта, вы обязаны постоять минуты двѣ около двери и вам отворят.

—Теперь идемте, я вас познакомлю с задним ходом через двор, а в экстренных случаях валите прямо в рабком № 1, гдѣ я кассиром.

Потихоньку, как воры, крадучись, мы вышли во двор и через калитку я вышел на Фалеевскую ул. и быстро ушел на квартиру.

Я аккуратно по вторникам являлся к Гуревичу и однажды, в корридорѣ около двери Гуревича, я столкунлся со священником обновленцем, извѣстным под кличкой „Иван постник", он шел к Гуревичу со сводкой.

Помню еще и такой случай: когда я сидѣл у Гуревича и писал сводку (конечно, врал), то кто-то постучался в дверь; Гуревич моментально меня потащил во вторую комнату и запер на щеколду дверь; в замочную

скважину я видѣл, как к Гуревичу вошел бывшій помѣщик И. И. Н, что-то говорил и, передав конверт, торопливо ушел.

Гуревич, отпуская меня, сообщил, чтобы я на днях зашел к Болотину за полученіем каких-то денег.

Бѣгство из г. Николаева во Владивосток—Харбин.

1-го ноября 1925 г., в воскресенье, в 9 часов вечера, я был у Болотина. Болотин любезно меня принял, вручил мнѣ 50 руб. денег и просил поторопиться с отправкой на поиски Грицко. Провожая меня, он обѣщал ко дню отъѣзда выдать мнѣ документы с неограниченными правами и авансировать деньгами.

Это был послѣдній мой визит к Болотину. Дольше я оставаться не мог: или я должен ѣхать искать Грицка, искать с убійцами, головорѣзами—жидами; или должен бѣжать с семейством, или семейство оставить, а самому отправиться на поиски Грицка, дорогой перестрѣлять чекистов и бѣжать, но в этом случаѣ за меня пострадает семейство.

Поэтому я рѣшил бѣжать с семейством. Во вторник, 3-го ноября, я побывал в послѣдній раз у Гуревича, а затѣм оповѣстил, кого слѣдовало, о своем бѣгствѣ. Крестьянин

Б. за хорошую плату должен к 11 часам дня в четверг прибыть с подводой, забрать нас и увезти.

День и ночь шла тайная подготовка к бѣгству, а наши хозяева до самого бѣгства ничего не подозрѣвали. Параллельно шла подготовка к добычѣ денег для бѣгства. Жертвой были намѣчены жиды Баршад, Ельскій и Барскій.

В четверг 5 ноября, в 10 часов утра, мы вдвоем, с наганами в руках, явились к жидам на квартиру, взяли деньги, сѣли на стоявшую за городом подводу и в 11 часов дня двинулись по проселочным дорогам на Елисаветград, отстоящій от Николаева в 200 верстах.

Первую ночь ночевали в Федоровкѣ, вторую ночь на хуторах, третью ночь в г. Бобринец и только 8 ноября в 3 часа дня прибыли в Елисаветград.

Ночью на 9 ноября сѣли в поѣзд, идущій на Харьков, имѣя на руках билеты Елисаветград—Владивосток.

В Харьковѣ дал 10 руб. носильщику и мы пересѣли в поѣзд, идущій на Пензу. Из Пензы в Самару, из Самары в Челябинск.

В Челябинскѣ Г. П. У. меня задержало, но деньги выручили: дал начальнику Г. П. У. десять золотых (100 р.) и спокойно двинулся дальше.

В Сибири уже стояла зима; в Иркутскѣ была послѣдняя пересадка до Владивостока, и на 28 сутки ѣзды, утром 2 декабря, в четверг, мы прибыли во Владивосток.

Во Владивостокѣ квартир не было, в гостинницах свободных номеров тоже не было. Послѣ долгих исканій, у чертей не куличках отыскали квартиру по 2 Круговой ул. д. № 33. Соломенная вдова нас пріютила, хотя у нея в святом углу, рядом с иконой, были портреты Ленина, Троцкаго и Зиновьева. Здѣсь я прописался по фамиліи Ковралова.

Во Владивостокѣ я прожил всего двѣ недѣли и это время ушло на нащупываніе путей и способов пробраться в Китай. 16 декабря 1925 г., неожиданно для хозяйки, вечером мы сѣли в поѣзд и в 2 ч. ночи были на ст. Хорватово, гдѣ случайно попали к своему кубанцу, нынѣ Уссурійскому казаку.

Прожив 6 суток, пока были приготовлены подводы, 23 декабря утром на двух санях, с опытным контрабандистом, выѣхали по направленію к Китайской границѣ. Вечером прибыли благополучно в ст. Софіе—Александровку (Выселки), гдѣ переночевали, добавили еще двѣ подводы и двух верховых с винтовками и в 8 часов утра 24 декабря выѣхали из Выселок прямо к сопкам. Через час ѣзды мы были около горы Пыхты.

Страшная крутизна горы как бы предупреждала, что потребуются громадныя усилія

для перехода этих покрытых снѣгом сопок. Но нас, бѣгущих из совжидовскаго царства, ничто, никакія преграды и препятствія остановить не могли. Отдохнув, двинулись дальше, сначала верховые, а за ними, гуськом, четыре подводы. Всѣ шли около подвод, за исключеніем двух дѣтей—Николая и Маруси, которых, чтобы не вывалились, привязали веревками к саням.

Через 5-7 саж. лошади останавливались отдыхать и когда дошли до вершины сопки (версты три), то с лошадей и людей валил пот градом, несмотря на то, что на сопкѣ свирѣпствовала страшная вьюга.

Вершина сопки была границей Китая и Совдепіи.—Снявши шапку, я перекрестился и благодарил Господа Бога, ибо теперь я и семейство были для красной жидовской сволочи в недосягаемости.

Я торжественно воскликнул: „—Прощай, Родная Земля! Шлю проклятіе вам, позорные варвары и поработители земли Русской: интернаціоналисты, жидо-масоны и русскіе дураки и предатели, которые во имя идіота сифилитика Ленина предали жидам—міровым заговорщикам Русское, нѣкогда сильное и славное, Государство, свою вѣру православную и церковь.

—Даю клятву, что убѣгаю от палачей в сосѣднее государство не прятаться и не спасать шкуру, а для борьбы с міровым злом—

коммунизмом. Буду с ним бороться всѣми средствами и способами, ибо моя борьба есть святая національная борьба за освобожденіе всѣх націй от поработителей, грабителей, міровых эксплаотаторов—жидов и прогнившей русской бюрократіи, аристократіи и безсовѣстных трусов и тунеядцев капиталистов.

Усѣвшись в сани, бысто покатили мы вниз по ушелью к Пограничной. Я сидѣл на задних санях, с винтовкой и патронами в руках, для отраженія хунхузов.

Благополучно, в 1 час. дня 24 декабря 1925 года, прибыли мы в Пограничную.

С осени 1920 года, т. е. по уходѣ из Крыма арміи генер. Врангеля, я с семейством, хотя и оставался в Россіи, но уже был эмигрантом, который за пятилѣтнее пребываніе в СССР перемѣнил шесть фамилій: Ковчик, Ковчалов, батько Махно, П. Гуровскій, П. П. Фомин, Ковралов и только в 1925 году, на территоріи Китая, я снова имѣю собственную фамилію—Ковган.

Надѣюсь, что дружественный и гостепріимный китайскій народ, как великая нація, не проявит той дикости, варварства и подлости к подобному себѣ человѣку, как проявили и проявляют эти хамы интернаціоналисты—жидо—коммунисты к русской націи и русскому народу.

Надѣюсь, что в недалеком будущем, совмѣстно с Китайским народом, общими усиліями, под общим лозунгом—„Смерть коммунизму, соціализму, их варварству и хамству“,—мы покончим навсегда с этой язвой и паразитом всего міра и человѣчества.

И только тогда наступит на землѣ тишина, настанет культурная разумная жизнь и будет процвѣтать мирный труд.

О скитаніях и жизни в Китаѣ напишу в свое время, а сейчас писать не время!

Всемірный синедріон или всесильная „че-ка“.

Это—не комиссаріат (министерство). Нѣт, это—всесильная организація в Россіи и міровая.

У нея штатов нѣт, сферы дѣятельности —тоже, конституціи и законов нѣт. Ея штаты: нѣсколько милліонов людей, всѣх націй, всѣх сословій, всѣх политических организацій, представители всего преступнаго міра.

В настоящее время мощный аппарат красной жандармеріи строго централизован. С исторической Лубянки на всю Россію брошена широкая и прочная сѣть областных, губернских и уѣздных управленій.

Каждое управленіе разбито на ряд отдѣлов и самостоятельных столов. Среди отдѣлов и количественно, и качественно самые важные: контр-развѣдывательный и секретно-оперативный

В контр-развѣдкѣ и секретно-оперативном отдѣлѣ вся главная работа учрежденія. Здѣсь сердце и мозг террора. Все остальное носит обслуживающій или вспомогательный характер. Все остальное незначительный придаток.

Контр-развѣдка Г.П.У. обязана блюсти и не дремать. От старой охранной полиціи унаслѣдовала она вольных и невольных освѣдомителей.

Положеніе, занимаемое ими, не слишком завидно. Содержаніе отпускается небольшое.

Особо примѣчательны среди них многочисленные кадры „Сексотов“ (секретных сотрудников), в этой средѣ вы встрѣтите офицеров генеральнаго штаба, генералов, князей, бывших соціалистов, священников, бывш. и настоящих коммерсантов и особенно женщин всѣх положеній.

Монархист и анархист, крупный торговец и босяк, бывшій князь и крестьянин, бандит, митрополит и пономарь, а націй-их не пересчитать: великоросс, малоросс, бѣлорусс, чувашин, мордвин, татарин, узбек, киргиз, кара-киргиз кара—колпак, таджик, туркмен, белудж, зырянин, самоѣд, лопарь, гиляк, тунгус, орочен, бурят, монгол, айзеберджанец, дунганин, армянин, грузин, осетин, ингуш, имеретин, горец, кабардинец, черкес, цыган, всѣ евреи, нѣмец, русскій, карел, гольд, японец, китаец, румын, серб, словак, чех, венгр, австріец, болгарин, кореец, индус, турок, афганец, англичанин, перс, араб, литовец, поляк, финн, латыш, эстонец, американец и вообще нѣт такой націи на землѣ, гдѣ—бы не было представителя этого гнуснаго учрежденія.

Сфера дѣятельности ГПУ, всѣ отрасли жизни в самой Росссіи и политическій и экономическіи и военный шпіонаж во всѣх странах и государствах земли.

Законы для внутренней жизни Россіи на ГПУ не распространяются, внѣшними и иностранными оно пренебрегает.

Официально это учрежденіе состоит при совнаркомѣ СССР и по нѣкоторым, довольно неясным, законоположеніям и разъясненіям-при наркомвнутдѣлѣ, но никому оно не подчиняется, даже суд над сотрудниками своими творит само, не довѣряя государственному или партійному суду: партійный суд для него проформа—постфактум.

Управляется чека Коллегіей, состоящей из начальника—предсѣдателя, его замѣстителя, членов—начальников крупных отдѣлов, секретаря партіи и предсѣдателя исполкома (послѣдніе два только в крупном масштабѣ и не всегда).

Сексоты.

„Сексоты" считаются на государственной службѣ. Еженедѣльно тащат они сводки своих наблюденій о порученном лицѣ, группѣ или средѣ. Еженедѣльно, как мыши, ползут в щели ГПУ, прячась от многочисленных невольных наблюдателей.

Установлена т. н. карточная система. В сѣть этой системы заполучены почти всѣ городскіе милліоны населенія. Сквозь нее не проскочит ни одна бѣлогвардейски-настроенная рыбка.

У каждаго свободнаго гражданина СССР в отдѣлѣ имѣется своя карточка. Туда заносится все характерное и предосудительное, им сказанное и о нем услышанное. Там имѣется его точная біографія и зачастую не менѣе точная характеристика. Там же, наконец, ведется нѣчто вродѣ его дневника, куда в хронологическом порядкѣ вносится все примѣчательное, начиная с момента составленія синодика.

Для пополненія карточных свѣдѣній и прочих наблюдательных цѣлей существует фантастически огромная армія секретных, тайных, обязательных и добровольных доносчиков.

Многіе втянуты в работу случайно. Женщины, да зачастую и прочіе запугиваніем или шантажем, прелюбодѣяніем и развратом.

В случаѣ непредставленія к сроку сводки провинившійся агент тотчас берется на подозрѣніе. Заподозрѣнных, при наличіи рецидива, предают негласному чекистскому суду (в изъятіе из общаго правила ГПУ само негласно судит своих сотрудников). С осужденным расправляются самым свирѣпым образом. Осужденный исчезает с лица земли неслышно и незримо: их увозят и убивают.

Попавшим в „сексоты" возврата нѣт. Если „сексот" случайно расконспирировался, его отправляют в другое мѣсто, гдѣ он возобновляет свою грязную работу под другой

личиной. „Сексотами“ насыщены всѣ поры россійской жизни. „Сексоты“—маховое колесо совѣтской системы управленія.

Тайные агенты.

В паутинѣ ГПУ сексотная сѣть занимает весь первый план. Слѣдующая ступень—агенты тайные. Старые знакомцы россійских обывателей—гороховыя пальто. Низшая каста чекистов. „Труженики наблюденія“, которым обычно поручается слѣжка за подозрительными лицами, квартирами, а также, как это практикуется в Москвѣ, за всѣми большими густо населенными домами.

В общей системѣ наблюденія роль их пассивна и незначительна. Наблюдаемый обычно очень скоро обнаруживает их служебное рвеніе. В общем они лишь дополнительная и общепринятая „техника“. Чѣм-нибудь своебразным и специфическим похвастаться не могут.

Несравненно активнѣе помощь, приносимая от казенной информаціи, даваемая согласно партійному и „сочкомному“ долгу комячейками, профсоюзами, рабкорами, красными студентами и т. д. и т. д. Согласно „партэтики“ донос признан моральным долгом. Доносорвеніем горит каждое подлинное коммунистическое сердце.

Донос и предательство—символ подлинно—большевицкаго поведенія.

За доносчиками по положенію идут доносчики добровольные, доносчики по призванію, не обязанные к тому долгом службы. Живистскіе батюшки, нэпманы и прочіе разнаго рода „подкоммунивающіе“ не оставляют своим благосклонным вниманіем ГПУ при техническом содѣйствіи почтоваго вѣдомства. Они источник непредвидѣнной, но зачастую весьма цѣнной помощи. Они—одна из самых отвратительных прыщавых гримас чудовщной совѣтской жизни.

Армія разнокалиберных постоянных и случайных служителей ГПУ—феноменально велика. Если сложить всѣ перечисленныя категоріи,—к стыду и позору Россіи—получится сумма в нѣсколько милліонов вольных и невольных негодяев.

Один мой хорошо освѣдомленный знакомый увѣрял, что в Москвѣ (гдѣ слѣжка особенно интенсивна) на каждые 10 человѣк приходится в среднем 2 доносчика. Такая пропорція может быть не точна, но такая пропорція во всяком случаѣ весьма вѣроятна.

Направляя и организуя наблюденія, контр-развѣдка не брезгует и частной корреспонденціей. Для этого в отдѣлѣ существует спеціальный стол, вскрывающій письма при помощи особых электрических машинок. Для этого в почтовых вагонах рейсируют особые цензора, вскрывающіе примѣрно из 6 писем

одно. Для этого во всѣ почтовыя отдѣленія посылаются особые списки лиц, письма которых подлежат предварительной отсылкѣ в Г. П. У.

Работа производится настолько чисто, что на вскрытом, а послѣ закрытом письмѣ не остается почти никаких слѣдов ознакомленія. Остается чуть замѣтный треугольник, гдѣ нибудь в углу. Треугольник, через который особый электрическій стержень вытягивал трубочкой закрученное письмо.

Дѣйствуя в том же направленіи, контрразвѣдка печатся о всѣх плавающих и путешествующих. Контролирует всѣх пріѣзжающих и уѣзжающих, дает заграничные паспорта лишь тѣм, у кого имѣется совершенно чистая карточка.

Контр-развѣдкѣ принадлежит, наконец, еще одна очень важная политическая функція.

Располагая столь колоссальной информаціей, контролирует она всѣ поступленія на государственную—административную, кооперативную и хозяйственную службу. Всѣ новыя назначенія, от уборщика до зава включительно, утверждаются ею. Много десятков тысяч „подозрительных“ тяжко страдают от ея систематических неутвержденій.

Такова вкратцѣ многообразная и чрезвычайно активная работа контр-развѣдывательнаго отдѣла.

Когда находит он нужным кого-либо арестовать, дѣло передается в отдѣл секретно-оперативный.

Секретно-оперативный отдѣл по существу своему—слѣдственный орган. В его распоряженіи кадры озлобленных и наглых, в большинствѣ совершенно некультурных мальчишек слѣдователей. Они исключительный по качеству отбор. Отбор наиболѣе кровожадных из партіи, создавшейся также путем отбора наиболѣе завистливых и злых. Недаром даже в самой РКП составляют они особую касту.

Не даром так много среди них всевозможных физических уродов.

Разнаго рода одноглазых, одноруких и пр. калѣк.

Получив дѣло от контр-развѣдки, очередной слѣдователь ведет слѣдствіе, копается в карточках, устанавливает слѣжку, привлекает надлежащих сексотов. Обычно особой иниціативы он не проявляет. Больше полагается на данныя и предварительные выводы контр-развѣдки. Свою работу сводит к арестам, обыскам и допросам. Самое дѣло зачастую расчленяет.—Наблюденіе и надзор за тѣми, кто по дѣлу привлекается, но остается на свободѣ, опять таки поручает болѣе приспособленной контр-развѣдкѣ.

Если в результатѣ слѣдствія, которое может „законно“ тянуться неопредѣленно долго (в среднем мѣсяцев шесть) обнаружит-

ся какой-нибудь инкриминирующій матеріал, по которому хотя бы за уши можно подтянуть дѣло под одну из статей уголовнаго кодекса, дѣло передается в трибунал. В противном случаѣ оно направляется по „административной линіи“. Отдается на негласный суд мѣстнаго и центральнаго ГПУ.

До послѣдней вспышки террора рѣшеніе по всѣм таким административным дѣлам имѣло обычно двѣ инстанціи. Первая инстанція—коллегія мѣстнаго ГПУ. Вторая—междувѣдомственная комиссія от центральнаго ГПУ и Наркомвнудѣла в Москвѣ. Мѣстная коллегія выносила рѣшеніе. Московская комиссія утверждала или неутверждала приговор.

Коллегію ГПУ, по правилу, составляют начальники отдѣлов оперативнаго и развѣдывательнаго и их замѣстители. Дальше включается замѣститель предсѣдателя всего управленія. Дальше (на правах предсѣдательствующаго) сам товарищ начальник.

Шемякин суд и цензура.

Дѣло разбирается кровавым синедріоном не с точки зрѣнія дѣянія (в этом случаѣ его направили бы в трибунал), а с точки зрѣнія „человѣка“. Матеріалом служат данныя контр-

развѣдки и впечатлѣнія слѣдователя. Рѣшеніе выносится не по формальным признакам, а согласно внутренняго (чекистскаго) убѣжденія.

Раньше в большинствѣ случаев разсмотрѣніе кончалось высылкой. Разстрѣл был сравнительною рѣдкостью (в Нарсудах разстрѣливали гораздо больше).

Теперь стѣнка и здѣсь количественно стала конкурировать с Соловками. Разстрѣл занял свое прежнее положеніе, утраченное в чекистском правосудіи за годы, смѣнившіе военный коммунизм.

Междувѣдомственная комиссія, получив дѣло с рѣшеніем мѣстнаго отдѣла и мнѣніем губернскаго прокурора, рѣдко вносила в него измѣненія. С его утвержденіем судьба арестованнаго опредѣлялась окончательно. Начиналась часть исполнительная.

Жертва переходила в руки особых тюремных исполнительных органов ГПУ.

Из вспомогательных операцій, которыя ведет ГПУ на мѣстѣ, сошлемся хотя бы на слѣдующія.

1. Бѣлый учет. Учету подлежат всѣ бывш. генералы, офицеры, юнкера, военные чиновники, как служившіе, так и не служившіе в бѣлых арміях. Всѣ они обязаны являться—одни еженедѣльно, другіе ежемѣсячно в надлежащій отдѣл. В отдѣл каждый раз обя-

заны сообщать о всяком измѣненіи адреса или рода занятій. Для отъѣзда (постояннаго или временнаго) обязаны брать разрѣшеніе, которое иногда и не дается.

2. Учет литературы и цензура. ГПУ ведет просмотр получаемых магазинами книг и журналов. Агенты ГПУ на закрытых просмотрах цензуруют киноленты. Наконец, спеціальный стол в Чекѣ, внѣ зависимости от губернской цензуры, ведет вторую предварительную цензуру всѣх рѣшительно изданій („военно-полевой контроль“).

Помимо твореній госиздата, всѣ прочіе новые и старые журналы и книги по библіотекам, магазинам и читалкам подвергаются строгому пересмотру и отбору. Изымается все „отдающее духом идеализма“. Изымается безжалостно. Изъяты Тургенев, Гончаров, нѣкоторыя вещи Толстого и даже Пушкина.

На случай мятежных вспышек и возстаній при ГПУ имѣются особыя войска, сохранившія дореформенное наименованіе чекистов. Общая численность их по разным свѣдѣніям простирается до 200 т. Комплектуются они из бывших партизан, прежних чекистов и пр. кровавых отбросов революціи. Сведены в особые отряды особаго назначенія.

Чекистскія войска безусловно реальная сила. Попавшіе туда головорѣзы основатель-

но обучены, до отказа распропагандированы и недурно вооружены. В будущей войнѣ составят они наиболѣе надежный кадр красных опричников.

Это всемірное судилище-синедріон III интернаціонала—покровитель Израиля в землѣ „обѣтованной“, каковой для жидов сдѣлалась Россія.

Часть 5.

Чорт в рясѣ.

Обновленцы в Николаевѣ.

В бытность мою в Николаевѣ, Херсонской губерніи, мнѣ пришлось воочію наблюдать сатанинскую работу жидо-масонов большевиков по разрушенію религіи.

В Николаевѣ было всего 11 церквей: Старо—Купеческая, Ново—Купеческая, Гарнизонный Собор, Семеновская, Касперовская, Старообрядческая, Кладбищенская, Александровская, Полковая, Слободская и Греческая.

Большинство церквей было сооружено и поддерживалось иждивеніем рабочих, т. к. в старое время Николаев был населен по преимуществу рабочими, занятыми на судостроительныхъ заводах и на заводах земледѣльческих машин и орудій.

Были в Николаевѣ и синагоги, так как в нем жило значительное количество евреев, или, как их рабочіе называли, жидовскаго племени—жидов. И синагог было чуть ли не вдвое больше, чѣм христіанских храмов.

Вполнѣ естественно, что синагоги пользовались покровительством жидовско-совѣтской власти, а православные храмы были едва лишь терпимы до поры до времени.

Надо сказать, что почти все русское населеніе Николаева, за исключеніем нѣскольких десятков негодяев, продавшихся жидо-коммунистам, было привержено к церкви, чтило святѣйшаго патріарха Тихона, глубоко уважало своего епископа Прокопія и находи-

лось в тѣсном духовном общеніи со своими пастырями.

Такое положеніе, конечно, было очень не по душѣ безбожной власти сатанистов и они рѣшили внести разложеніе в среду вѣрующих.

С этой цѣлью весной 1923 года „че-ка“ ночью внезапно ворвалась в квартиру епископа Прокопія, перевернула в квартирѣ все вверх дном, обыскала самого епископа, не переминув „изъять“ всѣ цѣнности и деньги и затѣм увела епископа и посадила его в сырой и темный подвал.

Это был уже вторичный арест любимаго народом епископа—преданнаго слуги Церкви и добраго пастыря стада Христова. Послѣ перваго „че-ка“, под давленіем рабочих и крестьян, принуждена была его освободить.

Вѣсть об арестѣ епископа моментально разнеслась по всему Округу. Всюду и всѣ, особенно рабочіе кварталы, заволновались, а жены рабочих толпой валили к зданію „че-ка“, с требованіем освободить епископа под поручительсво всѣх приходов, но „че-ка“ никаких ходатайств по дѣлу епископа не принимала и даже отказалась назвать тѣ обвиненія, в силу которых епископ арестован и содержится в темном подвалѣ.

Приносимую для епископа пищу не принимали, а собирающихся чекисты разгоняли нагайками или переписывали и дѣлали обыск в их квартирах, арестовывали и сажали в

подвалы, терроризируя, дабы отучить непокорных.

Прихожане не могли забыть своего любимаго епископа, но средств для помощи не было, ибо правосудіе и закон в совжидовіи отсутствуют.

Судьба и жизнь граждан Совдепіи всецѣло находится в руках „че-ка“ или, как его теперь именуют, Г.П.У.

И конечно, епископ Прокопій был арестован не за какую либо вину и не для гласнаго над ним суда, а для обыкновенной подлой расправы, как вѣрный страж Церкви и покорный патріарху архіерей.

Пріѣзд чорта в рясѣ.

Вскорѣ послѣ ареста епископа Прокопія православные г. Николаева были оповѣщены, что на мѣсто епископа Прокопія назначен из Одессы епископ Константин, который прибывает в Николаев тогда—то (были указаны даже часы прибытія).

Власти до того „подобрѣли“, что дали разрѣшеніе на торжественную встрѣчу епископа всѣми приходами.

В назначенный день и час от всѣх приходов двинулись торжественные крестные ходы во срѣтенье новаго архипастыря. Во всѣх церквах раздавался радостный звон колоколов и православные надѣялись встрѣтить

в лицѣ епископа Константина такого же поборника вѣры и закона церковнаго, каким был арестованный епископ Прокопій.

Многіе надѣялись, что, быть может, новому епископу удастся освободить из подвалов „че-ка" епископа Прокопія и многих томящихся там священников.

Таково было радостное и приподнятое настроеніе встрѣчавших епископа Константина православных людей.

Надо оговориться, что в то время в Николаевѣ никто и понятія не имѣл об образованіи „обновленчества" и о существованіи обновленческаго „святѣйшаго синода"—этого филіальнаго отдѣленія Г.П.У. и коминтерна.

Послѣ своего прибытія епископ Константин собрал к себѣ на квартиру священиков всѣх приходов, устроил товарищеское собесѣдованіе, выслушал доклады священников о мѣстных нуждах, подѣлился новостями Москвы и о „Святѣйшем Синодѣ", нарисовав картину,—что образовавшійся Синод—есть опора православной церкви и что Синод создан с вѣдома и согласія самого Патріарха Тихона и, что Тихон это согласіе дал негласно, чтобы обмануть соввласть, для поддержанія духовных и матеріальных нужд православной церкви и ея служителей—духовенства, ибо Тихоновская Церковь попала в опалу у большевиков, а новая „обновленческая"—будет пользоваться нѣкоторой милостью у соввласти и таким образом многіе из духо-

венства избѣгнут тѣх преслѣдованій и пыток, которым подвергаются в настоящее время.

Другого выхода, по словам Констанина, нѣт; соввласть укрѣпляется, крестьяне и рабочіе соввластью довольны, иностранцы — Европа признала и признает.

—Мы, одно духовенство, бороться против существующей власти не в силах, да и не должны. Ибо это противно Богу и против заповѣдей церковных.

Послѣ зажигательной рѣчи епископ Константин предложил присутствующим дать подписку в том, что они отказываются от Патріарха Тихона и его Церкви,—признают обновленческую церковь и обязуются свои приходы вести в духѣ обновленческой церкви, при Богослуженіи поминать не Патріарха Тихона, а Святѣйшій Синод и Митрополита Евдокима и в дальнѣйшем только его, епископа Константина, распоряженія исполнять...

Между священниками пошли совѣщанія: одни толковали так, другіе иначе, ибо это новшество было для всѣх загадкой, по той простой причинѣ, что в СССР при полной „свободѣ, братствѣ и равенствѣ“—печать только казенная—коммунистическая, частной печати нѣт, значит и печатная информація отсутствует, а если и есть, то ложная.

Поэтому никто из духовенства не знал истинной подоплеки обновленчества и истинных физіономій представителй этого „ученія“,

Да и не довѣрять епископу Константину не было никаких основаній:

Православная Церковь в лицѣ епископов еще не видала предателей и измѣнников, а привыкла видѣть заступников и борцов за вѣру и церковь православную,—борцов, не щадящих собственной жизни. Слѣдовательно —особаго сомнѣнія не было и быть не могло.

Чорт показывает когти.

Присутствующіе почти всѣ подписались, за исключеніем священников Кладбищенской и Полковой церкви, да священника о. Николая Ново—Купеческой церкви.

Для отказавшихся подписаться послѣдствія были таковы: о. Николая епископ Константин отрѣшил от службы, а потом его арестовала „че-ка".

Остальные потом, под предлогом всевозможных казусов, разновременно были арестованы „че-кой". Священника Полковой церкви „че-ка" арестовала за то, что в церкви, во время службы, прислуживал ему мальчик лѣт 14, сын церковнаго сторожа. Это, видите ли, на том основаніи, что священник подрывает авторитет соввласти и игнорирует законы, беря в услуженіе сына сторожа без „биржи труда" и союза молодежи-„комсомола", т. к. в СССР можно пользоваться

подсобным трудом малолѣтних только через их союзы—комсомолы, требуется регистрація на биржѣ труда и обязательное страхованіе от несчастных случаев, причем деньги в страхкассу должны вноситься вперед.

За неисполненіе этих правил виновные карались тюрьмой от 6 мѣсяцев до 3 лѣт.

Этим и иными способами „че-ка" постепенно устраняла с обновленческаго пути вѣрных патріарху священников, гноила их в подвалах и всячески над нами издѣвалась, например, помѣщала их вмѣстѣ с отпѣтыми уголовными преступниками.

Многіе из священников сходили с ума и тогда их помѣщали в сумасшедшій дом. Родных и знакомых к ним не допускали и они считались заживо погребенными.

Сатанинское обольщеніе.

Епископ Константин с дьявольской ловкостью сразу сумѣл завоевать и завоевал симпатіи почти всѣх прихожан—вѣрующих. Его полюбили и обожали.

Да и как такого неустрашимаго защитника было не любить?

До пріѣзда епископа Константина почти все время, с начала революціи, прихожане были лишены живого священнаго слова и толкованія Святого писанія, т. к. настоятели церквей не могли исходатайствовать перед

властями об очищеніи принадлежащаго церкви помѣщенія от дѣтской площадки, не могли получить и разрѣшенія прихожанам, по старому, в дни праздников собираться на бесѣду и для слушанія Священнаго писанія.

Правда, попытки были, но их в корнѣ парализовали; было сказано „властью“: „пока вас из церквей не выгнали,—живите, иначе устроим клубы“...

Повидимому таких трудностей не было для епископа Константина, т. к. стоило только приходу об этом заговорить, через сутки помѣщеніе было освобождено, дѣтскую площадку убрали и предоставили помѣщеніе в полное распоряженіе епископа Константина, с правом веденія бесѣд и лекцій по собственному его усмотрѣнію.

Затѣм епископу Константину разрѣшили совершать крестные ходы для водосвятій, тогда как до его пріѣзда „че-ка“ не разрѣшала дѣлать крестные ходы даже в церковной оградѣ.

Как же такому талантливому и неустрашимому защитнику Православной церкви не радоваться, не симпатизировать! Имя его гремѣло далеко за предѣлами Николаева.

Вѣрующіе толпились вокруг него, ловили его взор; прихожане всюду вели разговор исключительно о епископѣ Константинѣ, всѣ его восхваляли и передавали друг другу невѣроятныя вещи,—даже что епископ Констан-

тин предполагает открыть в городѣ Николаевѣ школу для обученія дѣтей закону Божьему (в СССР преподаваніе закона Божьяго запрещено под страхом разстрѣла).

Прихожане ему приписивали все и даже утверждали, что епископ Константин не подчиняется мѣстной власти, а только Москвѣ, и потому дѣлает все, что полагается для Православной церкви.

Были среди прихожан и такіе, что ругали свое духовенство, говоря:—если бы вот таких владык было побольше, она бы, вѣра Православная, крѣпче держалась и церковь большевики не притѣсняли бы.

А то что: эти наши отцы духовные, то и дѣло прячутся, а за порядками да за правилами церковными не смотрят и нас запугивают большевиками, да соввластью: как что,—так мол нельзя,—заарестуют.

Все нам говорят, что большевики—разбойники и грабители... вот они-то и церковь Божью ограбили, позабрали золото и серебро.

Небось, ежели бы этот епископ Константин был у нас в ту пору,—ей Богу, он бы не допустил, отстоял бы: вишь, он никого не боится... и все дѣлает по справедливости и его не арестовывают... а наших арестовывают да обыскивают.

—Ну а теперь, уж видно, как Божій день, что они то—наши, сами виноваты, а за них и церковь святая пострадала, потому что

они хоть и шопотом, а все-же говорили, что соввласть-большевики грабители-разбойники... и договорились: тѣ думают—все равно нас называют грабителями—церковь ограбили и попов арестовали и нашему брату всыпали: проучили, чтобы мужик не лѣз куда ему не слѣдует,—дѣло это не твое-мужицкое, а „поповское“,—ну и пускай там „попа“ дерут по заслугам, а наше дѣло сторона“...

Так разсуждали прихожане, хотя и не всѣ, но многіе.

Выходило так, что священники виноваты в том, что большевики ограбили церкви и их самих арестовали, и в том, что во время изъятія цѣнностей церковных, соввласть порола нагайками мужиков, женщин и т. д.

Читатель может подумать, что сказано все это было каким либо неопытным мужиком? Нѣт и нѣт: это было пущено окольным путем от того же епископа Константина, его же ловкими и неуловимыми агентами для полнаго затуманиванія, для натравливанія прихожан на священников, с которыми они сжились, для поднятія епископскаго престижа.

Это говорилось в тот момент, когда готовились аресты нѣскольких священников.

Все дѣлалось планомѣрно, продуманно: говорилось и пускалось в ход всегда то, чего требовал момент и обстоятельства.

Собор чертей в рясах.

В маѣ мѣсяцѣ 1923 года владыка производил выборы от прихожан на „всероссійскій церковный собор“ и ясно, что красный епископ был избран от всѣх приходов, т. к. его кандидатуру никто не рѣшался снимать, да и сам „собор“ предполагался красно—совѣтским и потому из духовенства не было охотников идти на это сборище сатанинское.

Кромѣ того, епископ прихожанам заявил, что на „Собор“ не всѣх избранников пустят, а будут допущены только тѣ, кого лично там знают. Но прихожане все же и второго кандидата избрали: старосту Старо-Купеческой Церкви.

Как и слѣдовало ожидать, его из Харькова возвратили в Николаев.

Таким образом „собор“ был составлен исключительно из красных попов и архіереев и нѣкоторых „мірян“—чекистов.

Естественно, что и постановленія собора отличались духом сатанизма и жидоприслужничества.

Первое постановленіе „собор“ вынес о лишеніи сана патріарха Тихона, чтобы дать возможность совѣтской власти судить главу Православной русской Церкви как обыкновеннаго гражданина.

Замѣчательно по своему безстыдству

„Обращеніе“ собора к атеистической власти III-го интернаціонала. Начинается это обращеніе так:

— *Второй собор русской православной церкви, открывая свои работы, шлет свою благодарность Всероссійскому Центральному Исполнительному Комитету за разрѣшеніе собраться избранным сынам церкви, чтобы обсудить назрѣвшіе вопросы...*

Вмѣстѣ с этой благодарностью собор шлет свое привѣтствіе верховному вождю рабоче—крестьянской власти товарищу Ленину...

Великій октябрьскій переворот государственным методом проводит в жизнь великія начала равенства и труда, имѣющіяся и в христіанском ученіи...

В. И. Ленину собор желает скорѣйшаго выздоровленія, чтобы он снова стал впереди борцов за великую соціальную всемірную революцію...

А один из главных руководителей этого сборища чертей в рясах—протоіерей Введен-

Я, герой из всѣх героев,
На Кремлѣ Русском возсѣдаю
И с высоты на трупы гоев
Всегда с презрѣніем взираю....

скій выразился еще откровеннѣе, еще безстыднѣе:

— Мы должны обратиться со словами глубокой благодарности к правительству, которое, вопреки клеветѣ заграничных шептунов, не гонит церкви.

— В Россіи каждый может исповѣдывать свои убѣжденія.

— Слово благодарности должно быть высказано единственной в мірѣ власти, которая творит, не вѣруя, то дѣло любви, которое мы, вѣруя, не исполняем, а также вождю совѣтской Россіи и мірового пролетаріата В. И. Ленину.

Еще „пикантнѣе" слѣдующій абзац из „соборнаго постановленія" веселых чертей в рясах:

— Церковным людям не надлежит видѣть в совѣтской власти — власть антихристову, — наоборот, — собор обращает вниманіе, что совѣтская власть одна во всем мірѣ имѣет осуществить идеал Царства Божія; по-

этому каждый вѣрующій церковник должен быть не только предан церкви, но и совѣтской власти и ея революціонным вождям"...

Епископ—сотрудник Г.П.У.

Шли дни, недѣли, мѣсяцы. Епископ Константин служил поперемѣнно в разных церквах, два раза в недѣлю устраивал лекціи и собесѣдованія и так себя умѣло вел, что его большинство православных считало своим.

Да и немудрено: время от времени, под шумок, сей „святой чорт" поругивал большевиков и совласть. Ясно, что он—„наш".

В то же время большинство священников прозрѣло и убѣдилось, что архіерей является предателем церкви и измѣнником вѣры, но ничего подѣлать не могли, т. к. на сторонѣ Константина были прихожане и власть.

Тѣх священников, которые пытались перейти обратно в патріаршую церковь, „че-ка" по наущенію чорта в рясѣ безпощадно арестовывала и мучила.

Но уже нашлись люди, которые слѣдили за каждым шагом епископа Константина, чтобы изобличить его. За ним по пятам, днем и ночью, наблюдало три человѣка.

И труды их даром не пропали: в одну из ночей, около 1 часу, кто-то в черном, средняго роста, подошел к парадной двери квартиры епископа Константина,—он квартировал в церковном домѣ, около Ново—Купеческой церкви. Незнакомец постучал, дверь отворилась, незнакомец вошел и дверь захлопнулась; все замерло... через час—полтора дверь отворилась, незнакомец в черном вышел, повернул налѣво и пошел по Пограничной улицѣ.

Для того, чтобы убѣдиться, кто он, пришлось устроить слѣжку, но на этот раз она была неудачна и он остался неизвѣстным.

Прошло новых нѣсколько безсонных ночей для людей—засады.

Неизвѣстный в черном снова появился у дверей епископа и, когда вышел, то пошел по М. Морской ул. На этот раз была полная удача и неизвѣстный стал извѣстным: это был плюгавенькій жидок, помощник начальника „че-ка" города Николаева, по фамиліи Бронштейн, по „че-ка"—„Болотин", уроженец города Бобринца, по профессіи парикмахер, а в данное время чекист с 1918 года.

Цѣнное открытіе было гибелью краснаго епископа, гибелью его трудов, его достиженій в области завоеванія симпатій среди прихожан.

Выдвинулась группа, которая и приступила к точному выявленію политики краснаго епископа.

По мѣрѣ выявленія его работы, приходы его рѣдѣли, и постепенно прихожане уходили к Тихоновцам, в Кладбищенскую и Полковую церкви.

Вѣрующіе не могли быть равнодушными и спокойно относиться к происходяшему: у главы православной церкви, епископа, по ночам бывает принят жид—чекист; чекист, который, начиная, с 1918 года и по сегодняшній день, сам лично разстрѣливал православных русских людей,—священиков и епископов; жид, на совѣсти котораго лежат сотни, а может и тысячи человѣческих жизней;-жид, который осиротил и обездолил тысячи русских православных дѣтей,-жид, который половину жен—превратил во вдов...

Послѣ такого разоблаченія, не было надобности доказывать, что епископ Константин —чекист, что он агент „че-ка"; доказывать, что пославшій его „сов-святѣйшій синод" есть не что иное, как отдѣленіе коминтерна; что пресловутое „обновленческое" движеніе есть красная—революціонная коммунистическая церковь.

Как вѣрующіе реагировали на это, говорить нѣт надобности: сразу цѣлые приходы и священники переходили на сторону патріарха Тихона.

Прихожане во время бесѣд-лекцій начали ловить краснаго епископа на двусмысленных словах и фразах.

Бесѣдуя на темы из Священнаго Писанія, епископ никогда не говорил, что такое-то событіе было, а всегда говорил:—преданіе разсказывает, что произошло то-то,—предоставляя слушателям самим рѣшать вопрос, было это или нѣт.

Например, в бесѣдѣ о сотвореніи міра он выразился так:—по Писанію Бог сотворил человѣка из глины, а Дарвин учит, что человѣк произошел от обезьяны. И больше он ничего не добавил!

Ясно, что вмѣсто пастыря добраго и ревнителя вѣры перед слушателями был безбожник в рясѣ, „святой чорт“.

В своей частной жизни епископ Константин окружал себя „сестрами“. Какого сорта были эти „сестры“ можно судить хотя бы по его повседневным посѣтительницам Р.

Старуха мать, лѣт 50, и ея дочь Елена Р.—22 лѣт, ежедневно посѣщали епископа, чаевничали с ним, а Елена раскуривала папиросы.

Поведеніе этой „сестрицы“ Елены было настолько предосудительно, что ее и ея мамашу форменным образом выставила с квартиры старуха тетка.

Елену посѣщала разнузданная молодежь, среди которой было много жидков и Елена не стѣснялась на глазах у тетки садиться на колѣни кавалерам и прижиматься к ним. Тетка не стерпѣла и выставила вон развратную дѣвку.

Послѣ этого Елена сошлась с жидом Сибером, часовых дѣл мастером, лѣт 50-ти.

Выкинув такой трюк, она продолжала бывать у епископа и пользовалась его благосклонным вниманіем.

Таков нравственный облик краснаго епископа, покровительствующаго „свободной любви"...

Крушеніе краснаго чорта.

Мог ли красный епископ Константин предвидѣть то, что случилось в Николаевѣ, да еще послѣ такой радостной встрѣчи? Казалось бы, что этого никогда быть не могло.—Расчитывать на изгнаніе, да еще столь позорное и жестокое не приходилось. Но, как увидите, невозможное—дѣлается вполнѣ возможным.

Уже по возвращсніи из Москвы с краснаго „собора", его репутація была подмочена... Начинаются мрачные дни, померкла его звѣзда и всѣ усилія ни к чему не привели. Епископ Константин мечется как угорѣлый во всѣ стороны, но всюду безуспѣшно: его карьера была закончена в Николаевѣ на всегда.

Православная церковь и прихожане его ненавидѣли и проклинали. Стоило епископу появиться на улицѣ или в церкви, как его во всеуслышаніе ругали. Называли его

чекистом, жидовским слугой; женщины и дѣти без стѣсненія выкрикивали:—красный чорт, чекист, предатель, христопродавец, жидовскій подхалим и т. д.

По правдѣ говоря, это и был красный чорт в рясѣ.

Он все же оставался в Николаевѣ довольно долго и объявил прихожанам, что он епископ и баста! никакія угрозы и оскорбленія его унять и удивить не могут, что он будет вести жестокую и безпощадную борьбу с Тихоновской церковью и ея послѣдователями и всѣми средствами и силами будет способствовать процвѣтанію обновленческой церкви, до полнаго торжества послѣдней, а Тихоновщину обѣщал вырвать с корнем, как гидру контр—революціи и врага рабоче—крестьянской власти...

В такой ужасной борьбѣ прошел почти весь 1924 год и только осенью 1924 года—красный епископ был окончательно изгнан и бѣжал, позорно бѣжал.

Послѣ долгих колебаній он рѣшил бѣжать, ибо женщины собирались ему залить глаза сѣрной кислотой.

Однажды так ему и заявили, когда он пріѣхал в Старо—Купеческую Церковь служить литургію.

В церковь его женщины не пустили—преградили вход, на том основаніи, что вчера церковь была вновь освящена и чекистов в алтарь онѣ не пустят.

Епископ было заикнулся насчет милиціи, крича, что под охраной ея будет служить... Но тут приход ему категорически заявил, чтобы он убирался по добру, в противном случаѣ пустят в ход камни и сѣрную кислоту...

Тут красный епископ сдрефил и вѣроятно рѣшил дѣйствовать иначе.

Жестикулируя, разъяренный, как тигр, что-то выкрикивая, грозя расправой, сѣл в экипаж и уѣхал во—свояси. Сзади бѣжали гурьбой дѣтишки, бросали камни в карету и кричали: „Лови краснаго чорта“......

Тихоновцы торжествовали в Старо—Купеческой церкви полную побѣду, а еще раньше Александровская церковь тоже ушла к Тихоновцам. Собор взяли Украинцы, Касперовская тоже ушла, Греческая и Старообрядческая совсѣм не признавали обновленцев.

Таким образом в вѣдѣніи краснаго палача—епископа оставались: Ново—Купеческая и Семеновская церкви.

Прерванная пріѣздом краснаго дьявола, так называли вѣрующіе епископа Константина, обѣдня в Старо—Купеческой возобновилась и продолжалась; всѣ были увѣрены, что красный дьявол их оставит в покоѣ; прихожане были настроены торжествующе и благодарили Бога за ниспосланіе им побѣды над дьяволом в рясѣ.

Избіевіе краснаго попа.

Карета, везшая краснаго чорта в рясѣ—епископа, направилась не на квартиру, а в Семеновскую Церковь, гдѣ тоже было не совсѣм благополучно и назрѣвал переворот.

Когда красный епископ подъѣзжал к оградѣ, то увидѣл слѣдующее: весь приход толпился около входной двери и ворот, на подобіе, когда пчелы таскают из улья трутней и убивают. Это прихожане Семеновской церкви рѣшили раз навсега покончить с красным духовенством—самозванцами, и ввиду того, что красный поп отказывался уходить, его вытаскивали силой за церковную ограду, подталкивая под бока кулаками и приговаривая:—„уходи, проклятый, уходи предатель и жидовскій наймит“ и т. д. Когда попа вытолкали за ограду, ворота взяли на замок.

В это время подъѣхал к церковной оградѣ епископ Константин. Положеніе его было совсѣм дурацкое: повернуть, уѣхать, он не мог, т. к. прихожане уже кричали: „забирай краснаго чорта и улепетывай“...

Чтобы поддержать авторитет среди своих сподвижников—попов и воздѣйствовать на „бунтовщиков“, красный епископ рѣшил выступить с рѣчью, с уговорами, воздѣйствовать; но все было безнадежно, т. к. толпа, завидя Константина, горланила во всю:—„бей камнями краснаго чорта.“... И только

епископ с посохом в рукѣ намѣревался подойти к оградѣ, как сразу в него полетѣли камни с криками: „бей краснаго черта... бей сатану“.

Епископ остановился было и завопил:— „православные, покайтесь“! как раздалась тысяча голосов ему в отвѣт: „уходи, проклятый предатель и губитель православной церкви и русскаго народа“...

Видя, что надвигается расправа русскаго народа с красным духовенством, епископ Константин схватил за руку стоявшаго около него полуголаго, избитаго, окровавленнаго краснаго попа, усадил его в экипаж и удрал прямо в ГПУ—чека, помахивая посохом в воздухѣ и что-то выкрикивая.

Послѣ изгнанія красных попов прихожане Семеновской церкви готовились ко всѣм возможностям.

Тут же, в церковной оградѣ, любимый приходом священник отлужил молебен Господу Богу; прикладываясь ко кресту, вѣрующіе давали клятвенное обѣщаніе—защищать церковь до смерти.

Приход Семеновской церкви превратился в гарнизон, а самая ограда стала „крѣпостью“, ибо полагали, что отряды „че-ка“ не замедлят и вот—вот нагрянут, а потому всѣ вооружились, чѣм было возможно и приготовились встрѣтить и дать должный отпор красной рати—тиранам русскаго народа и Церкви Православной.

Но ожиданія были напрасны на сей раз, т. к. отряды „че-ка“ были командированы в деревню усмирять взбунтовавшихся крестьян, избивших краснаго попа, комсомольцев, разогнавших милицію и совѣт.

Епископ Константин, с вещественным доказательством—избитым попом, явился в ГПУ, сообщил о взбунтовавшихся христіанах и просил принять энергичныя мѣры, водворить порядок, возстановить в правах избитаго попа, передать в его вѣдѣніе церковь и имущество, а бунтарей бичевать, бичевать, и бичевать для примѣра и в назиданіе потомству.

В ГПУ просьба епископа была признана уважительной и требующей немедленнаго выполненія, но не было возможности эго сдѣлать сейчас, немедленно, т. к. отряды ГПУ были в экспедиціи и возвращеніе их ожидалось через 3-4 суток.

Епископ был удручен: его мучило не только то, что его изгнали, над ним надругались, его недосягаемую силу и гордость и власть превратили в ничтожество!... Его мучило то, что он был безсилен немедленно и сейчас же на мѣстѣ наказать виновных и непокорных „мятежников“.

Из ГПУ красный епископ вышел, сѣл в экипаж и покатил на квартиру, нервно разстроенный неудачей. С ним была почти истерика и когда экипаж остановился у подъѣзда его квартиры, епископ медленно вылѣз

и сонной походкой прошел в квартиру, таща свой посох под мышкой, без всякаго торжества. Собравшіяся сестры подошли было под благословеніе к епископу, но он послал их ко всѣм чертям и скрылся в квартиру.

Бѣгство краснаго епископа.

Чѣм епископ занимался и что дѣлал в квартирѣ—неизвѣстно, т. к. он никого в квартиру не пускал и сам не выходил трое суток.

Потом он еще два раза побывал в ГПУ, —о чем он говорил—тайна; вѣроятно совѣщались о том, что и как предпринять и как дѣйствовать?

В результатѣ все же было рѣшено епископу Константину бѣжать, поспѣшно бѣжать из Николаева.

Но куда?—В Одессу—Нѣт и нѣт... в Одессѣ жизни не будет: эти проклятые тихоновцы вѣроятно уже оповѣстили всю Одессу.

Выбор краснаго епископа пал на город Курск. В то время в Курскѣ всѣ церкви были Тихоновскія, а потому Г. П. У. предложило чорту в рясѣ поскорѣй ѣхать в Курск для устройства обновленческаго движенія—упраздненія Тихоновской церкви и тихоновцев.

Епископ Константин понимал, что в Николаевѣ возврата к былому обновленческому движенію—нѣт; его сатанинскіе замыслы провалились навсегда и безвозвратно.

Но уѣхать просто, как бы бѣжать воровским образом, ему не хотѣлось. Вѣдь в Николаевѣ останутся обновленческіе попы, которым придется круто.

Кромѣ того, на мѣсто Константина будет назначен другой красный архіерей и ему надо подготовить почву: быть может новому чорту удастся снова засорить мозги. Православные прямо таки взбунтовались против обновленцев, и их надо примѣрно наказать, особенно попов. Но все надо сдѣлать чинно, —как будто наказаніе исходит не от обновленческих чертей.

Поэтому Константин рѣшил обставить свой отъѣзд торжественно, всенародно „простить" бунтовщиков и у них тоже испросить прощенія, как подобает настоящему архіерею.

Отъѣзд свой Константин назначил на субботу в 7 час. вечера, а в пятницу была назначена прощальная всенощная в Ново-Купеческой церкви; послѣ всенощной проповѣдь, прощаніе и взаимное покаяніе.

Весь город был оповѣщен об этом и всѣ вѣрующіе приглашались проститься с „владыкой".

В пятницу, плотно пообѣдав со своими приближенными и агентами Г.П.У., влив в себя изрядное количество коньяку и шампанскаго, получив из Г.П.У. всѣ необходимые документы и литеру на салон-вагон (наканунѣ в Курск было послано распоряженіе об устройствѣ встрѣчи новому „святителю"),

преосвященный красный владыка отправился в церковь, гдѣ было назначено прощаніе.

Надо вообразить гнѣв и бѣшенство чорта в рясѣ, когда церковь оказалась пуста: ни прихожане, ни духовенство не явились!

Взбѣшенный Константин, вмѣсто службы и прощальной бесѣды, выскочил на середину храма и завопил, потрясая кулаками:—всѣ подлецы, всѣ хамы! ни одного священника!.. это преступленіе!.. мало их, подлецов, разстрѣливают... с корнем вырвем тихоновщину, положим конец безобразію!.. При этом „владыка“ стукнул кулаком по аналою.

Затѣм, послѣ минутной паузы, задрав рясу, вынул из кармана брюк сверток бумаг и потрясая им, воскликнул:

—Мы, мы—все! А кто не имѣет этого —тот ничто, ничто и ничто!..

Это он потрясал охранными грамотами Г.П.У., послѣ чего выбѣжал из церкви и скрылся в своей квартирѣ.

Больше его никто не видѣл, даже его приближенные.

Таков был безславный конец дѣятельности краснаго чорта в рясѣ—епископа Константина—в Николаевѣ.

Православные облегченно вздохнули. Им казалось, что с бѣгством Константина всякая опасность миновала, но это было ошибкой и скоро на церковь обрушились новыя бѣды.

Красный поп штурмует церковь.

Всѣ церкви перешли на сторону Патріарха Тихона. Каждый переход сопровождался нѣкоторыми церковными обрядами, а именно: церковь, освобожденная от самозванцев —обновленцев освящалась. Освященіе производилось по церковным правилам: в назначенный день приглашались всѣ священники, собирались вѣрующіе, церковь освящалась и только тогда производилось в данной церкви Богослуженіе.

Интересно замѣтить, что по церковным правилам церковь освящают в случаях, когда собака осквернит Престол или птичій помет упадет на Престол, а послѣ обновленцев, равно как послѣ собак, церковь тоже освящалась!...

Тѣ из священников, которые ошибочно пошли к обновленцам, со слезами на глазах становились перед прихожанами на колѣни, плакали, просили прощенія за грѣхи и каялись... Подымались с колѣн только тогда, когда получали прощеніе от прихода и тогда ѣхали в Харьков к Митрополиту Тихоновской церкви, приносили покаяніе и, получив благословеніе, возвращались.

Красному духовенству жилось довольно плохо: их не только в церковь,—в ограду не пускали. Народ со злом и ненавистью гнал их вон, называя их красной сволочью и жидовскими приспѣшниками.

Тихоновцы было успокоились и считали, что все покончено, церковь принадлежит им и они хозяева...

Но ошиблись, так как есть еще один хозяин и самый настоящій, по совѣтским законам, это—коминтерн и красные попы—его слуги и послушники.

Пока Тихоновцы освящали церкви и приводили в порядок церковное имущество, ГПУ и красные попы тоже не дремали и готовились к предстоящему штурму.

Все было готово, и вопрос заключался только во времени.

Прихожане крѣпко охраняли свои церкви, попеременно, день и ночь, а в случаѣ тревоги и звона в колокола,—всѣ должны собираться.

Первой штурмовалась Семеновская церковь, так как она первая объявила войну красным идолам.

Эта церковь расположена посрединѣ Херсонской улицы, в западном концѣ Николаева, обнесена крѣпкой и высокой оградой. На долю ея выпала первая атака отрядов особаго назначенія ГПУ.

Было это весной 1925 года. Был теплый весенній день. Вдруг неожиданно по Херсонской улицѣ, стройными рядами, показался отряд особаго назначенія ГПУ, вооруженный с ног до головы (конные и пѣшіе), шедшій по направленію к Семеновской церкви.

Впереди отряда—красный поп, подобрав рясу, мчался вприпрыжку...

Моментально на колокольнѣ загудѣл колокол,—это была тревога гарнизону Семеновской крѣпости, звали на помощь вѣрующих. Мгновенно со всѣх сторон появились женщины, дѣвицы и парни с кольями, топорами и вилами в руках...

По командѣ рота разсыпалась и стала обходить флангами церковную ограду и Семеновская „цитадель“ очутилась в кольцѣ. Конные стояли поодаль, а пѣшіе ломились в ограду, словом, штурм начался.

Всѣ ворота ограды были на запорѣ, а осажденные так ловко отбивали нападающих, что тѣ были вынуждены осадить назад, т. к. собравшаяся на звон толпа пускала в ход свои дубины и дреколье.

Нападавшіе струсили, несмотря на свое вооруженіе и видя, что им не побѣдить, пустили лозунг: „братаніе с непріятелем“, но женщины стояли выше бывших солдат-своих мужей, с презрѣніем отвергли жидовскіе лозунги и требовали, чтобы отряд удалился, на том основаніи, что церковь отдѣлена от государства и, что мы, православные, не вмѣшиваемся в жизнь и дѣла ваших красных клубов, церковь же—наш клуб,—не вмѣшивайтесь в наши церковныя дѣла; мы здѣсь самостоятельные хозяева и распоряжаемся так, как нам угодно.

Слова эти подѣйствовали на чекистов, и они уже собирались уйти, как вдруг разъяренный красный поп, не выдержал и желая своим мужеством и примѣром вовлечь красную рать в бой, с засученными рукавами, с закинутыми назад полами, с криком:—„товаррррриши! что смотрите на этих базаарррных бл..? бей их... мать...“ бросился через ограду.

Тут ему не посчастливилось: защитники смазали храбреца камнями по головѣ и рукам и поп, как сноп, свалился с ограды на землю с криком:—карраул... карраул... убивают... рратуйте!.. В это время кто-то из вооруженных выстрѣлил.

Красные подобрали „павшаго жертвой“—краснаго попа и ушли во свояси.

Послѣ этого неудачнаго для ГПУ и краснаго попа столкновенія, весь город загудѣл, особенно загудѣли рабочіе завода б. Наваль и заговорили о забастовкѣ.

Комголовка тогда приступила к обработкѣ, а для того, чтобы это „быдло“ не убѣгало по квартирам, в 3 часа ворота завода запирались на замок и во дворѣ завода назначался митинг. Ораторами выходили исключительно „товарищи“ с картавым акцентом породы Іудейской, стыдили рабочих за то, что они вмѣшиваются в дѣла церкви, в дѣла бабьи.

Картавые ораторы силились доказать, что у рабочих церкви нѣт, а есть завѣты Ильича. Кто против этих завѣтов—долой с завода,

В это время кто-то крикнул: „а синагога“? долой жидов и синагоги!..

Мигом митинг закрыли. Стали искать, кто это смѣл не по существу выкрикивать, и была объявлена резолюція собранія рабочих завода бывшаго „Наваль“, гласящая, что рабочіе навсегда порывают с религіозным дурманом и церкви считают упраздненными. Рабочих, посѣщающих церкви—требуют немедленно удалять с завода.

Резолюція была принята „единогласно“, согласно такого пріема:—„кто против, прошу высказаться; желающих нѣт?—Митинг объявляю закрытым. Ворота открыли.“

Послѣ атаки и геройской защиты Семеновской твердыни гарнизоном из прихожан, нѣкоторое время было затишье. Скорѣе всего это была передышка и подготовка к болѣе рѣшительному штурму.

ГПУ в серьез призадумалось, для него оставалось одно вѣрное средство побѣдить, чѣм они всегда побѣждали: это—жидовскій подкуп и обман.

ГПУ подкупило часть женщин, шляющихся проституток и послало в ограду Семеновской церкви. Онѣ там размѣстились с таким расчетом, чтобы в нужную минуту открыть ворота или калитку и пропустить отряд ГПУ во внутрь ограды.

Проституткам удалось выполнить этот план и, таким образом, „крѣпость“ была взята в два счета.

Внезапно отрядом „че-ка“ Семеновская церковь была окружена, защинтники бросились защищать входы и бить тревогу, но было поздно: ворота были открыты и часть отрядов вошла в ограду и сразу было парализовано все.

Наймитки—проститутки тут же вязали руки женщинам, защищавшим церковь, чекисты немилосердно избивали несчастных женщин ружейными прикладами, нѣкорым крутили и вязали назад руки и под конвоем отправляли в „че-ка“, для внушенія декрета об отдѣленіи церкви от государства.

А там, в глухом углу церковной ограды, шла рукопашная схватка и мордобой.

В это же время отец духовный—поп стоял на паперти у церковных дверей и радостно восклицал:

—Ну что, Тихоновская сволочь! Туды твою мать, мы теперь покажем!!. будете помнить, как бунтовать... Ишь, вздумали молиться по-Тихоновски!... Заниматься вольнодумством! Бррешете—кому прикажем,—тому и молись!.. на то и ррреволюція, боррьба великих нарродов“!..

Кого сей тип подразумѣвал под словами: „великих народов“,—осталось загадкой. Можно полагать, что это Богом избранный народ, т. е. іудейство.

Но удивительнѣй всего вот что: еще в церковной оградѣ доблестных защитников пороли и шомполизировали, а отец духов-

ный облачился в ризы, огласил алтарь пѣніем молитв Господу Богу и служеніе всенощной началось. По окончаніи всенощной была отпѣта благодарственная молитва пред алтарем. В церкви никого не было, за исключеніем „придворных“, да в дверях стоял в шапкѣ со звѣдой на лбу, с винтовкой в руках—часовой чекист. Во всѣх выходах и входах церковной ограды стояли часовые—чекисты.

По окончаніи богослуженія, я бы сказал—богохульства, чекисты в видѣ конвоя проводили краснаго попа на квартиру, т. к. ему всюду грозила опасность.

На слѣдующій день, в 8 часов утра, под той же охраной отец прибыл в церковь и богослуженіе—богохульство началось, причем стоящая у входов охрана идущих в церковь останавливала и обыскивала, из боязни приноса в церковь сѣрной кислоты для попа, т. к. ему вчера обѣщали залить „сѣрной“ лицо.

Нѣкоторые из любопытных прихожан ходили в Семеновскую церковь смотрѣть, как красный чорт в рясѣ разыгрывал кощунственную комедію. Они разсказывали про неслыханное лицемѣріе и кощунство: „товарищ поп“, произнося молитву, становится перед вратами алтаря полуоткинув голову назад, с поднятой вверх рукой и в таком столбнякѣ остается четверть часа; потом накладывает крест, медленно и твердо, во весь

размах руки; глубоко вздыхая, кладет земной поклон, стараясь стукнуть лбом в пол и в таком положенiи остается четверть часа, все время творя молитву вполголоса, чтобы слышали его.

По окончанiи богослуженiя—богохульства, „отец отшельник“, как он себя называл, выйдя из алтаря, остановится, подняв вверх правую руку и закрыв глаза. Простояв в такой позѣ минут 5, медленно накладывает крест и затѣм, скрестив руки на груди, глубоко вздохнув, жалобным тихим голосом обращается к присутствующим,—выраженiе лица обиженно—умоляющее, послѣ каждаго слова пауза, надолго закрывает глаза, затаив дыханiе, как будто бы внутренно рыдая...

Спрашиваю: развѣ это тот красный поп, —что вчера с карательным отрядом особаго назначенiя громил вѣрующих и Семеновскую церковь?—Нѣт, нѣт и нѣт! и быть не может. Вы замахали бы руками и отказались слушать разсказы о бывшем вчера, сочли бы за кощунство, а разсказчика назвали бы безбожником или просто хулиганом.

Геройская защита Касперовской церкви.

Спустя нѣсколько дней карательный отряд ГПУ совершил налет в центрѣ города на Старо—Купеческую и Ново-Купеческую

церкви. Эти приходы сопротивленія не проявили: прихожане их—интеллигенція, а интеллигенція в этой деспотической странѣ терроризована так, что не в состояніи что бы то ни было сдѣлать.

Если кто и ведет борьбу с соввластью, так это простонародіе, но только—не интеллигенція.

Нѣкоторых из прихожан и здѣсь арестовали и отправили в ГПУ, остальные цѣликом перешли в Касперовскую церковь—к Тихоновцам.

Касперовская церковь была главная цитадель борьбы, гдѣ сосредоточили главныя силы как Тихоновцы, так и обновленцы.

Как увидите ниже, здѣсь, в Касперовской, было главное сраженіе главных сил защитников—Тихоновцев и штурмующих—обновленцев—чека.

Касперовскія событіи выдѣляются особой жестокостью „че-ка" по отношенію вѣрующих. Борьба продолжалась около полтора мѣсяца.

Честь и слава защитникам—героям Касперовской церкви, не устрашившимся штыков чекистских: их силы геройски защищали свою святыню.

Эти герои отвергали всякіе копромиссные переговоры с красной жидовской чекой; у этих героев хватило мужества и отваги вести борьбу внутри краснаго государства, в то время, как всякіе слютнтяи Макдональды, Де-

монзи, Эррiо и др. испугались красных, пустили слюни и признали эту деспотiю, устраивая этим головорѣзам—разбойникам торжественныя встрѣчи, банкеты и прiемы. Я повторяю, что герои Касперовской церкви— жены рабочих, низко стоят по „культурѣ", но высоко стоят нравственно, ибо онѣ до сих пор еще не признали ни „де-юре", ни „де—факто" соввласти. Онѣ ее не признают, ибо простая русская душа неподкупна.

Касперовская церковь расположена в рабочем районѣ по Одесской улицѣ; построена церковь исключительно на деньги рабочих и закончена только в годы великой войны.

Так как красные попы завоевали три церкви, а их было всего два, то поход на остальныя церкви был бы и не нужен.

Тихоновцы были в затруднительном положенiи, т. к. со всѣх приходов вѣрующiе сгруппировались почти в одной Касперовской. Доходами с одной церкви живя, священники установили очередь и по очереди служили в церкви, а доходами дѣлились между собой.

Они предпочитали жить впроголодь, но в молитвѣ и смиренiи. Не то думали и дѣлали красные попы. Жажда власти, жажда мщенiя, жажда истребленiя тихоновских священников и вѣры Православной, не давала им покоя ни днем, ни ночью.

Этим мошенникам, предателям, головорѣзам, разбойникам,—агентам коминтерна было завидно, что священники Тихоновцы

мирятся, друг друга поддерживают, вѣрующіе их не оставляют, церкви Тихоновскія переполнены вѣрующими, служба в церквах происходит ежедневно и теперь в церковь пошли не только религіозно вѣрующіе, а даже анархисты, люди совершенно невѣрующіе: это дѣлали в знак протеста против жидов.

Один старый анархист, слесарь, демонстративно шел в церковь, покупал свѣчи и усердно молился; знакомым он говорил:—„я 20 лѣт не говѣл, 20 лѣт не признавал церковь и гордился этим; к моему великому горю, я только теперь убѣдился в своей неправотѣ и в том, что мы подпали всецѣло под вліяніе жидо—масонства; они упразднили нашу націю и церковь, а создали и свято охраняют свою синагогу, свой культ, свою паршивую націю, а потому—отнынѣ я національно—русскій и православный".

Борьба обновленцев с Тихоновцами пробудила національныя чувства в русском человѣкѣ, эта борьба убѣдила русскаго в том, что всемірное жидо—масонство, поработив Россію, уничтожив великую русскую націю, планомѣрно приступило к ликвидаціи русской православной церкви, т. к. обновленческим движеніем руководят жиды, строго и свято охраняющіе свои синагоги и свою націю.

В Николаевѣ был довольно показательный случай: русскіе молодые парни, желая отомстить жидам, пошли к синагогѣ, на

ступенькахъ у входа в синагогу „оправились“ и ушли, никѣм не замѣченные. На утро жидовскій „кагал“ поднял гвалт; об этом случаѣ было заявлено в милицію и ГПУ; жиды рычали на всѣх перекрестках и, наконец, виновников, случайно проболтавшихся, отыскали, доставили в милицію, арестовали, отправили в ГПУ и обвинили их в контр—революціи.

И в то же время подростки жиды комсомолцы приходят к церкви, устраивают чуть не оргію, кощунствуют, над вѣрующими просто издѣваются: с цѣлью вызвать скандал становятся в ряд и мочатся под ворота церковной ограды, дѣлая это у всѣх на виду во время Богослуженія. И все это безнаказнно, ибо когда по этому поводу обращались с жалобой, то просто отвѣчали: „это частное дѣло, обратитесь в частном порядкѣ в суд“.

Церкви обновленцев формально пустовали; два красных попа по очереди служили в трех церквах; правда, в церковь приходили люди, стояли, смотрѣли, не крестились и уходили,—это приходили любопытные, посмотрѣть на краснаго клоуна.

Однажды красный поп в Старо—Купеческой церкви, во время своего кощунственнаго богохульства, увидя вошедших, заявил: —„рабы, что же вы не креститесь и свѣчей не покупаете, какіе же вы молящіеся?—Вы к нам ходите глазѣть, а в Касперовскую молиться и свѣчи ставить?...“

На какую только подлость эта красная мерзость в рясѣ не способна: один из этих попов, как его называли, „Ерусалимскій жид“,—он похож на жида и ходит с отпущенными пейсами,—носил в карманѣ брюк карамельки и при встрѣчѣ с дѣтьми, останавливал их и спрашивал, ходят ли они в церковь? если ходят, то—куда? потом показывал из кармана карамельки, говоря: „приходите в Семеновскую и получите“.

У обновленцев были послушницы—агенты с бѣлыми повязками на головѣ; эти слуги ГПУ ходили по базару, по Тихоновским приходам, в рабочих кварталах и всюду со слезами на глазах уговаривали: „приходите в обновленческую церковь, послушайте Богослуженіе и проповѣдь святого отца постника“; онѣ доказывали, что никакого новшества нѣт, что все по старому идет и приглашали принять благословеніе от Іерусалимскаго отшельника—скитальца, отца постника; убѣждали не вѣрить слухам, ибо это наговоры злых людей, это провокація контр—революціи и старорежимнаго духовенства...

—„Наши обновленцы, бѣдные, изнывают в слезах и молитвах перед Господом Богом об отпущеніи грѣхов всему человѣчеству, приглашают всѣх приходить в церковь Синодальную помолиться и покаяться у отца постника (это—тот поп, что брал приступом Семеновскую церковь,—он довольно странный: не то монах, не то жид—хи-

лый, с большими бакенбардами—пейсами, голос картавый).

Бывали случаи, что эти „послушницы“, агитируя, нарывались на довольно горячаго Тихоновца, который тут же уличал и разоблачал обновленцев; тогда „послушница“ начинала голосить во весь рот, приговаривая, что это агенты заграничнаго капитала, что это-пропагандисты контр—революціи, это наймиты помѣщиков, что им нужно Царя, да отобрать землю у крестьян, а у рабочих фабрики, заводы и желѣзныя дороги... да устроить рѣзню „трудящихся“...

—Вам не нравится рабоче—крестьянская власть и обновленческая трудящаяся церковь? Не слушайте этих старо-режимных Тихоновцев, не ходите к ним молиться Богу, это церковь не ваша!..

—Идите молиться к обновленцам—это ваша трудовая церковь и ваша власть: она борется за трудящихся и за их вождей...

В результатѣ спорящих забирают в участок для разбора дѣла начальством. При входѣ вывѣска, на которой значится: „рабоче—крестьянская милиція“, но загляните в участок и вы увидите сидящих около столов типов с длинными крючковатыми носами и пейсами, самых типичных жидов и ни одного русскаго. Словом, Тихоновец попадал к „своим“ рабочим и крестьянам, на дознаніе.

—Что и как? Ага? Ай, вей-мир, поняли!

—И ви, мадами товарищи, швободны.

—И ай-ви товарищ задержаны, препроводим вас в че-ка, а там и „жаба цыцкы даст"...

Послѣ таких нѣскольких случаев у самаго заядлаго Тихоновца всякая охота отпадала спорить с пропагандистами.

От злобы и ненависти красные попы дошли до крайней наглости и подлости,—подлости, которой человѣчество еще не знало и когда безпристрастная исторія об этой подлости повѣдает человѣчеству,—многіе будут удивляться.

Напримѣр: однажды в Старо—Купеческой церкви, послѣ всенощной, отец постник —отшельник герой Семеновской церкви, вышел на амвон с напутственным „словом Божьим"; оглянув присутствующих, а их было всего 15, мимикой подозвал их к себѣ и боязливым шопотом изрек:—„граждане, товарищи, у вас борьба еще не закончена, она только начинается. Тихоновщина еще крѣпка, много еще потребуется усилій, чтобы ее окончательно сокрушить, уничтожить! Вся надежда на вас и ваше молодое поколѣніе. Для общаго дѣла и достиженія полной побѣды вам необходимо слиться с комсомолом, устройте смычку. Дѣти пригодны для шпіонажа,—это главная наша работа; дѣти лучше других могут работать: они бывают у сосѣдей, в домах и квартирах Тихоновцев, подслушают разговор—передадут вам, вы

мнѣ, а я куда слѣдует и Тихоновца считайте не существующим“...

Послѣ такого мудраго изрѣченія многіе из приверженцев постника перешли к Тихоновцам и разоблачили красных заговорщиков.

С этого времени Тихоновцы при дѣтях никаких разговоров относительно церкви и жидовско—совѣтской власти не вели, т. к. многія дѣти состояли шпіонами и доносили на своих родителей, братьев и сестер; послѣдних забирала „че-ка“ и умерщвляла.

Тихій, лѣтній знойный день. Как будто всюду было спокойно. В церкви Касперовской Божьей Матери шло Богослуженіе. Молящихся было полно. Великолѣпно пѣл церковный хор.

Внезапным налетом отряда особаго назначенія ГПУ, во главѣ с обновленцами—попами, Богослуженіе было прервано, церковь окружена и чекисты ультимативно потребовали от церковнаго старосты и настоятеля передать церковные ключи, имущество и деньги представителям обновленческой церкви,—в противном случаѣ грозили примѣнить силу.

Молящіеся не растерялись, помня одно, что с этими идіотами—мародерами сговориться не было никакой возможности, а потому моментально приняли оборонительное положеніе; служеніе в церкви прервали, т. к. всѣ молящіеся ушли „на фронт“ защищать свою вѣру от вторженія непріятеля—иностранца.

Загудѣл тревожно колокол, и со всѣх сторон потянулись прихожане, преимущественно жены рабочих, кто с топором, кто с лопатой, кто с колом и камнями,—для отраженія непріятеля.

У самой церкви и ограды шла свалка: отряды красных ломились в ограду и церковь, а защитники толпой в нѣсколько тысяч стояли стѣной и не пускали; шла рукопашная схватка, ломали руки, выворачивали ноги, трещали ребра, раздавались истерическіе крики и стоны умирающих, старух и дѣтей; среди толпы многіе падали в обморок, а за оградой конный отряд лошадьми давил женщин и дѣтей.

Красные обновленцы звали вперед, ругаясь матерщиной. Одному из них, „постнику Ерусалимскому", удалось на четвереньках, между женских ног, пробраться в церковь. Его замѣтили, когда он подходил к алтарю; женщины подняли крик; „лови! держи краснаго сатану!" и гурьбой, с камнями в руках, повалили за „постником" с цѣлью убить его как собаку; нѣкоторыя успѣли его смазать камнем по башкѣ.

Красный поп, видя, что ему грозит смерть, бросился прятаться, но т. к. всѣ двери были заперты, кромѣ одной—куда вошел, он вбѣжал в алтарь; его преслѣдователи за ним, он под Престол—залѣз как кот и оттуда, что то бормоча, начал крутить и показывать кукиши бабам.

Бабы рѣшили вытащить „постника“ за ноги из под Престола и убить, но на его счастье в церкви было нѣсколько мужчин; послѣдніе убійства в алтарѣ храма не допустили, дабы не осквернить святого мѣста. Благородно, за ноги, извлекли „постника“ из под Престола и через двери выпустили в церковную ограду; тут „постнику“ попало: ему хорошо всыпали, таскали за фалды во всѣ стороны, тузили камнями по головѣ и в бока и приговаривали:—„это тебѣ, стерва жидовская, наука: не ходи, проклятая собака, осквернять наш храм... Иди, чортова харя жидовская, в синагогу. Вон, проклятый наймит—интернаціоналист“!..

Оборваннаго, окровавленнаго, с подбитыми висками „постника“ выбросили за церковную ограду, давши ему такой подзатыльник, что „постник“ завертѣлся волчком и ляпнулся на землю. Послѣдній подзатыльник получил он от бабы—грузчицы: вѣроятно толкала „постника“ сознательно пролетарской рукой, т. к. она состоит в союзѣ грузчиков и работает на отгрузках, слѣдовательно „сознательная“.

Растянувшагося на землѣ „постника“, помощник начальника ГПУ Болотин—Бронштейн, с помощью двух агентов, усадил в фаетон и под усиленной охраной увез; по сторонам и сзади бѣжали дѣти, парни—человѣк 60—80, бросали в фаетон камни и хо-

ром кричали: «красный чоррт! Ерусалимскій жид!»

В оградѣ и за оградой свалка шла своим чередом: тузили, избивали и калѣчили людей; женщины невѣроятно кричали, с лиц пот валит ручьми, горланили во весь рот, проклинали совѣтскую власть и ея вождей; женщины, отмахиваясь от насѣдавшей красной рати, горланили: „вы, жидовскіе наймиты! убійцы! грабители!.. мародеры..! проклятые мародеры..! проклятіе Троцкому!“

Наконец, послѣ 3-4 часов боя, отряду удалось повѣсить свои замки на церковныя двери и наложить печати.

Потери с обѣих сторон были велики, особенно среди безоружных защитников—женщин: около 5 смертей и 40 раненых. Главным образом пострадали старухи и дѣти. Но тѣм не менѣе церковь чекистам не отдали, т. к. на церковных дверях висѣли замки прихожан.

Касперовская церковь была лишена Богослуженія, ибо всѣ двери были опечатаны сургучной чекистской печатью.

Вѣрующіе, особенно женщины, были до крайности озлоблены против соввласти и жидов. Собравшись в церковной оградѣ на совѣт,—рѣшили во что бы то ни стало—до смерти защищать Касперовскую церковь, раздѣлились на группы, установили охрану в

три смѣны на день и ночь, числом около 200-300; и было установлено по тревожному звону немедленно собираться всѣм для защиты храма.

По городу пошли аресты: это ГПУ забирало самых ярых защитников Православной церкви. Вмѣстѣ с арестами, как полагается, шли обыски и изъятія цѣнностей. Шпіоны работали во всю.

В таком положеніи находилась Касперовская церковь; ее день и ночь караулили, в ожиданіи чего-то неизвѣстнаго. Ясно было одно, что обновленцы, опираясь на ГПУ, рѣшили забрать Касперовскую церковь, самую богатую, с большим числом прихожан.

Таким образом, как духовенство, так и прихожане в силу необходимости должны будут перейти к обновленцам, т. к. в руках Тихоновцев останутся самыя бѣдныя не вмѣстительныя, окраинныя церкви.

Вот причина, почему обновленцы, имѣя в своих руках три самых больших приходских церкви, при двух попах, рѣшили забрать четвертую.

Страшное зло и ненависть овладѣли и волновали широкія массы, но протестовать не было никакой возможности. Чуть чуть-что-арест и разстрѣл... Разстрѣлы без конца... Но эта мѣра вѣрующих не запугала: вѣрующіе, в ожиданіи смерти, свято и крѣпко охраняли свою святыню.

ГПУ пробовало их терроризировать, но безрезультатно... Было видно, что красной сволочи не удастся обманным образом взять Касперовскую церковь, а потому кровавое столкновеніе было неизбѣжно, к этому готовились как тѣ, так и другіе.

Красные попы и чекисты одолѣли.

Послѣ перваго неудачнаго наскока отрядов ГПУ и обновленческаго духовенства на Касперовскую церковь, была передышка, которая тянулась почти мѣсяц.

Всѣх мучил и интересовал вопрос, чѣм же все это кончится? и как кончится? На компромисс Тихоновцы не шли, а красные попы видѣли на своей сторонѣ власть и силу. Ясно, что они настоят на своем и еще раз докажут, что борьба с обновленцами невозможна, что обновленцы являются диктаторами и как таковым им должны всѣ подчиниться.

И вот день развязки настал.

14 августа 1925 года, послѣ полудня, загудѣл тревожный звон колокола Касперовской церкви: это была тревога-зов... Зов к вѣрующим в Бога—спасать храм Божій.

Народ со всѣх концов устремился к Касперовской церкви. Около церковной

ограды свалка, многіе уже были изранены и изуродованы.

На этот раз ГПУ мобилизовало всѣ свои силы, всѣ подпольные работники и шпіоны были брошены на Касперовскую твердыню. Борьба была ужасная.

Нападавшіе лѣзли и ломились в церковную ограду, вѣрующіе, чѣм могли и как могли—защищались.

Конные отряды лошадьми топтали по улицам бѣгущих на помошь Касперовцам. Красное духовенство лично принимало участіе в войнѣ.,.

Несчастных защитниц немилосердно избивали ружейными прикладами, хватали за косы и таскали; бѣдныя от страшной боли истерично кричали, взывая о помощи, но увы, помощи не было. Ожидать ее не от кого, т. к. криков защитниц Православной вѣры и церкви—никто не слышит. Не слышат также и того, что мародеры, изверги, всеміpные заговорщики жидо-масоны учинили разбой и грабеж.

Всѣ притворились, что ничего не слышат и не видят...

Послѣ двухчасовой борьбы красные ворвались в ограду и всѣми силами напирали на церковныя двери.

Женщины вопили благим матом. Что было безобразно и противно, так это то, что нападавшіе красные, избивая и топча ногами жертвы, приговаривали своими карта-

выми голосами:—„Вам Тихона, Царя!.. проклята шволоч!.. Вам против жидов черртово быдло!.. Мы вам покажем!.. Триста лѣт угнетали наш народ“!..

Боровшіеся изнемогали., К нападавшим отрядам подошло подкрѣпленіе—комсомол—подростки—почти всѣ жиды, а впереди появился красный поп и с засученными рукавами, с криком: „стрѣляйте в этих б... мать их так!.. бросился на женщин, вцѣпился одной в волосы и стал таскат ее во всѣ стороны.

Отряд ГПУ и комсомол, увлеченные храбрым попом, всѣ разом набросились; натиск был сильный и рѣшительный; измученные борцы герои—защитники Касперовской крѣпости, были смяты и оттѣснены от церковных дверей к церковной оградѣ, и здѣсь пошло полное избіеніе беззащитных, несчастных женщин.

Озвѣрѣлые комсомольцы и чекисты—жидо—масоны, не зная предѣлов звѣрству, избивали прикладами стоящих, а лежащих топтали ногами. Комсомолки и коммунистки веревками вязали и крутили несчастным назад руки...

Церковная дверь моментально была открыта, красный поп немедленно облачился в ризу и всенощная служба началась.

Загудѣл церковный колокол, всѣ входы были заняты чекистами, по улицам разъѣзжали конные разъѣзды, маршировали красно-

армейскія роты с разухабистыми пѣснями. Весь гарнизон был поставлен на ноги.

С пѣснями и криками маршировали около Касперовской, шумом и криком заглушая нечеловѣческіе стоны и крики бѣдных женщин и старух, которых самым безстыдным образом в церковной оградѣ пороли и шомполизировали..... Так пала Касперовская церковь...

Послѣ «побѣды».

Торжествуя побѣду над Касперовцами, красные попы, в то время, когда в церковной оградѣ чекисты шомполизировали и пороли невинных людей; в то время, когда несчастные ни в чем неповинные умирали под ударами чекистской руки,—побѣдители освѣтили электричеством церковь, церковь сіяла как в день Пасхи, а красные попы, колѣно—преклонившись, стояли перед Царскими вратами и со слезами на глазах произносили молитвы Господу Богу в благодарность за ниспосланную побѣду над Тихоновцами...

Так был ликвидирован „бунт" в Касперовской церкви и водворен „порядок" и „мирная" жизнь.

Кто успѣл скрыться, того Бог унес, а кого зацапала „че-ка", тот отправлен в безмятежныя всѣм извѣстныя райскія мѣста: достопримѣчательные подвалы...

Послѣдних потом будет святая Церковь поминать, как великих мучеников за святое дѣло.

Безсмертные герои и защитники Касперовской церкви доказали, что они побѣдили бы несомнѣнно, если бы они были вооружены наравнѣ с чекистами...

Потери были с обѣих сторон, и хотя чекисты скрывают точныя свѣдѣнія, но очевидцы подтверждают, что около 3-х жидов—чекистов было убито на смерть, ранено 15; со стороны защитников жертв было гораздо больше, при чем необходимо принять во вниманіе уведенных в подвалы, так как они всѣ—смертники. В день 14-го августа герои с неимовѣрной силой дрались и защищались с двух часов дня до 9 часов вечера: защитники держались около 7 часов.

Утром 15 августа, в виду годового праздника, красные попы в Касперовской церкви открыли всѣ двери, одѣли бѣлыя ризы, на колокольнѣ гудѣл оглушительный звон, в ожиданіи, что на звон придут вѣрующіе, и как всегда бывало, Касперовская будет переполнена молящимися...

Но как на зло, ни одного человѣка... Правда, одна какая—то старушка, шедшая мимо, зашла, но убѣдившись, что никого нѣт, поспѣшно стала удирать, что-то бормоча; ей поп преградил путь, пытаясь что-то объяснить, но старушка обозвала его красным чортом и жидом, и поспѣшно скрылась.

Оказалось, что всѣ вѣрующіе пошли к Тихоновцам: в Кладбищенскую, Александровскую и Полковую. Эти церкви буквально были переполнены: церковныя ограды не вмѣщали молящихся. Такое явленіе красных еще больше взбѣсило.

«Точная информація».

В мѣстной газетѣ „Красный Николаев" сообщалось, что Тихоновцы, совмѣстно с бывшими помѣщиками, в церквах поднимают бунты, будируют непросвѣщенныя рабочія массы, призывают их к неповиновенію соввласти, в своих церквах запрещают молиться „трудящимся", устраивают незаконные сборы среди прихожан, обирают довѣрчивых и на эти деньги устраивают попойки, кутежи и ведут страшную травлю против „трудового—обновленческаго духовенства".

—„Тихоновцы ратуют за то, чтобы земля была возвращена обратно помѣщакам, фабрики, заводы и желѣзныя дороги буржуям и т. д."...

—Дошло до того, что вмѣшалась Государственная рабоче—крестьянская власть и благополучно, без кровопролитія, ликвидировала бунт, причем, „бунт" был ликвидирован самими прихожанами, без помощи властей.

—С 8 часов 14-го августа Касперовская церковь совершенно свободна; число желающих молиться велико, и уже на второй день, т. е. 15-го августа, храм был переполнен.

—По окончанiи литургiи молящiеся просили духовенство выразить от имени молящихся глубокую благодарность совласти и мѣстным руководителям за помощь по ликвидацiи бунта и разгрому заговорщиков, противников власти трудящихся. Вмѣстѣ с тѣм требуют примѣненiя самаго суроваго к виновникам бунта наказанiя—смерти“...

Храбрый сторож.

Касперовская церковь с 9 час. 14-го августа стала принадлежать „обновленцам“—красному духовенству.

Как духовенство, так и прихожане тихоновцы ушли и уступили мѣсто „революцiонному духовенству трудящихся“.

Сторож, мужчина средних лѣт, крѣпкаго тѣлосложенiя, с желѣзным характером, не признал совласти; он по прежнему чувствовал себя полным хозяином Касперовской церкви, никаких новшеств не признавал и твердо вѣрил только старому.

Он был старый солдат, любил свою родину и Батюшку Царя и всѣми фибрами души ненавидѣл совваласть.

Сторож, фамилію, котораго я не помню, во время страшнаго голода, по собственной инціативѣ и своими собственными руками построил около Касперовской церкви, в церковной оградѣ, сторожку-домик, гдѣ жил, исполняя безплатно обязанности церковнаго сторожа.

С перемѣной церковной власти, с приходом „обновленцев", с помощью всемогущаго ГПУ красное духовенство рѣшило избавиться от неподкупнаго солдата-сторожа. Рѣшено—сдѣлано.

В одну из сентябрских ночей к сторожу явились агенты ГПУ и, как полагается, сдѣлали обыск, забрали сторожа, увезли в „че-ка", обвинили в контр-революціи и посадили в подвал.

Сидит сторож в одиночкѣ день, другой, а на третій ему предложили, что могут его освободить при условіи, если он даст подписку ГПУ в том, что немедленно освободит занимаемую квартиру-сторожку и никому этой тайны не сообщит.

Другого выхода не было, пришлось согласиться, подписка была дана и сторож очутился на свободѣ.

Красные попы торжествовали, но через двое суток тот же сторож рѣшил квартиры не освобождать: пусть лучше власть „рабоче—крестьянская" силой выбросит, а потому

он явился в ГПУ и заявил, что квартиры не освобождает—что хотите, то и дѣлайте... Сторожу сунули раза два в зубы и прогнали, как собаку. Дальнѣйшая судьба его мнѣ неизвѣстна.

Что дѣлается сейчас в Николаевѣ, сказать не могу, т. к. я в 11 час. дня 5 ноября 1925 года злосчастный город оставил, оттуда бѣжал.

То, что я повѣдал в этой небольшой бесѣдѣ,—есть капля в морѣ, Россія по своей величинѣ подобна океану. Если бы человѣчество могло видѣть и слышать все то, что творилось и творится в этой громадной странѣ, то многіе и многіе ужаснулись бы. Нѣт никакой возможности всего ни описать, ни разсказать.

Вот, братіе и сестры, Православные христіане, картинки из быта и жизни Православной Церкви в СССР. Вот тѣ свободы, о которых так много проповѣдывали...

Теперь Русскій народ со слезами на глазах возносит молитвы Господу Богу о ниспосланіи раскрѣпощенія и о спасеніи его святынь от произвола жидо—масонства под вывѣской „рабоче крестьянской“ власти. Одни молятся в храмах, другіе дома, а третьи в тюрьмах и застѣнках „Че-ка“.....

Напоминаю, что обновленческое духовенство тоже из интеллигенціи, тоже с образованіем. Возьмите протоіерея Введенскаго,— этого главнаго руководителя и вдохновителя, создателя пресловутаго совѣтскаго святѣйшаго синода и обновленческой церкви. Введенскій окончил духовную академію.

Возьмите героя Николаевских событій епископа Константина—это бывшій в старое время преподаватель и ректор в одной из духовных семинарій и много, много других, им же нѣт конца.

Спрашиваю гдѣ их совѣсть? Куда они пошли? Кому они служат?

Для отвѣта нѣт слов!

Часть 6.

Подлость бывших людей.

От автора.

Приступая к послѣдней части своих записок, я должен сказать нѣсколько слов по поводу толков, вызванных первым томом „Записок Неуча“ и толков, могущих возникнуть при чтеніи второго тома.

Нѣкоторые вполнѣ резонно замѣчают, что нельзя обвинять в подлости, предательствѣ и измѣнѣ огульно всю интеллигенцію, все офицерство, все дворянство.

С этим я вполнѣ согласен: далеко не вся русская интеллигенція окончательно исподличалась: среди нея были, есть и будут высоко-честные и безукоризненной нравственности люди и я лично знаю многих из них.

Многіе и хотѣли бы выполнить свой долг до конца, но на их пути встали непреодолимыя препятствія. Многіе и теперь готовы пожертвовать и будут жертвовать жизнью во имя свѣтлых національных идеалов.

Как в первом, так и во втором томѣ „Записок Неуча“ я рѣзко отзываюсь не о тѣх, кто сохранил честь и совѣсть и не о тѣх, кто осознал ошибки и покаялся, а о тѣх, кто до сих пор ничему не научился и ничего не позабыл; о тѣх, кто ждет паденія большевицкаго ига лишь для того, чтобы удовлетворить свою жажду власти и чувство мести.

Положа руку на сердце, нельзя не признаться, что таких довольно много и о них

я не могу говорить без чувства презрѣнія и негодованія.

Я—неученый простой казак—хотѣл выразить свой взгляд и взгляд той массы, к которой я принадлежу по рожденію и воспитанію.

Если мои записки не блещут салонными выраженіями, если иногда я допускаю рѣзкія выраженія и слишком обобщаю прошедшіе перед моими глазами факты, то это происходит не от злого умысла, не от слѣпой злобы и зависти, а от чувства обиды и негодованія, которое вызывают во мнѣ кошмарныя и уродливыя явленія глупѣйшей и жесточайшей в мірѣ революціи—бунта.

В одном прошу мнѣ вѣрить, что личные счеты, личныя обиды и страданія здѣсь не при чем и я вездѣ и всегда в своих записких вполнѣ искренен.

Если кого либо своим изложеніем я незаслуженно обидѣл из порядочных и честных людей, то прошу в этом прощенія.

Но развѣ кто либо сможет возразить мнѣ по поводу моих сужденій о князьях и столбовых дворянах, и о генералах, опозоривших свое званіе?

Вот эти господа своими подлостями и доводят до того, что простой человѣк смаху ругнет всѣх вообще интеллигентов и „образованных“...

П. Ковган.

Князья и большевики.

В СССР наблюдается характерное явленіе: наряду с отъявленными коммунистами из бывших каторжан живут и работают с ними рука об руку отъявленные аристократы из бывших сіятельных князей и столбовых дворян. И в то же время там задыхаются от непосильнаго гнета казаки, рабочіе, крестьяне и честные интеллигенты.

Какіе иногда поразительные контрасты можно наблюдать между прошлым и настоящим нѣкоторых „столпов“ россійской государственности!

Возьмем хотя бы, для примѣра, карьеру Его Сіятельства Обер—Прокурора Святѣйшаго синода князя Львова.

Неподкупно—вѣрный заступник Церкви Православной, высшій страж закона и охранитель вѣры, князь Львов не за страх, а за совѣсть вел свою работу, в сознаніи, что он и есть та „соль земли“, без которой мір стоять не может.

Это было тогда, когда казак—хлѣбороб в потѣ лица добывал хлѣб, ходил в церковь, молился Богу и своим горбом содержал, воспитывал и обогащал знатных вершителей своей судьбы.

Тогда-то этот славный князь Львов был Обер—Прокурором Святѣйшаго Синода. Тогда он ратовал за церковь и вѣру православ-

ную; тогда он был „неподкупно вѣрен“ своему долгу и правительству.

Случилась революція. Пошли разстрѣлы, грабежи. Особенно охотились за бывшими князьями и уже к 1925 было разстрѣляно до 5 милліонов русских людей: казаков, крестьян и рабочих, а сколько еще их разстрѣляют до конца жидовскаго царства в Россіи,—одному Богу извѣстно...

Я уже не говорю о духовенствѣ, ибо нѣт возможности выдѣлить их из общаго числа и сдѣлать точный подсчет этих невинных жертв, принявших мученическую смерть за благо Родины, церковь и вѣру православную!..

Казалось бы, что послѣ такого варварства и кошмара о князьях и бывш. Обер—Прокурорах Святѣйшаго Синода и рѣчи быть не могло, т. к. они в первую голову дожны быть убиты, с них то, как главных, и должны были начаться разстрѣлы в Россіи, уцѣлѣть должны были только тѣ, кому удалось бѣжать за предѣлы своего Отечества.

Разсматривая варварства и ужасы, сотворенные большевиками на территоріи бывшей Россіи, нынѣ СССР, невольно приходится дѣлать именно такой вывод: это—впечатлѣніе тѣх, кто за кордоном и тѣх, кто в СССР. Такого мнѣнія был и я, вплоть до 1924 года.

В 1924 году, в іюнѣ или іюлѣ мѣсяцѣ, в город Николаев Херсонской губ. в особом поѣздѣ и в царском вагонѣ прыбыла из Мо-

сквы какая—то важная особа, для встрѣчи которой к вокзалу были вызваны войска николаевскаго гарнизона и насильно согнаны рабочіе и служащіе—„совбыдло“.

Весь город пестрѣл трехаршинными афишами, на которых аршинными буквами красовалось достопримѣчательное и высокочтимое имя „русскаго витязя“—бывшаго Обер—Прокурора Святѣйшаго Синода князя Львова. Он пріѣхал прочесть нѣсколько лекцій на тему: „Религія—опій и дурман для народа“.

Газета „Красный Николаев“ помѣстила полную біографію князя Львова, его прошлое и настоящее. Газета возносила заслуги прошлаго и особенно восхваляла его настоящія заслуги; приводила примѣры того, что мол, как же это вы—рабочіе и крестьяне, необразованные, вцѣпились в какую-то церковь и в какого-то не существующаго Бога, даннаго вам буржуазіей, тогда как вам мы дасм настоящаго нашего живого Ильича...

Посмотрите на вашего Обер—Прокурора Святѣйшаго Синода князя Львова Этот бывшій страж церкви и вѣры православной, как сознательный и честный, признал, что Бога нѣт и Его не было и не будет никогда, что религія это опій и дурман для народа...

—Он, князь Львов, вам прочтет нѣсколько лекцій на эту тему и вы убѣдитесь в своем заблужденіи и изгоните своих богов из домов ваших...

Пріѣзд кн. Львова в Николаев надѣлал много шума; многіе не вѣрили ни очевидцам, ни газетам о том, что это настоящій князь Львов, бывшій Обер-Прокурор Святѣйшаго Синода, и вступали в споры. Если правду сказать, то я один из тѣх, кто отрицал это: я не мог допустить, чтобы князь и бывшій Обер-Прок. Свят. Синода мог быть таким подлецом, таким гонителем на церковь и вѣру православную. Я читал газету и страшно возмущался тѣм, что пачкают доброе имя князя, котораго, вѣроятно, давно и косточки сгнили в землѣ, полагая, что его перваго большевики убили. Но потом я убѣдился, что это настоящій и неподдѣльный князь Львов...

Его лекціи привлекли много слушателей; помѣщеніе театра ломилось от публики и не вмѣщало желающих послушать, так как число желающих было велико.

Русскій народ соскучился по національно—русскому, появленіе князя Львова имѣло громадный успѣх, его имя всѣх тянуло и давало какое-то предчувствіе, что быть может русскій князь изстрадавшемуся по своему - русскому,—народу скажет ласковое слово, скажет хоть единое слово в защиту всего поруганнаго, оплеваннаго этими варварами.

Повторяю, что его имя имѣло магическое дѣйствіе на массы, и всѣ шли его слушать. Только послѣ его первой лекціи вся-

кая охота у всѣх отпала и народ больше на лекціи не пошел.

Его лекціи были не лекціи, а просто ничѣм неприкрытая ругань и кощунство,— ругань, которую можно слышать от самаго потеряннаго и просто глупаго человѣка.

Тѣм не менѣе лекціи произвели гнусное и безотрадное впечатлѣніе на массы. Многіе колебавшіеся выслушали гнусную „проповѣдь“ этого проходимца и пришли к тому выводу, что все же частица правды в сказанных бывш. кн. Львовым словах есть, что как ни как, а он бывш. князь и большой барин, ему-то главным образом и должна претить и не нравиться большевицкая власть и Совроссія; ему, как бывш. Обер-Прокурору Святѣйшаго Синода, больше нашего был виден и тот обман и вся неправда, творившаяся в церквах наших духовенством. Он говорит, что попы живут поборами и вымогательствами с неопытнаго и полутемнаго населенія страны и что по современному это все отжившее и ненужное. Страна обрѣла новаго идола и божество, для новаго человѣчества,—всѣм извѣстнаго нашего борца. Ильича...

—Вот вам новый бог, которому молитесь и поклоняйтесь!...

Такими словами закончил свою лекцію бывш. кн. Львов. Его лекція укрѣпила не особено стойких коммунистов и комсомоль-

цев и имѣла большое вліяніе на рабочих и крестьян.

Послѣ лекціи, с таким же почетом, князь Львов отбыл из Николаева в г. Одессу, из Одессы в Екатеринослав и т. д., по намѣченному из Москвы маршруту, для пропаганды против православія, для разрушенія церкви и вѣры православной, что этот идіот и продѣлывал, напрягая всѣ свои знанія, безпощадно бичуя правду, Божество и ученіе Христа...

Да, я утверждаю, что это уже был настоящій красный князь Львов, настоящій красный дворянин—„коммунист". Этот выродок-дворянин князь Львов, бывшій бѣлый, стал уже красный. Он причинил и причиняет гораздо больше вреда и подлости несчастной нашей Родинѣ и русскому народу, нежели вся красная армія. Только эти проклятые выродки с большими титулами и именеми, в сюзѣ с міровыми заговорщиками-жидами распяли и распинают нашу несчастную родину-Россію; только они и больше никто, в союзѣ с еврейством, растлѣвают душу русскаго человѣка...

Это—преступники, по винѣ которых погибла Россія, по винѣ которых пролито море невинной человѣческой крови в угоду тому же еврейству.

Это—преступники, которых нельзя сравнивать ни с одним уголовным преступником, для которых нѣт ни малѣйшаго повода к

оправданію, ни в настоящее время, ни в будущее...

Кто же должен стоять во главѣ Русскаго національнаго дѣла в будущем, в будущей Россіи? Неужели тѣ же „князья“? Та же бѣлая кость, та же каста? Ох! нѣт сил дальше говорить: претит от этих „бывших“!...

Скажу одно: Русь, ты несчастная, сколько за твой счет они жили, учились, удивляли мір, проживали твои богатства, твою славу и твое величіе и как эти мерзавцы тебя опозорили и оплевали!!!

Мерзость!... мерзость!... мерзость!...

Отряд Его Превосходительства „генерала“ Гущина и его помощника, Его Превосходительства генерал-лейтенанта Иванова-Ринова.

Ни для кого не является секретом, что Пекинское совѣтское посольство во главѣ с Караханом и Егоровым, выполняя инструкціи центра, пользовалось всяческими средствами, чтобы „углубить революцію в Китаѣ“ по московским рецептам.

Хотѣлось бы мнѣ, чтобы тѣ, кто еще не попался на удочку совѣтских агентов, узнали правду о жизни тѣх „смѣновѣховцев“, которые заполнили небольшой отрядец Гущина, предназначенный служить для улавливанія

глупцов, мечтающих этим именно путем попасть на родину и заслужить какое-то прощеніе за какіе-то грѣхи.

Я имѣл удовольствіе побывать там. Вот моя исторія без прикрас.

26-го августа я проѣзжал по торговым дѣлам через Кайфын, Хонанской провинціи. Путь мой лежал на Пекин, я готовился было слѣдовать дальше, как по указанію совѣтскаго агента Куликова меня задержали и препроводили к находившемуся в городѣ „генералу" Гущину. Здѣсь я узнал, что я пріѣхал с цѣлью убить этого Гущина, что я послан какой-то бѣлой организаціей из Шанхая и что ему обо всем этом доподлинно извѣстно.

Как ни пытался я доказать, что все это ложь, что я ни в каких политических организаціях не состоял и не состою, что я не знал о существованіи их отряда и о стоянкѣ его именно в этом городѣ, что наконец, я не в состояніи убить его, так как не имѣю никакого оружія,—мнѣ было сказано, что вина лежит на мнѣ, но „если я буду обѣлен, то я должен подписать условіе о поступленіи на службу в отряд сроком на шесть мѣсяцев",—„а послѣ службы Вы можете спокойно ѣхать домой на родину".

Я заявил Гущину, что военной службы не проходил ни в одной арміи и теперь служить желанія не имѣю.

Меня отправили в китайскую тюрьму и заковали в кандалы. Прошло два с полови-

ной дня. Приходит сам Гущин и вновь дѣлает мнѣ предложенiе, угрожая в случаѣ отказа разстрѣлом.

Я согласился. Меня расковали и под усиленным конвоем отправили на вокзал, гдѣ в то время находился „отряд“ Гущина в 17 человѣк Я принят восемнадцатым. Посадили нас в поѣзд и мы прибыли в город Лоян.

Здѣсь нас размѣстили в каком то европейском домѣ и мы начали разворачиваться. Агенты разсыпались по всѣм большим городам Китая. Гдѣ успѣха не было, прибѣгали к хитростям. Таким образом, напр., были завербованы Штейнер, Денисенко и Агадитов—им обѣщали мѣсто шофферов на 25 рублей жалованья.

Отряд хотя и медленно, но рос.

В концѣ прошлаго года Гущин собрал нас вокруг себя и сказал нам, что он послан в Китай совѣтским правительством для организацiи краснаго отряда, цѣль котораго помочь „народным“ армiям объединить Китай при народных вождях, разложить и разбить Нечаевскiй отряд и затѣм выгнагь из Китая всѣх имперiалистов и европейцев.

„Мы должны исполнять инструкцiи Карахана и Егорова и если нам все удастся, то Китайское народное правительство отдаст нам в распоряженiе Китайскую Вост. желѣзн. дорогу, по которой мы будем свободно провозить свой хлѣб во Владивосток. Ближайшiя цѣли—объединенiе трех народных армiй,

занятіе Тяньцзина, Шанхая, Циндао, что даст возможность легко подвозить оружіе.

Сказанное нам мы обязаны держать в секретѣ, особенно от европейцев, ибо „каждый за стѣной отряда есть ваш враг“. Письма наши обѣщано провѣрять и это возложено было на начальника штаба Бабкина. Посылка писем помимо его контроля влекла передачу китайским властям и смертную казнь.

Весною обѣщана была война против китайских имперіалистов.

Начались занятія. Отряд наш был назван: „Особый конный русскій отряд борьбы и мужества при 2-й китайской народной арміи“. Командующим арміей назначен генерал Ио-Вей-Цзун. Гущин назначен командиром отряда, а генерал—лейтенант Иванов—Ринов его помощником.

Меня с перваго же дня взяли под надзор. Мордобитіе шло во всю. Защищать себя словом запрещалось. Каждый имѣл право говорить лишь „так точно, никак нѣт, товарищ командир, и слушаюсь“ За все остальное Гущин колотил палкой по головѣ.

Из числа прибывших к нам из Россіи было отдѣлено 20 человѣк слѣдить за нами. Их назвали „полевыми жандармами“. В этом году из них сформирован „Конно—егерскій жандармскій эскадрон“ и командиром его назначен палач—ротмстр Галочкин.

Жили мы под страхом доноса в ожиданіи истязаній. Дисциплина этим и поддерживалась.

Галочкин обвинил всадника Кидбайлова в том, что он служил в шанхайской полиціи и послан бѣлыми разложить отряд. Кидбайлов отрицал обвиненіе. Палач забрал его в отдѣльную комнату и стал вырывать сознаніе уколами иголки в пятки. Пыткой добились своего и Кидбайлов был посажен под арест, а потом исчез.

Всадника Чернышева за какую—то агитацію избил до полусмерти старшій унтер—офицер Терсков.

На станціи Лоян был задержан нѣкто Черкашивин и послѣ пыток и побоев по обвиненію в шпіонствѣ куда-то исчез.

При отступленіи 2-й арміи Гущин перевел отряд в Пао-тин-фу. Здѣсь мы простояли февраль мѣсяц. Гущин в это время ѣздил в Пекин договариваться с генералом Фын-Ю-Сяном о переводѣ нас в 1-ю армію. Результатом был наш отъѣзд в Калган. Здѣсь было выдано новое обмундированіе, винтовки и 120 лошадей на 180 всадников. Пулеметов не дали и дали лишь 60 русских сабель и 120 русских пик.

2-го апрѣля с таким именно отрядом Гущин двинулся в направленіи Урги, гдѣ, как говорили, появились хунхузы.

Я в тот же день вечером, будучи назначен в хлѣбопекарню, которая оставалась в Калганѣ, сбѣжал.

Шел по линіи в солдатском обмундированіи. В 75 верстах от Пекина у Великой кит. стѣны меня остановили солдаты 1-й арміи и доставили в военный штаб в Пекин. На слѣдующій день пришел сотрудник из совконсульства, который настаивал дать мнѣ 200 палок за побѣг и отправить обратно в отряд, но китайцы на это не согласились и при отступленіи 1-й арміи, послѣ 13-ти дневнаго заключенія, меня передали в Пекинское полицейское управленіе. Здѣсь я разсказал начальнику полиціи о своих мытарствах и был освобожден и отправлен в Тяньцзин.

Я прослужил таким образом семь мѣсяцев в отрядѣ, никакик прав на отправленіе на родину не заслужил и таких „счастливчиков“ не знаю. Нѣкоторые уѣзжали, но то были совподданные, прибывавшіе в качествѣ инструкторов.

Всадник 2-го эскадрона отряда

Стражник Іосиф.

(„Р. С.“ II/V № 81)

Спрашиваю, кто это дѣлает??

Отвѣт один: Их Превосходительства столбовые дворяне!!!

Генерал Свиты Его Величества Рузскій.

„Двуглавый Орел"—вѣстник монархичаск. совѣта, № 4, от 10 февраля 1927 г. Париж, стр. 4 сообщает, что „Экспресс Поранній" в Варшавѣ напечатал замѣтку о том, что из Румыніи и Варшаву прибыла вдова генерала Рузскаго,—госпожа Зинаида Рузская, с дочерью Наталіей и остановилась на квартирѣ у извѣстнаго еврейскаго дѣятеля Давидсона, который, по словам „Экспресса Пораннаго", является ея родственником.

Трудно судить о том, родственники они или нѣт, но факт остается фактом, что у Рузскаго и его семейства были и есть самыя близкія связи с еврейством.

Не забывайте, что Рузскій был принят при дворѣ покойнаго Государя, Рузскій был в Свитѣ Его Величества и он же с согласія В. Кн. Николая Николаевича, генер. Алексѣева, Брусилова, Эверта и др. лично принимал участіе в сверженіи Императора.

Это один из титулованных и именитых махровых в свое время монархистов...

Да, все перероднилось и переплелось с еврейством и получилось хамство и предательство.

Вот, дорогіе читатели, изнанка жизни наших „столпов" самодержавія, православія и прочих устоев государства.

Генерал Гайда.

Кто не знает ген. Гайду! Особенно его знают по Дальнему Востоку и Сибири. Это был «патріот», это была гроза и страшилище большевиков. Он вел безпощадную „борьбу“ с большевиками, и попробовали бы вы в то время плохо заговорить о Гайдѣ: могу ручаться, что на основаніи „твердых за конов“ и власти Верховнаго Правителя вас бы повѣсили, как большевика, агента красных и шпіона, ибо „борьба“ была самая настоящая: кровь лилась рѣкой и отступников—дезертиров немилосердно, как предателей, карали смертью.

А в то же время Его Превосходительство ген. Гайда и ему подобные, втихомолку, негласно, вели переговоры с „ненавистными большевиками“ на предмет... большевицкаго переворота...

Их Превосходительству это было можно, ибо была твердая власть „Верховнаго Правителя“ Колчака и только теперь, только с теченіем времени, подлость всѣх гадов выплывает на поверхность и становится извѣстной народу.

А тогда масса, умирая на полѣ брани, в братоубійственной войнѣ принужденно шла за идею Гайды и других; погибая, простой народ стяжал славу этим самозванным правителям. Невинных смертей сотни тысяч. А как эти водители разорили населеніе и государ-

ственную казну, особенно золото, увозимое вагонами!..

Ген. Гайда еще и теперь пытается через посредство закона и суда прикрыть свою подлость: он привлек к отвѣтственности за оскорбленіе майора Краташвили и русскаго эмигранта Соловьева.

При разборѣ дѣла в судѣ свидѣтель ген. Чечек показал, что Гайда в 1920 г. добивался назначенія его на высокій пост в совѣтской красной арміи. Он вел в это время переговоры с совѣтскими агентами, договаривался и продал иностранному государству военные документы дружественной державы.

Далѣе ген. Чечек заявил, что Гайда имѣл большевиков в своем штабѣ, согласно документальных данных, и что он был не прочь совершить большевицкій переворот в Сибири.

Нынѣшній начальник ген. штаба, бывшій министр государственной обороны Сыровой, подтвердил показаніе Чечека („Наш Путь“ от 16 декабря 1926 г.)

Кажется, улики на лицо, оправданія нѣт и быть не может, а потому пролитая кровь милліонов русских людей, плач милліонов сирот, обездоленных и ограбленных вдов нам говорят за то, чтобы мы в будущем не довѣрялись этим мастистым „водителям“, чтобы мы брали власть в свои руки и безпощадно боролись как с красными извергами, так и с бѣлыми предателями.

Правительство Колчака и его министры.

Хотя уже привыкли называть Колчака и его правительство „Верховной законной властью“, я говорю, что это неправда,—это просто уродство.

Откуда и от кого адм. Колчак унаслѣдовал эту власть или заполучил ее? Всякій, кто опираясь на штыки, почувствовал себя сильным,—обязательно объявляет себя „законной властью“. Так поступили Нахамкесы, Лейбы и паршивец Ленин, так поступил и Колчак: сам себя воцарил, сам себя объявил „Верховным правителем“ и сам создал себѣ правительство—министерство, которое „строило“ себѣ подобную Россію.

Это министерство не останавливалось ни перед чѣм, ибо для „спасенія“ Родины, по его мнѣнію, всѣ средства были хороши. Они объявляли мобилизацію, брали скот, хлѣб, налог за 5 лѣт вперед, а тѣх, кто упорствовал или не подчинялся приказам—немилосердно наказывали, вплоть до смертной казни; о порках же и говорить не приходится: это было любимое занятіе „спасателей“.

В состав Колчаковскаго министерства входил Его Превосходительство ген. лейт. Иванов-Ринов и это был один из лучших, творивших суд и расправу.....

Читатель знает, чѣм кончилось это „грозное“, основанное на „твердых законах“ „освободительное движеніе“. Самого Колчака партизаны-крестьяне разстрѣляли, а Его Превосходительство Иванов-Ринов с министерским портфелем переметнулся к красным и теперь уже освобождает народ китайскій, несет „счастье“ народу китайскому...

Бывшее Его Превосходительство, олицетворявшее власть Верховнаго Правителя, нынѣ сознательно признает законной властью III интернаціонал и московских головорѣзов так же, как он признавал власть Верховнаго правителя Колчака.

И он свой поступок никак не может признать скверным, ибо он родился столбовым дворянином, он привык, не трудясь, жить жирной, привольной и безшабашной жизнью. Жить и повелѣвать, но не жить и созидать—работать...

Удивительно, что бывшіе министры, Их Превосходительства, продаются как проститутки из ночлежки.

Народ русскій это все видит, народ учится на прошлых ошибках и в будущем никогда не довѣрит своей судьбы и судьбы своей Родины этим перелетам водителям...

А сколько погибло людей в прошлой борьбѣ с красными, посылаемых Их Превосходительствами Ивановыми—Риновыми на убой?!

Сколько по капризу Ивановых-Риновых разстрѣляно ни в чем неповинных людей?

Затрудняюсь назвать цифру; назовут историки.

Его Превосходительство ген. Тонких.

Один из выдающихся и „славных“ генералов, этот генерал развѣ мог в былое время позволить себѣ быть измѣнником „любимой“ Родины и Отечества?.. О нѣт! и нѣт?

Это мог позволить себѣ только негодяй, бродяга, безземельный батрак или рабочій... Как можно, чтобы Его Превосходительство был измѣнником.

А клятва??. Развѣ он мог ее нарушить! Да еще чисто русскій и преданный Родинѣ?. Никогда!..

Да, это было в то время, когда была сильная и великая Россія. Это было тогда, когда Тонких пользовался почестями и уваженіем, когда Тонких повелѣвал, жил роскошной жизнью и т. д.

Настала революція и Его Превосходительство Тонких выдохся и превратился в бродягу, перешагнул к красным извергам, перешел в лагерь грабителей и заново клятвенно обѣщается им служить вѣрой и правдой, и служит, как преданный пес, пресмыкается около Лейбы и Нахамкесов, творит

дѣло міроваго Каина, втоптав в грязь націю и вѣру православную...

Наконец он попался с поличным и 13 сентября сего 1927 года очутился в Пекинѣ на скамьѣ подсудимых, по обвиненію в агитаціи и распространеніи коммунизма в Китаѣ, в шпіонажѣ и в дачѣ военно-секретных информацій в пользу большевиков. (Раскрыто это во время обыска в совѣтском полпредствѣ. Ген. Тонких находится в числѣ 16 русских, арестованных там. См. „Р. С.“ № 481, 1927 г.)

Правда, многим это не понравится, ибо обличать бѣлую кость и чистокровных столбовых вообще не хорошо и об их гадостях принято молчать.

Но больше молчать нельзя, ибо подлость этих гадов полосатых и мерзость этих пресмыкающихся собак переполнила чашу терпѣнія!..

Б. Н. Неандер.

Б. Н. Неандер—патріот, убѣжденный монархист, сын православной церкви, враг демократов,—в прошлом занимал видные отвѣтственные посты, вел открытую безпощадную „борьбу“ за возстановленіе монархіи, был организатором монархической общественности, участник „Всероссійскаго Зарубежнаго Съѣзда“ в Парижѣ, играл видную

роль на этом създѣ. Он даже порицал бѣгство Третьякова со съѣзда. В эмиграціи он был видным членом Русскаго Національнаго Комитета в Парижѣ и там тоже играл видную роль.

За границей нѣсколько лѣт он возглавлял ОРЭСО, а также был предсѣдателем національнаго объединенія студенческих Союзов.

В гражданскую войну Б. Н. Неандер, в чинѣ капитана, занимал должность начальника политическаго отдѣла штаба перваго армейскаго корпуса.

Послѣ съѣзда Неандер сошелся с крайними правыми политическими организаціями, входил в патріотическое Объединеніе, состоял в редакціи газеты „Отечество и т. д...

Словом Неандер-это все. Он и мыслил так, как „Верховный вождь", и дѣлал точно также, как „Вождь".

О нем шла слава, на него эмиграція возлагала много надежд, особенно та часть эмиграціи, которая не теряла надежды возстановить монархію, дворянство и помѣщиков, т. е., по их понятію—„Россію".

Но неожиданность поразила всѣх, особенно его единомышленников: их поразило сообщеніе газеты „Возрожденіе" о том, что Б. Н. Неандер открыто перешел к большевикам. Даже подробности его перехода описываются.

—Очевидцы видѣли, как Б. Н. Неандер на автомобилѣ подъѣхал к совѣтскому полпредству на улицѣ Гренель. Неандер был в цилиндрѣ, из под растегнутаго пальто виднѣлся фрак, в петлицѣ была красная гвоздика. В сопровожденіи двух мужчин и дамы он прошел в полпредство".

Это ли не предательстно, г. г. монархисты?!.. Это ли не хамство?!.

А спрошу вас, можно ли на вас положиться?—Можно ли вѣрить в будущем вашим обѣщаніям?

Если совласть просуществует годик—другой, то еще не один „вождь" или „организатор" перелетит к красным...

Генаралы—жидовскіе лакеи.

Была грозная Россія, были грозные генерали и были паршивые жиды.

Послѣдних никогда и никто в Россіи не называл евреями: всюду имя им было жиды.

Вот в то время г. г. генералы частенько удивлялись тому, как это „крестьяне сживаются с жидами", водят с ними компанію, продают им свои продукты и покупают все необходимое у того же жида, и в примѣр всегда ставили себя, говоря:—„я никогда ничего не покупаю у жида"...

И это они приписывали тому, что они де мол сознательные русскіе!

До революціи оно так и было, но стоило только свершиться революціи, как эти „сознательные“ патріоты пошли дальше крестьян, напримѣр: жид Троцкій—Бронштейн, с захватом власти в центрѣ Россіи, стал во главѣ зарождавшейся красной арміи. Для всѣх было ясно, что жид взялся не за свое дѣло, и многіе полагали, что недалеко то время, когда все пойдет кубарем и от красной арміи и ея предводителя Лейбы Бронштейна останутся только рожки да ножки...

Оно так бы и было, если бы не было среди титулованных особ такой мерзости, как генерал свиты Его Величества Брусилов, ген. Балтійскій, Готскій, Лебедев и много других, их же не перечтешь.

Эти деликатно воспитанные хамы, не брезгуя ничѣм, пошли к пархатому жиду Лейбѣ работать, учили его верховой ѣздѣ, учили его стратегіи, разрабатывали планы военно—стратегическаго характера и приводили в дѣйствіе весь военный аппарат, т. е. способствовали уничтоженію бѣлых армій,—армій гдѣ были „водителями“ Их Превосходительства Ивановы—Риновы.

Так народ русскій тузил друг друга по повелѣнію Их Превосходительств, а когда Лейба под руководством генер. Свиты Его Императорскаго Величества Брусилова изгнал бѣлых из предѣлов Россіи, то Его Превосходительство Иванов—Ринов счел за благо пе-

рейти на службу к красным,—в красное дворянство...

Так „сознательные“ и деликатно воспитанные „чистокровные“ столбовые пресмыкаются и работают у пархатаго жида—Бронштейна и этого никто не видит и не слышит: всѣ обвиняют темныя массы и бичуют простой народ...

Офицеры—проститутки.

На станціи Сунгари имѣется 2-ой смотрительскій околодок 14-го участка службы пути, во главѣ котораго стоят: исп. должность смотрителя зданій тов. Кременецкій и десятника товарищ Тяпкин.

Оба они бывшіе офицеры, перелетѣвшіе около 1 1/2 лѣт назад в совѣтское подданство и на этом сдѣлавшіе себѣ карьеру.

Не имѣя никакого техническаго опыта, оба они держатся на этих мѣстах, несмотря на ряд упущеній, только благодаря покровительству дѣлопроизводителя конторы „патентованнаго товарища“ Лаптева.

Политическіе взгляды этих двух свѣжеиспеченных товарищей характеризуются слѣдующими словами одного из них, товарища Кременецкаго: „Для меня совершенно безразлично, что Николай II, что Колчак, Ленин, или Лейба Бронштейн:—платили-бы деньги и не трогали“.

Для того-же, чтобы доказать свое вѣрноподданство совѣтам, тов. Кременецкій, при наборѣ новых рабочих горделиво заявляет: „Китайскаго подданнаго принять не могу, совѣтскаго-же—с удовольствіем“!

(„Р. С.“ 13/IV 1927 г. № 352)

До какой низости и подлости вы опустились! Неужели это бывшіе и будущіе защитники Родины?! Да, к великому сожалѣнію, это—былое зеркало Россіи, былые ея защитники, превратившіеся в проституток, готовых за деньги отдаваться первому встрѣчному.

Разоблаченный „спасатель“.

На ст. Пограничная уже нѣсколько лѣт проживал б. офицер Астафьев, молодой человѣк, лѣт 28. Жил он со своей гражданской женой в домѣ кооператива КВжд.

Астафьев нигдѣ не служил, а жил, якобы, на средства жены. Свободнаго времени у него было достаточно и потому он ходил вездѣ и всюду, с особенным удовольствіем ведя бесѣды на политическія темы, поругивая большевиков и всегда стараясь быть в курсѣ различных событій.

Астафьев иногда совершал поѣздки в Харбин, гдѣ кого-то и о чем-чо информировал, привозил будто бы какую-то „литературу монархическаго направленія“, переотправлял

ее за границу и т. д., короче говоря—усиленно „спасал Россію“.

Недавно одному из служащих электрической станціи понадобилось по дѣлам службы зайти на квартиру, смежную с квартирой Астафьева. Послѣ долгаго стука один из „квартирантов“ через дверь вступил с пришедшим в переговоры, прося его зайти на другой день и увѣряя, что с освѣщеніем все обстоит благополучно.

Заподозрѣв неладное, служащій послал за полиціей, а сам остался у дверей квартиры, изрѣдка постукивая в дверь.

Соскочившій дверной крючек дал возможность служащему войти в квартиру, из которой быстро выскочил и скрылся один из сотрудников совѣтскаго консульства и правая рука „консула“ Смирнова.

К своему великому удивленію служащій электрической станціи увидал в квартирѣ одного... Астафьева.

Послѣдній смущенно лепетал, что он случайно зашел сюда „за спичками“, совершенно случайно встрѣтил здѣсь незнакомаго человѣка и т. д. Конечно, случайно же в квартирѣ не было и настоящих хозяев ея.

Что на это можно было отвѣтить?

Засыпавшійся провокатор немедленно же был отправлен своим начальством во Владивосток, гдѣ он, по слухам, служит в ГПУ.

Через нѣсколько дней, погрузив обстановку и все имущество в отдѣльный вагон,

уѣхала туда же и его вѣрная сотрудница-жена, забыв заплатить нѣсколько сот рублей долга.

Случай этот породил среди бѣженцев массу разговоров. Особенно смущены хорошіе знакомые провокатора, не допускавшіе и мысли о возможности провокаціи со стороны Астафьева, который имѣл китайское подданство, усиленно посѣщал церковь, выдавал себя за яраго монархиста, учил сына своей жены не в желѣзнодорожной, а в поселковой гимназіи и старался устроиться на службу в китайскую полицію.

(„Р. С.“ 13/IV 1927. № 320).

Какое коварство и предательство,—именем Бога и церкви дѣлать дѣло сатаны! Кто это дѣлает?

Неужели простой, темный, непросвѣщенный рабочій?

„Друг кронпринца“ кн. Масальскій.

До революціи их сіятельства никогда не впадали в такое глупое и позорное положеніе, и хотя, повидимому, сіятельные князья и в старое время занимались темными дѣлишками, но благодаря их великому званію все это было сокрыто от простого народа,

Только революція показала их темныя стороны и мы стали очевидцами таких гнусностей, о каких раньше и не слыхивали.

Князь Николай Масальскій очутился на скамьѣ подсудимых за поддѣлку чеков и банкнотов.

В Шарлоттенбургском уголовном судѣ началось слушаніем дѣло по обвиненою русскаго эмигранта князя Никслая Масальскаго в поддѣлкѣ чеков.

Масальскій послѣднее время был близок с баварским кронпринцом Рупрехтом, но в 1923 г. он был выслан из Баваріи в Берлин и с тѣх пор занялся различными неблаговидными махинаціями.

Князь Масальскій провел свыше 14 мѣсяцев в предварительном заключеніи.

Это тѣ князья, которые управляли Россіей и русским народом... Это тѣ, которые в старое время безпощадно карали преступников из простого народа, а сами жили паразитами на шеѣ русскаго народа и когда эти князья очутились в том положеніи, в каком 50 % русскаго народа жило цѣлыя столѣтія, в потѣ лица добывая насущный хлѣб, то эти князья сразу переметнулись к аферистам и занялись легкой наживой.

Думаю, что для русскаго народа эти паразиты, пожалуй, скоро не потребуются...

Офицерская устойчивость.

Говорят, что офицер из дворян и дворяне вообще обладают повышенной нравственностью, что они менѣе способны на темныя дѣла, что к этому способен лишь простой народ.

И дѣйствительно, так оно и должно быть: офицеры из дворян с дѣтства воспытываются высоконравственными родителями, затѣм получают образованіе в привиллегированных учебных заведеніях и все время впитывают в себя высокую мораль.

Ну а на дѣлѣ оказывается нѣчто иное и когда тонко воспитанным дворянам не хватает денег на кутежи и привольную жизнь —они идут на преступленія.

20 мая 1927 г. газеты сообщили („Рупор“ №№ 1960 и 1963) о пыткѣ похищенія в Тяньцзинѣ сыновей извѣстнаго свой скупостью милліонера Кулаева.

По обвиненію в этом похищеніи полиція задержала нѣскольких дворян и офицеров; вот их имена: Утюжников, Соколовскій, Бреул—Ичипари, Меценкевич и Василій Голицын.

Утюжников имѣет средства, дѣти его обучаются в англійском колледжѣ. Он до преступленія жил в Харбинѣ.

Василій Голицын извѣстен, как представитель студенческаго общества и ярый сторонник монархіи.

Остальные—того же поля ягодки.

Полагаю, что не голод и безысходная нужда толкнули этих господ на преступленіе: с голоду можно утащить каравай хлѣба, а живых людей похищают с цѣлью обогащенія...

«Помощь» союзников.

В разгар гражданской войны в Россіи, союзники отправили и высадили десант французских войск в Одессѣ, который способствовал большевицкому владычеству, а своим поспѣшным отходом и эвакуаціей Одессы предал русских в руки красных и нѣсколько тысяч русских было разстрѣляно красными.

Потом выяснились причины дерзкой передачи русских; это случилось потому, что Начальник Штаба десанта войск был жид, по фамиліи Фриденберг, родом из города Кременчуга Полтавской губ.

Фриденберг—личный друг и пріятель Лейбы Троцкаго.

Эта „помощь" русским стоит десятков тысяч человѣческих жизней. Это было отплачено русским за спасеніе Вердена и Парижа...

„Союзники" французы дошли до того, что по требованію большевиков и чтобы им угодить, конфисковали то имущество, кото-

рое армія при отступленіи Врангеля в 1920 году вывезла в Европу, на сумму свыше 110 милліонов золотых франков. („Военный Вѣстник“ № 64, 1926 г. Бѣлград.)

Это было сдѣлано с той цѣлью, чтобы русскіе были обречены на голодную смерть, лишившись и Родины, и своих имуществ, и тѣх скудных запасов и сбереженій, которые были вывезены при отступленіи.

Союзники поступили по большевицки, ибо они конфисковли имущество у бѣженцев, как им не принадлежащее, как принадлежащее русскому „государству“.

Но удивительно, почему союзники не поступили так с большевиками, которые насильственно ограбили всю Россію, которые распродают чужое добро, которые ограбили церкви и монастыри...

Учись русскій народ!! Познавай своих друзей и недругов!!!

Подлость XX вѣка.

Всякаго рода бывают грабители и убійцы и должен вам сказать, что в зависимости от разряда им и почет. Конечно, принято признавать ворами и убійцами людей оборванных, в лохмотьях и сидящих за рѣшеткой. Но стоит только тѣм же ворам ограбить цѣлую страну, цѣлую націю—государство, как их уже не смѣют называть ворами—убійца-

ми, а уже тѣми именами, какими они сами себя называют.

Чтобы не быть голословным, укажу на существованіе такого рода воровского правительства.

Существует уже около 10 лѣт „власть совѣтов“—это скопище убійц, воров, грабителей, мошенников, авантюристов и обманщиков. Чтобы их называли не ворами и не убійцами, они сами себѣ дали имя совѣтской власти и под этой личиной бывают приняты людьми государственнаго положенія и даже государственными дѣятелями. Их встрѣчают, устраивают банкеты, оказывают им почести и охраняют от покушеній на их „драгоцѣнную“ жизнь.

Эти убійцы—воры безпрепятственно вывозят из Россіи награбленное добро и продают, как собственность, на міровых рынках тѣм же милым и деликатным иностранцам; тѣм, которые всюду говорят „НЕ УКРАДИ“!!! презирают воров, ловят их и сажают в тюрьму; это они ловят своих воров, а міровых, т. е. тѣх, которые ограбили нѣкогда бывшую великую и славную и богатую Россію —они чествуют.

И это, господа, не выдумка, а правда, которую отвергать никто не сможет.

Вот хотя бы такой факт: в 1926 году 23/II Харбинское радіо из Парижа сообщало: —„сегодня получены свѣдѣнія из СССР, что группа французских ювелиров, возглавляемая

Франкіано и Фризманом, закончила с московским „совѣтским правительством“ сдѣлку по покупкѣ остальных драгоцѣнностей, принадлежавших дому Романовых.

В число этих драгоцѣнных вещей входят: усыпанная брилліантами корона бывшей Государыни, нѣсколько ея діадем и браслетов; кромѣ того пятьдесят четыре тысячи каратов, вынутых из оправы брилліантов, восемь тысяч каратов изумрудов и нѣсколько тысяч каратов сапфиров и рубинов“.

Всѣ эти драгоцѣнности пріобрѣтены за шестьсот три тысячи фунтов стерлингов.

Фраза—„остальных драгоцѣнностей“—говорит за то, что раньше были закуплены брилліанты и алмазы и только теперь купили остальное.

Главное это то, что французы так и именуют эти драгоцѣнности: „брилліантовый фонд дома Романовых“.

Удивительно, как это деликатные и культурные иностранцы, покупая эти драгоцѣнности от людей, которые разстрѣляли владѣльца—Романова, не брезгуют покупать от убійц ограбленное и залитое кровью человѣческой... Да, культура и деликатность!!!

Сбыт награбленнаго.

(Ризы с икон и оклады с Евангелій.)

25 февраля 1927 г. на вокзалѣ ст. Хар-

бин Сукеник—еврей получил очередную партію драгоцѣнностей из СССР.

Груз был прислан из Москвы в Харбин, в адрес торгпредства СССР.

Груз был в трех довольно больших ящиках. Одной пошлины за него Китайской таможней в Маньчжуріи было взыскано 148 дол.

Грузом этим заинтересовалась желѣзнодорожная полиція, и вскрытіем установила, что большинство драгоцѣнностей заключалось в серебрянных ризах от образов и брилліантах. Это не единичный случай.

(„Р. С.“ от 26 февраля 1927 г. № 315.)

Как видите, награбленное до сих пор вывозят и продают гуманным и деликатным европейцам...

Во многих магазинах Харбина, в витринах, рядом с статуэтками голых женщин и прочими „случайными“ вещами красуются образа православнаго письма в серебряных и золотых ризах и кіотах.

Образа эти также доставлены из Россіи Сукеником (ну и фамилія!) и по дешевкѣ распроданы в магазины.

Иностранцы охотно покупают эти образа, ограбленные большевиками в святых храмах Руси православной...

Отвѣтъ г. Суворину.

Чтобы узнать о том, что дѣлалось в Россіи,—у красных или у антибольшевиков,—приходится, главным образом, прибѣгать к литературѣ, к воспоминаніям и описаніям „очевидцев".

Провѣрить правдивость того или иного борзописца даже теперь не представляется возможным, а лѣт через 50 всякая брехня и небылицы в лицах будут приняты как дѣйствительные факты.

Эти писаки без стѣсненія в дореволюціонной Россіи пописывали против царя, за революцію, а когда их цѣль была достигнута, то распоясались и пѣли гимн революціонерам и всяким паршивцам из современных правителей и клятвопреступников.

Торжество их хамства было непродолжительным и как только этих мѣднолобых болтунов большевики стукнули по пустой макушкѣ, так они заорали на всю глотку: Караул!! Карррааул!!!

Они орут, что темныя массы умертвляют людей цивилизаціи и культуры, что необходимо вмѣшательство союзников, дабы силой оружія возстановить попранныя их права.

Удивительно, почему ни один из этих мѣднолобых писак не осмѣлился 3 марта 1917 г. крикнуть каррррaул!!! призывая

союзников для возстановленія попранных прав Императора Николая II.

Очень просто: вѣдь это же был переворот, по их понятію, чисто „законный“, в нем участвовали В. Кн. Николай Николаевич, ген. Алексѣев, Брусилов, Рузскій, Эверт и т. д., а большевицкій переворот незаконный, ибо он лишил писак власти.

Вся эта меланхолическая блудословная шатія бѣжала за границу и взялась за описаніе прошлаго. Пошли писать, марать бумагу, и врать, врать и врать.

Передо мной лежит книга, написанная извѣстным журналистом Борисом Сувориным: „За Родину“. „Героическая эпоха Добровольческой арміи“ 1917—1918 г. Париж. 1922.

В этой книгѣ ложь и клевета самая безнравственная и ничѣм не прикрытая. Для большей вѣскости этот мудрый журналист почти послѣ каждаго слова поторяет:—„Я не историк, только историк опишет полностью“.

Старый блудослов все это пишет для тѣх же историков и что же вы читаете?

Он до истерики кричит, хвалит Деникина, Алексѣева и других им подобных заправил добровольческой арміи. Он знает, что ген. Деникин пишет свою брехню: „Очерки Русской смуты“, и постарается не обидѣть Суворина; таким образом рука руку моет.

Суворин теперь „монархист“. По его писанію казаки Кубанцы—это соціалисты.

Но я бы спросил этих подхалимов, вчерашних соціалистов и революціонеров,—чего вы прибѣжали на Кубань спасать свою предательскую шкуру? На кой чорт вы нужны были Кубанцам? Гдѣ ваша родина, чортово отродье и выродки проклятые?

Вы отдали свою родину жидам, а сами бѣжали к Кубанцам в надеждѣ, что мол Кубанцы пойдут, освободят Россію, возстановят вас в правах помѣщиков и при помощи казаков вы будете управлять своими помѣстьями...

А когда казаки отказались возстанавливать вас в правах,—вы подняли вой о том, что Кубанцы соціалисты.

Я спрашиваю вас, какое вы имѣете право говорить о казаках и претендовать на них, обвинять их в том, что они не возстановили вас в „правах" и т. д.? Гдѣ ваш народ? ваша Родина?!

Вы—преступники, и вы погубили Казачество. Благодаря только этим проходимцам, которых народ изгнал как паразитов, Казачество понесло страшныя потери людьми и имуществом. Не будь вас,—Казачество превратилось бы в буферное Государственное образованіе, по примѣру Литвы и др. и Казачество всегда бы отстояло свою независимость.

Суворин пишет:—Кубанская Рада выѣхала из Екатеринодара за Кубань на реквизированных фаетонах, а дальше говорит, что

Рада вся имѣла самых лучших верховых лошадей.

Я один из участников всѣх ледяных походов, как закубанских, так и других и заявляю, что это самая безсовѣстная ложь. Кубанское Краевое Правительство и Рада не имѣли понятія о реквизиціи. Да оно и не могло грабить свою родную Кубанскую область, оно не могло грабить само себя. На Кубани реквизиціей занимались только добровольцы.

Вся Рада выступила на верховых лошадях.

Это только господа Суворины безсовѣстно грабили и обманывали Россію и народ русскій, это только они всю свою жизнь грабили и морили подъяремный народ русскій, но не казаки, не избранники Казачества.

Это вы, проходимцы, помѣщики во главѣ с пресловутым Родзянко занимались этими вещами, а потом бѣжали на Кубань спасаться от народа русскаго.

Спрашиваю, много ли за вами пошло русских людей? Много ли вы нашли среди русскаго народа ваших приверженцев! Вас гоняли, вас ненавидѣли и презирали...

А Кубанцы пошли со своими избранниками. Кубанцы шли и умирали, и вся опора была только в Кубанцах, а не в добровольческой арміи.

Вот примѣр: эта масса кубанцев ушла со своими избранниками за границу. А кто ушел с вами и вашими Деникиными?

Россія была освобождена по Орел; это нѣсколько десятков губерній Юга Россіи, но войск, кромѣ казачьяго, не было, а если и были, то они служили до перваго удобнаго побѣга к красным. Вот факт: стоило только Казачьей арміи ослабить частично фронт, как арміи совсѣм не стало и все покатилось прямо в Черное море, и этим кончилось „побѣдоносное шествіе на Москву.“ Кончились ваши надежды и „міровой герой“ бросил своего бѣлаго коня, на котором готовился въѣзжать в Бѣлокаменную Москву.

Повторяю, что все это кончилось как сон, а Казачья армія все же, хотя и небольшая, есть; она окружила свое правительство и в изгнаніи совмѣстно переживает ужасы бѣженской жизни, в надеждѣ в будущем, под командой и водительством своего Казачьяго правительства возвратиться на родину, возвратиться не с повинною, не раскаиваться подобно вашим патентованным патріотам и борцам, начиная Слащевым—Крымским, Б. Н. Неандером, Ивановым Риновым, Брусиловым, а с гордостью, как вообще прилично казакам.

Суворин ни одним словом не обмолвился о том, как эти „водители“ приказали двинуться арміи на Москву и как командующій добрарміей ген. Май—Маевскій в Харь-

ковѣ три дня и три ночи в хмѣльном пиру был невмѣняемым, а подставленная ему Сарочка Срулевна выкрала всѣ секретные документы и бѣжала к красным.

В это же время Деникин, окрыленный надеждой скоро быть в Москвѣ, приступил к полной ликвидаціи избранников Кубанскаго Казачьяго Войска. Тогда же был повѣшен член Кубанскаго Краевого Правительства Калабухов, остальные были разогнаны; словом, власть переходила к диктатору и грозному повелителю народа русскаго...

Но случилось, что эти повелители позорно бѣжали, прихватив с собой толику россійскаго добра.

Вот удивительно, что таких случаев г. Суворин не знает, а между тѣм Суворин в этот період издавал газету на деньги добровольческой арміи и трубил во всю о въѣздѣ на бѣлом конѣ в Москву.

Как же мог Суворин не знать таких вещей, о которых говорят всѣ. О женитьбѣ „Мая“, о его невмѣняемости он тоже ни слова не говорит.

Дальше г. Суворин говорит, что его поразило засѣданіе Кубанской Рады: вся она была одѣта в черкески с длинными кинжалами, в сапогах, смазанных дегтем. По его мнѣнію, это не гармонировало и было как-то смѣшно...

По Суворинскому понятію казаки должны только воевать, а в парламентах должны засѣдать только люди во фраках и деликатных шевровых ботинках, люди деликатно воспитанные, с примѣсью бѣлой кости и..., словом, г. г. Суворины и другіе.

Но за то тут же Суворин сам себя разоблачил, т. к. настоящіе казаки в сапогах с дегтем не будут сами себя грабить, а потому нельзя допускать мысли, чтобы эти люди с запахом дегтя реквизировали фаетоны и т. п, как Суворин, Родзянко, Алексѣев, Деникин и др., т. е., всѣ эти господа, которые свершили предательское дѣло, свергнули Императора, бѣжали на Кубань и укрывались за спинами Кубанскаго Казачьяго Войска...

А теперь они поганят и клевещут на Казачество.

Но сколько бы вы, г. г. Суворины и К-о не клеветали, сколько бы не брюжжали,— все же Кубанцы не были злодѣями и не будут, Кубанцы не принимали участія с вами в государственном переворотѣ 1 марта 1917 г.

Остаются предателями тѣ, кто это дѣлал, а дѣлали, повтряю: В. Кн. Николай Николаевич, ген. Алексѣев, Брусилов, Рузскій, Эверт и др. Вот чья совѣсть не чиста, вот главные виновники всего переживаемаго народом русским. Вот кого необходимо проклинать и поносить, но не Казачество!..

Дальше г. Суворин описывает, что он оставил в Россіи. Для наглядности привожу подлинное из его книги:

—„Чтобы дать понятіе читателям о том, чего я лишился, я вкратцѣ изложу состояніе наших дѣл: я был главным редактором „Новаго Времени“ и двух самых распространенных вечерних газеты Петрограда и Москвы: „Вечерняго Времени“ и „Времени“. Я же был предсѣдателем совѣта контр—агентства на желѣзных дорогах А. С. Суворина и Ко, имѣвшаго в своем распоряженіи до 500 кіосков.

—Т-во наше, в котором я был одним из крупных пайщиков и дѣятельных членов совѣта, имѣло в Петроградѣ двѣ газеты, три дома, два магазина, двѣ конторы,—обѣ на Невском, красочную фабрику, типографію и крупнѣйшее издательское дѣло.

—Я сам отдѣльно занимался издательством и имѣл два журнала: „Англо-Русскій промышленный журнал“ и спортивный—„Конскій спорт“.

—В Москвѣ у нас была газета „Время“,—контрагентство ж.-д. и книжный магазин. Кромѣ того у нас было книжное дѣло, книжные магазины: в Саратовѣ два, в Ростовѣ на Дону, в Харьковѣ и в Одессѣ. И наконец бумажная фабрика в Черновицком уѣздѣ Новгородской губерніи с 30.000 десятин лѣса.

—Я не говорю уже о частной собственности моей семьи, о имѣніях, о моем конском рысистом заводѣ, бѣговой конюшнѣ и об удивительной библіотекѣ и т. д.

—Все это пришлось потерять в угоду революціи и т. п."

К этому можно только добавить, что вам-то, собственно говоря, нужна не Россія, а ваши имущества; не будь этих имуществ, вы бы и не были „патріотами". Россія вам нужна постольку, поскольку ваш имущественный интерес связан с нею. Ваши всѣ надежды на монархію, ибо это связывается с возвратом помѣщичьих имѣній и т. д.

Читатель должен знать, кому нужна Монархія.

Она нужна г. г. Сувориным и им подобным но не простому народу русскому: г. г. Суворины, ваши надежды на возвращеніе вами потеряннаго—тщетны.

Пока-не поздно, слѣдуйте примѣру вашего собрата Б. Н. Неандера: этот тоже был с чувствами „патріота", тоже проливал слезы по милой „Родинѣ", и с торжеством передался и перешел к красным дворянам.

Мы—казаки с запахом дегтя—остаемся вѣрны своей Родинѣ.

То, что было и чего уж не будет.

Товарищи собираются праздновать десятую годовщину своего хамскаго царствованія, и всѣ эти десять лѣт эмиграція так или иначе собирается „бороться“ с красными.

Способов борьбы масса, групировок множество и всѣ они блуждают в трех соснах.

Головка эмиграціи, желая сохранить за собой привиллегированное положеніе, „борьбу“ строит на „авторитетах“ собственнаго покроя, а таких авторитетов сколько угодно. Эти „авторитеты“—„зубры“ никак не могут примириться со временем и положеніем. Им Россія нужна такая, как они сами, но не такая, которая спросила бы их о прошлых прегрѣшеніях и потребовала бы отчета за прошлое, а потому сіи „патріоты“ періодически подымают брюжжаніе и ищут „водителей“. „Водителями“ обязательно являются генералы. Я помню, как в прошлом году один из журналистов, в „Вѣстникѣ Желѣзнодорожников“ в №№ 28, 29 и 30, выдвигая в „наполеоны“, начал писать біографію ген. Хорвата. Половину написал, но в виду того, что надежды были слабы на успѣх Хорватовской кандидатуры в „наполеоны“, так начатой біографіи и не дописал.

Поэтому самое интересное осталось для многих неизвѣстно, почему я рѣшил закончить начатую біографію,

Не буду описывать, как г. Хорват жил в особнякѣ, как он в час дня на парѣ вороных в фаетонѣ подъѣзжал к Управленію, а через час катил в особняк, т. е. не он управлял, а управляли стоящіе во главѣ административных учрежденій, а ген. Хорват только в теченіи часа его пребыванія, с сигарой ворту, выслушивал доклады и с пышностью уѣзжал в особняк.

Теперь остается знать, кто были во главѣ административнаго аппарата? Вот они:

1. Комендант города Харбина Дункин... нѣмец.

2. Полицеймейстер Харбина...... фон-Арнольд... нѣмец.

3. Участковый пристав...... Гиберлейм... нѣмец.

4. Помощник пристава...... Саммер... нѣмец.

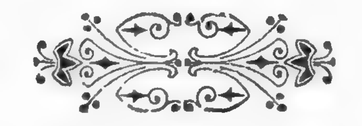
5. Комендант станціи Харбин...... Барон фон Ропп—нѣмец.

6. И другіе служащіе были бароны Гунин и др. нѣмцы.

На Магазинной ул. у них был національный нѣмецкій ресторан, гдѣ всѣ нѣмцы собирались для препровожденія свободнаго времени и рѣшенія всевозможных національных вопросов, вплоть до государственных, а во время войны в 1914 г. нѣмцы одѣли свои національные мундиры и маршировали по улицам Харбина с видом гордости и вызывающе по отношенію русских.

Это продолжалось до тѣх пор, пока русскіе рабочіе по собственному почину не напали на „гордых“ нѣмцев, поколотили им бока, а других избили до смерти. Только тогда г. Хорват, оберегая драгоцѣнную жизнь нѣмцев, отправил их в Шанхай, дабы их присутствіе не мозолило глаза рабочей массѣ.

Что же случилось? А вот что! Хамскій, некультурный и темный русскій рабочій в порывѣ національных чувств изгнал своих исконных врагов, врагов—с которыми его собрат—солдат сражался и умирал на полях, защищая Родину.

Заключеніе.

Суммируя изложенное, нужно сказать, что мерзость и подлость, исходящая от III интернаціонала, не поддается учету и сколько бы вы об этом не писали—все это безполезно, ибо эти варвары—убійцы неисправимы, а потому нужно вѣрить в единственный исход,—это полное уничтоженіе этих варваров, ибо их преступленія не имѣют себѣ равных по дикости и мерзости.

Что же касается «бывших» людей и вообще эмиграціи, или той головки, которая так или иначе ведет нездоровую, а зачастую и ложную политику,—необходимо отрезвить их, ибо все же есть надежда их исправить, и в будущем они принесут пользу Родинѣ; их только стоит обуздать, чтобы они знали, что всякая ложь с теченіем времени разоблачается. И что лгать тоже преступленіе.

Первым своим долгом я считаю нужным заявить, что казачество: Дон, Кубань, Терек „вождем“ в. кн. Николая Николаевича не признают, согласно письма Атамана Кубанскаго Казачьяго Войска генерала Науменко от 27 марта 1927 г. на имя П. С. Ковгана.

Привожу дословную выдержку из письма Атамана Кубанскаго Казачьяго Войска:

«Вас интересует наше свиданіе с Николаем Николаевичем? У него мы были, говорили чистосердечно, его признать вождем отказались, привели ему мотивы этого и он не возражал. А через 2 дня его окруженные во главѣ с Лукомским и Красновым подняли против нас крик, но скоро выдохлись».

Три Казачьих Войска: Дон, Кубань и Терек на зарубежном съѣздѣ в Парижѣ в 1926 г участія не принимали на том основаніи, что это был не съѣзд эмиграціи русскаго народа, а скопище людей, преданных старым традиціям,—людей, не имѣющих корней в народных массах, скопище интриганов. Показательно, что даже сторонник съѣзда г. Третьяков бросил съѣзд и бѣжал.

Исходя из этого, всякаго крикуна о „вождѣ“ всего „народа“ нужно обличать и поносить, ибо это ложь и неправда, т. к. это—„вождь“ столбовых дворян, помѣщиков, и т. д.

Эти крикуны безсовѣстно обманывают довѣрчиваго эмигранта, вводят в заблужденіе русскаго человѣка. Нѣкоторые из „почетных" генералов на Дальнем Востокѣ годами обманывают всѣх, говоря, что вот-вот, такого-то числа Н. Н. выступит с арміей, что вот-вот иностранцы придут и освободят Россію. И эту ложь нашептывают на протяженіи цѣлаго ряда лѣт, даже не стѣсняются указывать число и мѣсяц, когда это случится и всегда подтверждают, что они лично в перепискѣ с Н. Н. и что только ожидают приказа или прибытія замѣстителя Н. Н. и т. д.

Эту ложь слушают довѣрчивые эмигранты и ждут. Нѣкоторые благодаря такому обману страдают экономически. Стоит только каждому из эмигрантов припомнить всѣ разговоры с генералитетом и самому взвѣсить, сколько было обмана и неправды. И к тому я заявляю, что никакой арміи у барона Врангеля, ни у Николая Николаевича нѣт, равно как и у генералов Дальняго Востока. Армія трех Казачьих Войск: Дона, Кубани и Терека есть армія Казачья, которая как на Д.-В., так и в Европѣ подчиняется только своим избранным Атаманам, но не „вождям"—князьям, дворянам и помѣщикам.

Как на Д.-В., так и в Европѣ, кромѣ Казачьей арміи, нѣт никакой другой, ибо армія барона Врангеля, Николая Николаевича и др. равна той, какая имѣется на Дальнем Востокѣ: она состоит из генералов, разнаго рода

старья и ненужнаго хламу—нахлѣбников; ни одного солдата, ни одного крестьянина, ни одного рабочаго в ней нѣт. Вот вам тѣ арміи, о которых безстыдники талдычат, сообщая о высадкѣ барона Врангеля и т. д...

Работа „вождей" и „Императоров" заключается в отыскиваніи денег для прожитія и в упованіях на то, что быть может случайность их приведет к власти над русским народом. Другой работы они не проявляли и не проявят.

Такою же работой занимаются многіе „водители" на Д.-В.

Для того, чтобы не быть голословным, укажу, что еще эмигранты не видѣли работы, о которой так усердно кричат на Дальн. Вост. Я имѣю цѣлый ряд писем из Европы, говорящих, что ровно ничего не дѣлают в Парижѣ—Шуаньи, что все это выдумка и самообман. Да и на самом дѣлѣ: в чем же проявилась эта работа?... Кто видѣл ее на протяженіи цѣлаго ряда лѣт?

Мнѣ отвѣтят, что была написана декларація и нѣсколько подложных декларацій; вот и вся работа.

Можно ли ожидать спасенія Родины от этой работы? Это абсурд и ложь! В таком ожиданіи многіе эмигранты уже умерли, умрут и остальные.

Революція раз и навсегда упразднила дворянство, князей и помѣщиков в Россіи и возврата к этому быть не может, а потому не-

сти такую чушь в умы русскаго народа по меньшей мѣрѣ подло, ибо это преступленіе, —говорить, что Николай Николаевич за народ, что он против возвращенія к старому и т. д.

Но г. г. мастистые крикуны, неужели вы думаете своей нахальной ложью спасти отжившее и отмершее уродливое на тѣлѣ русскаго человѣка баронство и дворянство?!

Ваша непослѣдовательность так и дышет ложью, ибо еще не было случая, чтобы тот же князь Николай Николаевич заявил, что он не князь, что он не дворянин, что он не помѣщик и что он не монархист... Слѣдовательно он был и есть все: монархист, князь, дворянин-столбовой, помѣщик и т. д., а все сказанное о том, что якобы он только работает „для народа“—это есть уловка и политическая махинація.

Потому для нас, настоящих простых русских, любящих свою Родину и народ русскій, желающих счастья народу,—с этими господами, возстановляющими помѣщичье-дворянское царство, не по пути... И то, что упразднено с пролитіем моря крови русскаго народа,—возстановлено быть не может и не должно.

До тѣх пор, пока будут существовать монархическія организаціи и до тѣх пор, пока будут существовать титулы разнаго рода особ, до тѣх пор, пока церковь православная будет с амвона молиться о свѣт-

лѣйших князьях и их здравіи,—освобожденія Россіи при их участіи быть не может и не будет, т. к. народу этот хлам не нужен.

И несмотря на всю подлость прошлаго и настоящаго, все-же в трущобах эмиграціи періодически искусственно подымают вой и хвалебныя пѣсни тѣ же господа, которых я описывал выше. Они ложно увлекают довѣрчиваго читателя тѣм, что якобы „вот-вот выступит какой-то князь и освободит Россію“! Придут иностранцы и т. д.

Но как видите, что все это от начала и до наших дней вранье и обман, ибо еще не было случая, чтобы даже иностранцы повели разговор хоть с одним из этих мнимых „вождей“... Если иностранцы и говорят и говорят серьезно, то во всяком случаѣ не с тѣми, кого теребят „почтенные“ драматурги и писаки.

Иностранцы в пустую балаболку не вѣрят. Для них нѣт надобности говорить с тѣми, кто самым подлым образом свершил переворот и отдал на разграбленіе страну Россійскую (это продѣлали князья и г. г. генералы). Правда, участіе в этом принимали не многіе, но самые видные, стоящіе во главѣ как арміи, так и Россіи. (См. „З. Н.“ том I.).

Иностранцы все это учитывают, так как хозяин, промотавшій свое хозяйство, больше довѣріем у них не пользуется, ибо он не способен быть хозяином и в будущем.

Иностранцы так же хорошо учитывают и то, что всѣ эти пресловутые „вожди“ не что иное, как самовыдвиженцы, подобные Колчаку, Деникину, барону Врангелю и др. Иностранцы им уже помогали и шлепнулись в лужу, ибо сіи „водители“ являлись представителями не народа русскаго, а кучки себѣ подобных.

Что же касается Казачьих Атаманов, то это единственные настоящіе представители народа, это не самовидвиженцы, а представители низов народа, их избравших. Вот поэтому то иностранцы и говорят с ними, и будут говорить, а с этими самокоронованными „вождями“ говорить не будут никогда, ибо этих „вождей“ в изгнаніи такая масса, что просто приходится удивляться: князь Николай Николаевич—„вождь“, кн. Кирилл Владимирович—Император и т. д,, и всѣ они, по их пониманію, являются „законными“ наслѣдниками, и всѣ они всюду заявляют, что якобы их народ русскій с распростертыми объятіями ждет...

Для иностранца это пустой звук и бредни; вот почему с ними не говорят и не будут говорить.

Повторяю, что это бредни, ибо кто же будет говорить с быв. Императором Китайской имперіи, кто будет говорить с быв. князем Франціи? Ясно, что это просто бредни самих г. г. „вождей“ и их приближенных,

жаждущих реставраціи-возстановленія помѣщичьяго – дворянскаго управленія в Россіи.

А русскій народ, переживший столько несчастій, столько перестрадавшій и столько видѣвшій подлости и предательсiва со стороны князей, генералов и т. д.,—развѣ он может довѣриться заявленіям „вождей“.

О Боже мой, обманутаго уже не обманешь!. Русскій народ обманули и бѣлые и красные, а потому он больше на обман не пойдет.

Народ будет еще страдать под игом тиранов III интернаціонала, но на обман не пойдет и сам себя освободит.

Когда—то, в очень отдаленное от нас время, жил мудрый старик и когда он умирал, то позвал своих сыновей, дал им вѣник и просил поочереди ломать вѣник; когда всѣ сыновья, пробуя, не могли сломать вѣник,—старик велѣл развязать вѣник и сыновья отдѣльные прутики без особых усилій переломали.

Старик пояснил, что до тѣх пор, пока сыновья будут жить вмѣстѣ, в мирѣ и согласіи, их, подобно вѣнику, никто переломить не сможет, а как только они станут жить отдѣльно и не в согласіи, то их, подобно развязанному вѣнику, по одному прутику всѣх переломают.

Прутья, составляющіе вѣник, есть отдѣльныя частицы, отдѣльно выросшіе и связанные умѣлою рукою в громадный вѣник.

Так наша прошлая Россія росла и множилась в отдѣльности, отдѣльными прутьями и умѣлою рукою, зачастую насильственно, под флагом идеи монархизма, была объединена в громадный вѣник, который и существовал 300 лѣт.

Связка такого вѣника была основана на идеѣ монархизма и вѣры православной. В этом большую роль играла церковь и духовенство. Но с теченіем времени, эта идея сама себя изжила, ибо нѣкоторыя из отдѣльных народностей, составляющія этот вѣник, как-то: Украинцы, Кавказцы, Латыши, Поляки, Латвійцы, Литовцы, словом всѣ, за исключеніем великороссов, были недовольны тѣм, что они лишены собственнаго языка и культуры; а также они были лишены возможности участвовать в управленіи государством.

Кромѣ того вѣник—Россія распался еще и потому, что прутья вѣника не были одинаковы между собой, т. е. такія наслоенія как аристократія, дворянство, помѣщики и т. д. выдѣлились и стали попирать остальные прутья; ясно, что связка оказалась непрочной и гнилой и стоило только дернуть за эту связку, как весь вѣник моментально разсыпался на множество отдѣльных прутьев, по національностям.

Если вѣник и оставался видимым „единым“, то это просто была видимость, а в дѣйствительности стоило только дернуть за основу вѣника, как вѣник разсыпался на отдѣльные прутья и в данное время эти отдѣльные прутья собирать в один громадный вѣник довольно трудно. Трудность эта заключается в том, что нѣт здоровой связки, чтобы обратно связать разсыпавшійся вѣник. Повторяю, нѣт здороваго идеала, посредством котораго была бы возможность соединить отдѣльные прутья в общій вѣник, так как тѣ прутья, которые были связаны насильственным образом, теперь, когда этого насилія можно избѣжать, в общій вѣник по собственному тяготѣнію не пойтут, а тѣ, кто силится опять связать громадину в 150-170 милліонов своею гнилою связкою монархизма,—только распыляют их на мелкія частицы.

Скажите, какое же может быть объединеніе в общій громадный вѣник, когда какая—то кучка, именующая себя великороссами и представляющая меньшинство в былом вѣникѣ—Россіи, по своему культурному уровню стоящая далеко ниже громаднаго большинства,—все же силится доказать, что они—Россія, что они—„единая, недѣлимая“... А на остальное им плевать...

Разсмотрим положительныя стороны тѣх и других. Например, великороссы составляют центральную Россію, Россію самую бездоходную и самую некультурную, Россію, которая

по своему невѣжеству была крѣпостной до ея освобожденія царем Освободителем... В данное время эта Россія восприняла большевизм и смирехонько живет под игом большевизма уже 10 лѣт. За 10 лѣт не было ни одного крестьянскаго возстанія, а в гражданскую войну вся эта „Кацапія“ принимала самое горячее участіе в красной арміи против бѣлых, да и самый большевизм зародился в Кацапіи.

Из Великороссіи бѣжали на окраины всѣ тѣ, кто был противник большевизма, слѣдовательно большевизм родился и укрѣпился в самом центрѣ Великороссіи. И как доказательство того, что великороссы являются сторонниками большевизма, можно привести факт, что за 10 лѣтнее существованіе еще не было случая, чтобы великороссы — крестьяне возстали против ига III интернаціонала...

Всѣ окраины государства Россійскаго не толко не приняли большевизма, но стали воевать с большевиками и если бы „водители“ понимали смысл борьбы, то Россія была бы освобождена. Но бѣда в том, что твердолобые „водители“, подобно их соплеменникам —Кацапіи, разрушали и разрушили противобольшевицкое движеніе своими висѣлицами, поркой, пѣніем Боже царя храни, возстановленіем помѣщиков, игнорированіем народными представителями, как-то Петлюрой и другими, и возстановленіем наказных атама-

нов в казачьих войсках, зачастую даже не русских, а нѣмцев и жидов.

А на Украинѣ еще не прекращалось противобольшевицкое движеніе, еще не угасло народное негодованіе против тиранов и деспотов большевиков. И будет оно продолжаться до тѣх пор, пока украинцы не изживут проклятое иго.

Удивительно одно обстоятельство: здѣсь, за рубежом, не только твердолобые „водители", а и духовенство бредит в своих церковных дѣлах. Церковь молится Богу об умученных и убіенных всѣх рангов „борцах и водителях", за исключеніем Петлюры и подобных ему. Церковь молится даже за тѣх, кто посягал на Божьяго помазанника, за тѣх, кто совершил клятвопреступленіе, кто попрал вѣру, святость церкви православной...*)

Скажите мнѣ по совѣсти, неужели Петлюра был хуже тѣх, кто втоптал в грязь святость данной клятвы и святость церкви православной?... Неужели Петлюра не борец против тиранов большевиков?... Неужели Петлюра, положа свою жизнь за благо своей Родины, был хуже других!

Кромѣ того Петлюра не принимал участія в активном сверженіи царя... Это просто непониманіе борьбы.

О единой недѣлимой и рѣчи быть не может, ибо Украинец должен помнить, что

*) Читай том I „З. Н.", страницы 197—211.

его заставят поклоняться только великороссу-кацапіи и Богу молиться за одних кацапов...

И тут церковь заставляют играть роль предательскую, и тут духовенство занимается ненужной ей политикой и разъединеніем народностей.,.

Церковь заставляют творить дѣло Каина и предателя, церковь заставляют заниматься подлым лицемѣрным разъединеніем народных масс, церковь заставляют заниматься политикой и вмѣшиваться в жизнь народных масс...

При таких обстоятельствах можно ли помышлять об объединеніи на платформѣ прогнившаго и изжившаго себя прошлаго режима?., Можно ли понудить к этому свободолюбивый народ, изстари не знающій крѣпостного права, изстари боровшійся за свое право, свободу, равенство и братство... Да, отвѣчаю, можно: только не насиліем деспотизма, не угрозами, не понужденіями и не обманным порядком, лицемѣрно, по предательски, а добровольным соединеніем самаго народа, на равенствѣ народов, на самоопредѣленіи народов, на уваженіи уклада, быта и культуры народов, населяющих Россію... Только такое объединеніе может дать возможность связать громадный вѣник, о котором мечтают многіе и без котораго борьба с большевизмом немыслима и глупа...

Какую подлость творят разномастные „писаки“! Они искажают всю литературу,

они занимаются травлей против тѣх, кто мыслит не так, как им бы хотѣлось... Всюду они прилагают всѣ усилія к тому, чтобы показать читателю особых „водителей“ и особыя основы государственности. В особенности твердят они о том, что только от рожденія и от извѣстнаго происхожденія могут быть лица, творящія чудеса...

Но они забывают о том, что прошло безвозвратно то время, когда сіе принималось за истину, ибо народ сам убѣдился в том, что это бредни сумасшедшаго, что чудеса может творить и тот, кто родился простым рабочим и крестьянином и практически это вполнѣ доказано,—стоит только вспомнить прошлое, вспомнить гражданскую войну и тѣ чудеса, которыя творились людьми не то, что от рожденія самим „Богом“, по завѣренію писак, предназначенными творить чудеса, а тѣми, кого считали и по сей день считают глупыми и неподготовленными для государственных дѣл.

Кто не знает т. Буденнаго, бывшаго вахмистра, который кромѣ „пошел вон“ от деликатно воспитанных не получал и до революціи никто не знал о его существованіи. Только революція показала, что бывшій вахмистр Буденный по прирожденному уму,— уму, который не развит до должной высоты, стоит далеко выше „свѣтил“ былой Россіи.

Буденный показал, что его талант в военном дѣлѣ куда выше мнимых талантов

разных стратегов. Правда, Буденный предатель и измѣнник, но достаточно было появиться Буденному на фронтѣ, как все катилось к чорту... Все бѣжало без оглядки...

Я глубоко вѣрю, что в момент историческаго переворота в Россіи явятся подобные Буденные, конечно не красные и не бѣлые, а народные и будут творить чудеса, будут руководить массами и тѣми же г. г. генералами, которые на протяженіи цѣлаго ряда лѣт ничего не сдѣлали, если не считать их перелетов к красным.

Я повторяю, что генералы ничего не сдѣлали, они не смогли подойти к массам, даже к мѣстным желѣзнодорожникам. Они на протяженіи лѣт только углубляли рознь между рабочими и служащими ж. д., и это они считают полезной политической работой!..

До тѣх пор, пока мы не сможем объединиться с рабочими массами, до тѣх пор, пока мы не завоюем симпатіи рабочих масс, как мѣстных так и россійских,—о борьбѣ говорить—блудословіе и обман.

Рабочіе никогда, ни при каких условіях своих революціонных завоеваній никому не отдадут, а потому сколько бы мы не пыхтѣли, сколько бы мы не дулись, но сравняться с волом не удастся и мы скорѣе лопнем...

Но все же как подло и мерзко—предательски проходит эта эпоха переходнаго вре-

мени, как эти мнимые патентованные „патріоты“ прилагают всѣ усилія, чтобы снова самовоцариться и создать „единую кацапскую недѣлимую“. Все это только до поры до времени, а Россія будет русская... Не нѣмецкая, не баронская и не дворянская, а настоящая, без прикрас, русская.

Россія будет новая и счастливая, ибо она будет такой, какой она должна быть. Возродится Казачество, то Казачество, которое было насильственно уничтожено царским правительством. Казачество возродится в небывалой величинѣ, т. е. от Балтійскаго моря вся Украина, Дон, Астрахань, Кавказ, Урал, Оренбург, от Урала вся Сибирь до Владивостока-будет Казачье государственное образованіе*), а великороссы—с центральными губерніями будут тоже государственным образованіем. Вот эти образованія на договорных началах объединятся и составят Великое Русское Государство... Государство, гдѣ не будет попирательства слабаго сильным, гдѣ не будет насилія, а будет дружественный Союз народов, населяющих Россію.

Союз, который на выборных началах, с центральным управленіем в Москвѣ, будет управляться, жить, развиваться и богатѣть.

Только такое объединеніе, и только на таких началах идеалов Фашизма даст возможность полной увязки в один громадный вѣник всѣх 150 милліонов, т. е. Россіи.

Другого способа нѣт и быть не может, да и смѣшно было бы в данное время объединять Россію под другими лозунгами с извращенным понятіем,—т. е. насаждать монархію, помѣщиков, и как послѣдствіе всякой монархіи — наказных атаманов и вообще „единую, недѣлимую"... Глупѣй ничего не придумаешь!

П. Ковган.

---

*) Конечно, г. Яблоновскій, по своему кацапскому зубоскальству, постарается и это незыблемое положеніе высмѣять, как он высмѣял Украину, но сейчас отвѣчать г. Яблоновскому не буду, в слѣдующем томѣ его вполнѣ разъясню.

Приложеніе.

Гнойникоголовый министр.

В г. Тяньцзинѣ издается бульварная газета „Наш Путь“. Ее редактирует извѣстная „величина“ —министр правительства Меркуловых В. П. Разумов. Біографія сего „рыцаря“ довольно сложная и неприглядная, а также темная во всѣх отношеніях.

Прежде всего он, как видно, родился совсѣм „великим“ человѣком, но только грѣх попутал и Разумов не достиг предназначеннаго ему от рожденія...

Разумов окончил высшее учебное заведеніе и был прокурором суда до той поры, пока не застрѣлил свою жену из собственнаго револьвера. Но это произошло случайно: чорт, как говорят, попутал....

Послѣ выставки своей из прокуратуры Разумов поступил на службу к извѣстным бр. Меркуловым в качествѣ повѣреннаго, а когда т/д бр. Меркуловых организовал новое доходное предпріятіе под фирмой „Приамурское Правительство“, то Разумов из повѣренных сразу проскочил в „министры“.

Населеніе счастливой Меркуліи никак не могло понять, почему всѣ начинанія и распоряженія „министра“ Разумова припахивают палатой № 6.

Да и сам Разумов удивлялся этому:

—Человѣк я с виду как будто и нормальный, а от работы моей получается сплошной конфуз.

И только когда при благосклонном участіи Разумова доходное предпріятіе т/д бр. Меркуловых с треском лопнуло и от „Приамурскаго правительства“ остались рожки да ножки в видѣ „земщины“,—только тогда выяснилась причина всѣх причин.

Оказывается, бѣдный Разумов под своей черепной коробкой носил вмѣсто мозгов какую-то весьма зловонную жижицу.

Когда заинтересовавшіеся содержимым разумовской балдешки медики вскрыли оную балдешку, то им пришлось заткнуть носы: до того нестерпимым „министерским ароматом“ оттуда понесло. Пришлось медикам из черепной коробки Разумова выкачать свыше чайнаго стакана зловонной пакости.

Ясно, что при таких условіях, когда у министра в головѣ вмѣсто мозгов какая-то пакость—ни одно правительство, даже спекулятивно-меркуловское удержаться не сможет.

К сожалѣнію, медики, выкачав из головы Разумова зловонную жижу, не догадались ее замѣнить хотя бы телячьими мозгами какого нибудь фашкора и оставили Разумова с совершенно пустой головой.

Однако эта абсолютная пустота головы не помѣшала Разумову задѣлаться „редакто-

ром—издателем“ фашистко-синдикалистко—панельной газетенки „Наш Путь“.

Конечно, отсутствіе мозгов у „редактора“ весьма отражается на газетѣ и „Наш Путь“ сразу же пошел скверным путем, помѣщая на своих страницах неимовѣрную галиматью различных какографов-фашкоров.

Недавно Разумов и его фашкор „На стражѣ“ почтили своим вниманіем и мою скромную фигуру.

В № 218 „Нашего Пути“ от 22/IX сего года помѣщена очередная галиматья под заголовком:—„Интервью с руководителями Союза Нац. Синдикатов“.

В этом „интервью“ развязно-нахальный молодчик называет меня „политическим авантюристом, а быть может и провокатором“...

Надо сказать, что безмозглый Разумов и всѣ его фашкоры и сволочкоры находятся в услуженіи у т/д бр. Меркуловых, весь их фашизм и синдикализм является ничѣм иным, как ловким купецким трюком, а вся их работа направлена на внесеніе разложенія в среду эмиграціи, чтобы их „хозяевам“ удобнѣе было ловить рыбку в мутной водѣ.

Ясно, что всякій, кто так или иначе мѣшает их жульнической работѣ, является объектом гнусной травли.

Эти господа хорошіе даже пытаются перенести свою дѣятельность в Харбин.

Не так давно в мѣстныя типографіи являлся нѣкій подозрительный растерзаннаго и растеряннаго вида субект и вел переговоры о печатаніи „вполнѣ легально“ фашистко—синдикалистко—безмозгло-разумовской газеты. Называл себя этот тип Факеловым и производил впечатлѣніе не то пьянаго, не то свихнувшагося.

Думаю, что он является дѣятельным фашкором безмозглаго Разумова.

Но как бы не старались всѣ эти сволоч коры,—им не удастся помѣшать той большой работѣ, которая ведется истинными патріотами.

Подробныя разоблаченія преступной их компаніи я дам в слѣдующем томѣ моих записок.

Оглавленіе.

═

Замѣченныя опечатки:

Страница	Строка сверху	Напечатано	Слѣдует читать.
8	18	яно	явно
13	1	чсо	что
88	17	успѣетс	успѣете
167	14	Свѣтскій	Совѣтскій
211	11	Пропуск: послѣ слов „с наганами в руках“ пропущены слова: “как было заранѣе условлено между нами и знакомыми жидами“, а слова „с наганами в руках“ относятся к дальнѣйшему, т. е.—„сѣли и поѣхали“...	
345	16	пойтут	пойдут

